

de visu

6'93

ежемесячный
историко-
литературный
и библиографический
журнал

de visu 6(7)'93

ежемесячный
историко-литературный
и библиографический
журнал

- ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ 5 В.И.Лурье.
Воспоминания о Гумилеве
Н.М.Иванникова
- 15 К.К.Вагинов.
Поэма. Рецензии
*Т.Л.Никольская, В.И.Эрль,
А.Г.Герасимова*
- 29 Неизвестное стихотворение
М.А.Кузмина
С.В.Полякова
- 30 Леонид Липавский.
Сны
А.Г.Герасимова
- СТАТЬИ 39 *Л.Ф.Кацис*
Словарь «Стихов
о неизвестном солдате»
- 44 *С.Н.Доценко*
Об одном примере
анаграмматического построения
текста: Вяч. Иванов
- АРХИВОГРАФИЯ 46 *К.М.Поливанов*
Машинописные альманахи
«Гиперборей» и «Мнемозина»
- РЕЦЕНЗИИ 50
- ОБЗОРЫ 57 Книги. Журналы. Газеты
- ХРОНИКА 66

Журнал редактируют:
Александр Галушкин и Александр Розенштром

Над номером работали:
Юрий Бин, Елена Дворецкая,
Юлия Дронова,
Андрей Лебедев (Париж), Сергей Путилов

Оформление:
Татьяна Чернова

При перепечатке ссылка на «De Visu» обязательна
Рукописи не рецензируются, но возвращаются

С №4(5) журнал издается при поддержке
Союза учредителей фондов немецкой науки (Эссен)
Stifterverband der deutschen Wissenschaft (Essen)

Писать по адресу:
Россия, 117437, Москва,
ул. Островитянова, 19 — 139.

Телефоны: 289-63-08, 335-28-84

Подписку за рубежом осуществляет
Galina Zlotnikova:
PO Box 1641
Madison Square Station
New York, NY 10159-1641, USA

ЛР № 070205 от 22.10.91
Формат 60×84 1/8 Печать офсетная
Бумага офсетная Заказ 3326
Тираж 1000 Усл. печ. 9
Производственно-издательский
комбинат ВИНТИ
140010, Люберцы, Октябрьский пр-кт, 403

Ежемесячный историко-литературный и библиографический журнал «De Visu» посвящен русской литературе конца XIX — первой трети XX вв. (от зарождения символизма до торжества социалистического реализма).

В каждом номере:

- *Публикации и републикации неизвестных и забытых текстов русской литературы 1890-1930-х гг.*
- *Статьи и исследования, посвященные литературе этого периода.*
- *Книжные обзоры и рецензии*
- *Ретроспективная библиография (указатели содержания журналов, тематическая библиография, Personalia и др.)*
- *Текущая библиография (аннотированные тематические указатели книг, публикаций в журналах и газетах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг.)*
- *Хроника научной жизни.*

В.И.Лурье Воспоминания о Гумилеве

Воспоминания Веры Иосифовны Лурье, поэтессы, ученицы Н.С.Гумилева, относятся к последнему году его жизни, когда поэт достиг высшего расцвета своего творческого и организаторского таланта. Как точно подметил К.И.Чуковский, «то была болдинская осень Гумилева: самое изобилие стихов, созданных им в эти несколько месяцев, говорило о новых открывшихся перед ним перспективах поэзии»¹. Только в последний месяц своей жизни он сумел выпустить две книги стихов — «Шатер» и лучший свой сборник «Огненный столп» и начал готовить третью — «Посередине странствия земного». С успехом переводил и редактировал переводы французских, английских, немецких авторов для издательства «Всемирная литература» (многое из сделанного до сих пор не опубликовано). Почти ежедневно читал лекции в Институте живого слова и в многочисленных литературных студиях Петрограда. Организовывал и энергично участвовал в деятельности Цеха поэтов, Союза поэтов, Дома искусств, Дома литераторов, различных издательств и журналов.

Этот заключительный период его жизни отражен в многочисленных воспоминаниях современников, отчасти объединенных в сборники², но не в меньшем числе рассеянных по страницам эмигрантской прессы. Среди них — четыре варианта воспоминаний В.И.Лурье, написанных в различные годы.

Вера Иосифовна Лурье родилась в 1901 г. в Петербурге, в семье врача. Окончив гимназию уже после революции, она некоторое время училась на Бестужевских курсах. Осенью 1920 г. узнала случайно, что неподалеку от ее дома почти год работает Дом искусств, где проводятся музыкальные и литературно-танцевальные вечера и скоро откроется литературная студия³. В.И.Лурье записалась сразу на два курса — «Философия театра» Н.Н.Евреинова и «Теория поэзии» Н.С.Гумилева, но в конце концов отдала предпочтение последнему. Во всех литературных студиях, где вел занятия Н.С.Гумилев, он читал один цикл лекций, апробированный зимой 1918-1919 гг. в Институте живого слова⁴. На основе этих лекций он начал создавать летом 1919 г. учебник по стихосложению⁵, задуманный им еще в Париже в 1917 г.⁶ Работа так и не была завершена. Фрагментами ее являются две известные статьи «Читатель» и «Анатомия стихотворения». О практических занятиях Н.С.Гумилева со студистами можно прочесть во многих воспоминаниях, в том числе его учеников.

Курс «Теории поэзии» в Доме искусств постоянно посещали 12-15 человек: К.К.Вагинов, Д.М.Горфинкель, Н.П.Дмитриев, О.М.Зив, В.И.Лурье, В.Ф.Миллер, И.М. и Ф.М.Напельбаум, Т.Г.Рагинский-Карейво, А.И.Столяров, Н.П.Сурина, А.И.Федорова, Н.К.Чуковский и С.К.Эрлих. Несколько раз слушали лекции Н.С.Гумилева Л.И.Борисов, Л.Я.Гинзбург, И.И.Слонимская (Каплан), Г.С.Фиш, и всего раз были Н.Н.Берберова и Н.С.Тихонов. Весной 1921 г., после завершения курса, студисты Н.С.Гумилева не захотели расставаться и почти всем составом образовали кружок «Звучащая раковина», который, как вспоминал Н.К.Чуковский, представлялся Гумилеву «в виде молодежной организации при Цехе поэтов»: «Организационное единство должно было выражаться в том, что он стал главой обеих организаций. Он был объявлен Синдиком «Звучащей раковины»⁷. Это общество молодых поэтов и после гибели мэтра несколько лет продолжало функционировать, в то время как Цех поэтов распался почти сразу же.

Вскоре после трагической смерти учителя, в октябре 1921 г., В.И.Лурье вместе с семьей (родители, сестра, брат) навсегда уезжает в Германию⁸. Узнав, что в Берлине тоже есть Дом искусств, она пришла туда и рассказала русским писателям-эмигрантам о литературной жизни Петрограда, о студии Дома искусств, о расстреле Н.С.Гумилева⁹. Знания и навыки, полученные в студии, помогли ей зарабатывать на хлеб. Она становится постоянной сотрудницей литературного отдела берлинской газеты «Дни», где в основном и публикует рецензии, в том числе на книги Н.С.Гумилева¹⁰, и стихи¹¹.

В качестве примера ее стихотворений, посвященных Н.С.Гумилеву, приведем одно:

НА СМЕРТЬ ГУМИЛЕВА

Дай скончаться под той сикоморой,
Где с Христом отдыхала Мария.

Н.Гумилев.

Слишком трудно идти по дороге,
Слишком трудно глядеть в облака.
В топкой глине запутались ноги,
Длинной плетью повисла рука.
Был он сильным, свободным и гордым
И построил из мрамора дом,
Но не умер под той сикоморой,
Где Мария сидела с Христом.
Он, прошел, спокойно, угрюмо,
Поглядел в черноту небес;
И его последние думы
Знает только северный лес¹².

К годовщине гибели поэта В.И.Лурье подготовила обстоятельные воспоминания, куда вошли дословно некоторые эпизоды из первой статьи. Отредактированные и сокращенные «Воспоминания о Гумилеве» были напечатаны под названием «Маленькая столовая напротив кухни»¹³. Рукопись же воспоминаний — восемь листов, исписанных крупным, почти детским почерком В.И.Лурье, а также лист со стихотворением, обращенным к Гумилеву («Вы глядите на всех свысока...»¹⁴), остались у В.Я.Ирецкого¹⁵. После войны собрание В.Я.Ирецкого в составе русского заграничного исторического архива привезено в Москву.

Воспоминания В.И.Лурье, содержащие ряд эпизодов, которые не вошли в другие варианты ее воспоминаний¹⁶ и не отмечены никем из современников, печатаются по рукописи (РГАЛИ, ф.2227, оп.1, ед.хр.244).

1. Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С.129.

2. Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Париж—Нью-Йорк, 1989; Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991.

3. Первая литературная студия в Петрограде была организована (по инициативе Н.С.Гумилева) в июне 1919 г. при издательстве «Всемирная литература» для подготовки переводчиков. Второй семестр четырехмесячных курсов начался в ноябре 1919 г. в помещении только что открывшегося Дома искусств. Программа студии была значительно расширена. Н.С.Гумилев вел курс по драматургии и практические занятия по поэтике. Среди выпускников этого семестра — И.В.Одоевцева. 15 октября 1920 г. открывался третий семестр литературной студии.

4. Программы курса лекций Н.С.Гумилева по теории и истории поэзии см.: Записки Института живого слова. 1919. С.76, 86-87. Неоднократно перепечатывались.

5. См. сообщения об этом: Чем заняты наши писатели // Вестник литературы. 1919. №8. С.5; Среди писателей // Жизнь искусства. 1920. 20 июля. С.2.

6. Впервые план работы Н.С.Гумилева по теории поэзии, разработанный в Париже, опубликован в книге: Неизданный Гумилев. Нью-Йорк, 1952. С.234-237. Известны многочисленные републикации текста.

7. Чуковский Н.К. Литературные воспоминания. М., 1989. С.42.

8. См., напр., сообщение в журнале «Новая русская книга» под рубрикой «Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918-1922 гг.»: «Вера Лурье, поэтесса, член «Звучащей раковины», живет в Берлине (Charlottenburg, Neue Kantstr, 28), до октября 1921 г. была в Петрограде, где впервые напечаталась в сборн. «Звучащая раковина». Приготовила к печати сборник стихов» (1922. №7. С.33).

9. Этот рассказ под названием «Последние дни Гумилева», подписанный одной буквой В., напечатан в газете «Сегодня» (Рига), 1921, 20 декабря.

10. «Шатер» // Дни. 1922. 22 ноября; «Костер» // Дни. 1922. 30 декабря; «К синей звезде» // Дни. 1923. 25 ноября.

11. «На смерть Гумилева я написала несколько стихотворений. Напечатаны они были в выходившей в Берлине газете «Дни» (из воспоминаний В.И.Лурье. Континент. 1990. №62. С.242).

12. Сполохи (Берлин). 1922. №10. С.2. Указано Р.Д.Тименчиком.

13. Дни. 1923. 17 июня.

14. РГАЛИ, ф.2227 оп.1 ед.хр.245 (машинопись).

Вы глядите на всех свысока,
И в глазах ваших серых тоска,
Я люблю ваш опущенный взгляд,
Так восточные боги глядят.
Ваши сжатые губы бледны,
По ночам вижу грешные сны.
Вы умеете ласковым быть,
Ваших ласк никогда не забыть,
А когда вы со мной холодны
Ненавижу улыбку весны.
Мы случайно столкнулись в пути,
Мне от вас никуда не уйти.
И усердно я Бога молю,
Чтоб сказали вы слово «люблю».
И по картам гадаю на вас
Каждый вечер в двенадцатый час.

15. Ирецкий (Гликман) Виктор Яковлевич (1882-1936) — беллетрист, один из основателей Дома литераторов. В 1922 г. выслан из Советской России. Жил и умер в Берлине. Сотрудничал в русских издательствах и газетах Берлина, Риги и Парижа.

16. Кроме трех упомянутых выше воспоминаний В.И.Лурье о Н.С.Гумилеве см.: Лурье В. Н.С.Гумилев // Русская мысль. Париж, 1956. 20 декабря.

Вот уже больше года прошло с того дня, когда в 9 часов утра меня разбудил телефон с известием о расстреле Николая Степановича Гумилева — моего учителя и друга, которому всегда буду благодарна я как поэту, руководителю и человеку.

Писать воспоминания о нем мне радостно, снова замелькают предо мной дни, переживания и образы, такие понятные в своей неповторяемости.

С Николаем Степановичем связано у меня вступление в литературный круг, новое, более острое понимание жизни, писание стихов и, наконец, последний год, проведенный на родине, в Петрограде.

Говорить о Гумилеве с определенной целью, т<о> е<сть> как о поэте, лекторе в студии Дома Искусства, или просто Николае Степановиче, мне трудно; слился он у меня в один определенный образ: высокий, худой, прямой, точно из дерева, в черном потертом пиджаке с заплатой на спине, всегда в белых носках, спускающихся часто на сапоги — грибочками; или в дохе темно-коричневой, привезенной из Африки, с такой же меховой шапкой, в которой я его очень любила, т<ак> к<ак> она укорачивала его длинный череп и оттеняла его тонкое, бледное лицо¹.

Стриженная, конусообразная голова, раскосые серые глаза, щурятся они точно с усмешкой, глядят на всех свысока, в мелких зубах непременно дымится папирота, в тонких белых руках с длинными пальцами — маленький томик²! И красив он своей некрасивостью, чем-то сильным, напряженным, крупным. Бывало, читает Гумилев лекцию своим спокойным голосом, чуть-чуть шепелявя, и сразу чувствуется, что перед вами большой, настоящий человек.

* * *

Как сейчас помню октябрьский петербургский день, туманное небо, моросит, прыгаю через лужи на Исаакиевской площади, и бегу в Дом Искусства, на углу Мойки и Невского на лекцию «Теории поэзии»³. Ник<олай> Степ<анович> читает раз в неделю, по средам от 6 до 8 часов вечера.

Вхожу в боковую маленькую столовую против кухни, там происходили занятия. Длинная узкая комната, посредине стол, покрытый белой скатертью, вокруг стола студисты, а спиной к двери, перекинув ногу на ногу — лектор.

Т<ак> к<ак> я опоздала на три лекции, то забираюсь в конец комнаты и из своего угла разглядываю Гумилева; у него над левым глазом темное пятно, и все время пускает он густые кольца дыма; на столе перед ним лежит темная черепаховая коробочка с папиросами, ну совсем большая мыльница (без нее нельзя себе и представить Ник<олая> Степ<ановича>)⁴. Совсем особенная была у него манера читать: слова произносил он не спеша, спокойно, монотонно, никогда не повышал голоса; я редко видела таких не нервных людей; его лекции на человека взвинченного могли действовать успокаивающе. Относился вначале Ник<олай> Степ<анович> к нам, студистам, без всякого интереса, т<о> е<сть> читал свои два часа добросовестно, но презирал нас, видно, от всей души; левый глаз его так и щурился с презрительной усмешкой⁵.

Раз прочла ему стихотворение свое, он прослушал, ничего, только папироской попыхивал, а потом говорит: «Хорошо, что здесь хоть смысл есть, а то часто ничего и не понять». А затем переложил на прозу и осмеял. Было очень обидно! А другой раз говорит мне: «Меньше красивых слов — больше красивых мыслей». Гумилев не разговаривал с нами вне занятий, казалось совсем немислимым с ним сблизиться и сдружиться. Но вот настал момент перелома в отношениях лектора и его слушателей: читал стихи Константин Вагинов⁶, Гумилев сразу почувствовал в нем поэта, заинтересовался и постепенно стал приближаться к своим слушателям. К весне мы были друзьями; а раз полюбив нас и поверив в наше действительное желание работать, Николай Степанович стал терпеливо переносить даже совсем слабые стихи, не насмеялся больше, напротив, давал советы и обнадеживал!

Он считал, что каждый может стать поэтом, но есть два типа, одни рождаются поэтами, другие этого добиваются работой, но не только технической: овладение ритмом, метром, рифмой и т.д., а и полной перестройкой своих жизненных вкусов, взглядов, мышлений.

К поэту Гумилев предъявлял большие требования: «мало писать хорошие стихи», говорил он, «надо жить, гореть, бороться, а кроме того, всегда стоять близко к литературно-общественной жизни и уметь во всякое время серьезно говорить о стихах».

* * *

В апреле устроила я у себя вечеринку⁷. Пришел и Николай Степанович; длинный, черный, сел и молчит, ну точно мумия египетская, ни на кого не глядит. Стало неловко, под села к нему на диванчик, подле печурки временной, а труба от нее длинная, всю комнату черным рукавом прорезает... Со мной ничего разговаривает, тихо, еле губами шевелит.

* Вагинов Константин⁶ — молодой поэт из студии Гумилева.

Помню рассказал он, что прежде в Царском Селе тоже встречался со знакомыми, потом уехал за границу и пришел к убеждению, что жить надо своей жизнью, так, как хочется; вернулся и ни одной тетке визита не отдал. Потом говорил, что во всем, за что берешься, надо стремиться к совершенству, и рассказал, как поступив в гусарский полк, выбрал он себе как образец одного гусара, которому во всем подражал, пока, наконец, не превзошел его.

С посторонними Гумилев держал себя холодно и сдержанно, а часто даже высокомерно, за это его многие не любили и было у него немало врагов.

Раз на вечере Цеха поэтов подошел к нему красноармеец с возмущением по поводу обращения Гумилева к публике «господа». Ник<олай> Степ<анович> в это время разговаривал с Лозинским* и еще кем-то; он презрительно повернулся и начал объяснять, что человек высшее существо в природе и потому «господин». Красноармеец заявил, что теперь коммуна, и значит все равны, нет никаких господ, тогда, уже отвернувшись от него, Гумилев процедил: «такого декрета еще не было». В другой раз в «Доме поэтов»⁹ какой-то пролетарский писака нагрубил ему; Ник<олай> Степ<анович>, не показывая раздражения, сел за столик, конечно, перекинув ногу на ногу и закурил папиросу, попросил привести милицию, а на все дерзости того отвечал: «я вообще с Вами не разговариваю»¹⁰.

У Гумилева, несмотря на всю его деловитость, выдержку и самоуверенность, была детски-милая обидчивость. Даже странно, что этот внешне холодный человек, мог принимать близко к сердцу такие пустяки как выбор в редакторы журнала не поэта, а литературного критика.

Это была сильная обида: Ник<олай> Степ<анович> считал, что стихами должны заниматься поэты сами, а вовсе не прозаики, и вдруг его ученики предлагают редакторство журнала одному видному критику. Он хотел было отказаться от роли синдика в нашем кружке¹¹. Переполох получился сильный! Было дело на Страстной; Дом Искусства закрывался! Как поймать Гумилева и уговорить его? Решили все собраться на квартире двух студисток**; Николаю Степановичу была послана открытка. В Страстную пятницу, в жаркий майский день, в комнате духота, все собрались на оттоманку, готовились к встрече Гумилева, придумывали, что сказать, а пришел он, вышло совсем просто; начал добродушно рассказывать свою первую любовь.

Помню я, была она вся в стиле Майн-Рида, с дуэлью, планом похищения, только действие происходило на Кавказе, а самому герою было 15 лет¹³. Этим собрание закончилось, о журнале было вовсе забыто, и все мирно отправились в Летний Сад, бегать вперегонки, причем Ник<олай> Степ<анович> на своих циркулях, конечно, всех обгонял.

* * *

Несколько раз в своей жизни покушался Ник<олай> Степ<анович> на самоубийство, часто из-за любви (он считал без этого и любовь ненастоящей), но всегда неудачно. Раз купил он себе целый фотографический прибор для получения цианистого калия, но последний оказался фальсификацией¹⁴. Другой раз, находясь где-то в гостинице, пустил себе кровь, но руку нечаянно опустил в холодную воду; от потери крови он лишился сознания, но т<ак> к<ак> от холодной воды кровь остановилась, то к утру он пришел в себя; за ненадлежащее поведение его выгнали из гостиницы; тогда, послав на последние деньги телеграмму в Париж, он должен был в глухих кустарниках провести несколько суток, питаясь одними ягодами;¹⁵ но это было Гумилеву не впервые: еще будучи юношей, он раз добровольно ушел из дому и три дня пролежал в поле, глядя на небо и зелень. Он рассказывал, что именно тогда-то узнал и полюбил природу¹⁶!

* * *

Летом мы стали совсем неразлучны. После лекций устраивались игры в кошки-мышки, японские жмурки и т.п. Все собирались в проходной комнате подле концертной залы; инициатором игр был обычно Гумилев. Ясно помню его в парчовой

* Лозинский Михаил⁸ — член Цеха поэтов.

** Фотография Наппельбаум¹².

повязке на лице (ее носила вместо шляпы одна барышня, а мы ею завязывали во время игр глаза), один подбородок из-под нее торчит, и уже ничего не увидишь; руками размахивает он, точно птица крыльями, и ноги быстро длинные выкидывает, на столы и стулья наскокивает, зато и поймает скоро кого-нибудь, не то что Георгий Иванов*, тот тихоня и бегать-то не умеет по-настоящему, все к стенке жметя. Часто гуляли вечерами у Невы.

Хорошо: езды нет, редко грузовик прорежет тишину; пристани покачиваются, вода манит, а облака плывут все куда-то за красный казенный дом. Николай Степ<анович> говорит о стихах, о своей работе, жизни, или читает свои новые еще не отделанные произведения. А иногда мы шли провожать его по Невскому на Преображенскую улицу¹⁸. Как-то говорю ему, что собираюсь за границу, он обещал позже приехать и в Париже, Берлине или Лондоне устроить поэтическую студию. А затем собирался в Петрограде сильно расширить работу, увеличить количество лекций и включить новые предметы, тесно примыкающие к теории и истории поэзии. Вообще у Ник<олая> Степ<ановича> было много планов.

Он считал, что к известному возрасту поэт исписывается и впадает к декадентство, сам того не замечая, но что с ним этого не будет, благодаря тому, что он умеет критически относиться и к своим стихам, а кроме того, он просил двух друзей-поэтов его предупредить, если у него начнется падение таланта, причем, добавил он, ему это будет совсем не неприятно, напротив, как хорошо быть свободным человеком и уехать куда-нибудь в Америку, охотиться на диких зверей.

Я удивилась, отчего, будучи поэтом, он себя не считает свободным, тогда он объяснил, что долг его, как поэта, следить за поэтической работой Союза поэтов и молодежи, тем более, что нет людей, на которых это можно оставить. Гумилев, несмотря на свою моральную независимость и безразличие к мнению людей, был человеком внутреннего долга. Поэзия была для него от Бога, и если поэт в его глазах был первым человеком, то чем больше ему было дано, тем больше с него и взыскивалось. Ник<олай> Степ<анович> был очень религиозен; церкви не пропустит, чтоб не перекреститься. Он находил, что нет неверующих поэтов, даже выпады Маяковского против Бога считал он верой, но только отрицательной.

Характерна любовь Гумилева к музеям и картинам. У него были интересные рисунки в стиле египетских или этрусских фресок¹⁹. Мне пришлось видеть книгу стихов Гумилева, написанную им от руки с собственными его рисунками; туда вошли «Цыгане», «Заблудившийся трамвай» и еще кое-что из последних произведений Н<иколая> С<тепановича>²⁰.

Зато музыки Гумилев не выносил²¹, бывало, вс время камерных концертов Дома Искусства только в антрактах и показывается, то с одним, то с другим постоит. Причем рассказывал Ник<олай> Степ<анович>, что в мыслях проигрывал он целые симфонии.

Как-то в воскресный вечер собрались мы в нашей любимой проходной комнате, за четырехугольным столом, и Гумилев стал придумывать чудесный город. Помнится, одевались там в птичьи перья и цветы; театры отсутствовали вовсе, но зато были кафе разных стран, и каждое выдерживало стиль своего государства; были там и лавочки, в которых продавались предметы, вызывающие какие-нибудь воспоминания. Старикам и детям доступ в город строго воспрещался, и жили они в предместьях. А когда спросили Ник<олая> Степ<ановича>, какое там будет правление, он ответил, что, конечно, монархия, причем там была введена и смертная казнь. Убивать друг друга тоже разрешалось, но для равных условий всех граждан они получали одинаковое вооружение! Вообще интересна любовь Гумилева к придумыванию:

Я придумал это, глядя на твои
Косы-кольца огневющей змеи.
(«Лес»)²².

В этом была какая-то связь с романтизмом всей его натуры, против которого он сильно, но, кажется, тщетно боролся, стремясь к чистому акмеизму.

* Георгий Иванов¹⁷ — член Цеха поэтов.

* * *

В июне уехал Гумилев в Крым, взяли его с собой какие-то истребители зеленых*, вернулся загорелый, веселый, говорил, что ему всюду хорошо; а когда начальник отряда рассказал, как Н<иколай> С<тепанович> ездил с ним на налетчиков и подвергался опасности, он только усмехнулся²³. Три похода в Африке, сам караваны водил, что ему какие-то набеги, и говорить не стоит о них!

* * *

Открывался Дом поэтов, помню, как Гумилев в своем старом сереньком пальто, бегал с Мойки на Пантелеймоновскую²⁴ каждый день; весь ушел в это дело. На открытие собственными силами поставили пантомиму: Радлов** режиссировал, Гумилев изображал Д'Аннуцио в черной бороде; принесли его на стульях, изображавших аэроплан; Ник<олай> Степ<анович> был хорош даже своими угловатыми движениями рук.

* * *

Мне пришлось раз видеть Гумилева на официальном собрании Союза поэтов, он читал доклад о работе Союза, о своей поездке в Крым, где ему удалось выхлопотать дом для писателей. В каждом слове его чувствовался большой организатор, будто он и родился, чтоб сделаться руководителем общественного движения.

* * *

Совсем незадолго до своего ареста Гумилев на одном вечере поэтов (в Доме Искусства) выпустил некоторых из своих учеников, причем трогательно волновался за них, советовал, что им читать, и явно гордился их успехом. За неделю до своего ареста Н<иколай> С<тепанович> разбирал свой сборник «Шатер», изданный незадолго до этого в Севастополе; хочу передать несколько интересных, сделанных им самим пояснений: он собирался написать о каждой стране сборник стихов, причем у каждой страны был свой стихотворный размер; у Европы, например, ямб; но удалось ему только создать «Шатер», посвященный Африке²⁶.

Гумилев называл этот сборник романом в стихах, героем которого явился европеец, влюбленный в девственную, жестокую Африку²⁷:

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламень и дымы,
О тебе, моя Африка, шепотом
В небесах говорят серафимы.

Этими строками начинается посвящение «Шатра».

А в день своего ареста он подарил нам «Шатры» с надписями, был удивительно в духе и каждому надписывал подходящую строчку из сборника же²⁸. Затем все играли в «кошки-мышки» в маленькой столовой, где происходили занятия. Он просил меня его ловить, я ленилась бегать, он настаивал — согласилась.

Не думала я, что то была наша последняя встреча. Когда я уходила, Ник<олай> Степ<анович> сидел у окна, как всегда, слегка согнувшись, низко подал свою белую руку с длинными тонкими пальцами.

Больше я его не видела!

На следующее утро меня предупредили, чтобы я не входила в комнаты Гумилевых, т<ак> к<ак> он арестован, а у его жены засада²⁹. Взяли Ник<олая> Степ<ановича> в три часа ночи; он был спокоен, успокаивал свою жену, говорил, что за него похлопочут и отпустят, как и других.

Казалось, какие-нибудь пустяки, дело одной недели.

Читала открытку, посланную Анне Николаевне***, где он писал, что играет в шахматы и написал одно стихотворение...

* Начальник отряда — московский поэт, знакомый Н.С.Гумилева.

** Радлов Сергей²⁵ — режиссер Народной комедии.

*** Жена Гумилева³⁰.

Но однажды на Шпалерной его не оказалось, пошли искать на Гороховую, тоже нет³¹; обегали все тюрьмы — Нет! Исчез!

В понедельник собрались! Было жутко! Начались разговоры о расстреле! Не верилось!

В среду вечером кто-то пришел в Дом поэтов и официально объявил, что имя Гумилева стояло в списке расстрелянных³²!

В четверг утром мне позвонили; казалось все таким нелепым, точно слова были пустой скорлупой, без содержимого! Перед глазами стояла боковая гостиная в доме Мурузи (Дом поэтов). 2 часа ночи, полутьма, все разошлись, только несколько человек остались. Нератов* играл вальс на рояле. В коридоре, сидя на широком подоконнике, Ник<олай> Степ<анович> рассказывал кому-то про Африку. Я потащила его танцевать; неловко, неохотно танцевал он, все жаловался, что такта не слышит. Потом сидели на маленьком белом диванчике в углу, и он, растягивая каждое слово, читал:

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла,
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.³⁴

Совсем недавно был со всеми, мысленно слышала его голос! Помню, побежала я к дворнику за газетами, села у нас в асфальтовом дворе на большое бревно, приготовленное для распилки, развернула «Правду»: список имен расстрелянных. Нашла! Н.С.Гумилев, тот же черный печатный шрифт, которым так часто писалось его имя, как поэта! Значит, правда³⁵!

А небо было синее, солнце сияло, и люди совсем как и вчера, как ежедневно, проходили по Мойке!

Отслужили две панихиды в Казанском соборе³⁶. Какая-то женщина спросила — о ком; я не ответила и прошла мимо, чтобы не вышла неприятность; быть может нельзя о расстрелянном...

* * *

Прошло лето, в Доме Искусства начались лекции, но в маленькой столовой против кухни, спиной к двери, перекинув ногу на ногу, в белых носках, с дымящейся папиросой в мелких зубах и раскрытой на столе черепаховой мыльницей-папиросницей, уже не сидел больше Николай Степанович Гумилев!

Берлин 26-го сентября 1922 г.

Примечания

В примечаниях приняты следующие сокращения:
ЖГ — Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991.

НГ — Лукницкая В. Николая Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.

1. Экзотический наряд из оленьих шкур, запомнившийся многим мемуаристам, по утверждению Комиссии по улучшению быта ученых. Например, характерное свидетельство Н.А.Оцупа: «Кто из петербуржцев не помнит какой-то странной, гладким мехом наружу, шубы Гумилева с белыми узорами по низу (такие шубы носят зажиточные лопари). В этой шубе, в шапке с наушниками, в больших тупоносых сапогах, полученных из КУБУ (Комиссии по улучшению быта ученых), важный и приветливый Гумилев, обыкновенно окруженный учениками, шел

на очередную лекцию в Институт Живого Слова, Дом Искусств, Пролеткульт, Балтфлот и тому подобные учреждения» (Современники. Париж. 1961. С.26).

Указание комментаторов в ЖГ (с.283) о том, что «доха куплена Гумилевым в марте 1918 г. в Мурманске», не соответствует действительности; источник этих сведений — фраза Э.Ф.Голлербаха в неопубликованном черновике его воспоминаний о Н.С.Гумилеве (собрание А.К.Станюковича): «носил вывезенную с севера оленью доху».

2. Иллюстрацией к этому словесному портрету может быть знаменитая фотография Н.С.Гумилева 1921 г. (с папиросой), работы М.С.Наппельбаума, впервые опубликованная В.В.Енишерловым (Огонек. 1986. №17), и портрет Н.С.Гумилева кисти Н.К.Шведе-Радловой, написанный маслом в 1919 г. В октябре 1920 г. на отчетной выставке в Академии художеств

* Нератов³³ — заведующий Театральным отделом Дома поэтов.

его могли видеть все питерцы. В 1930-е годы портрет был уничтожен его владелицей, И.М.Наппельбаум; сохранилась только черно-белая фотокопия. По воспоминаниям И.В.Одоевцевой, Николай Степанович находил портрет очень удачным и ему было жаль возвращать его художнице. «Гумилев сидит на стуле очень прямо, слегка закинув голову назад, и держит в тонкой, поднятой, отлично выписанной, руке маленькую красную книжку, — что по мнению Гумилева придает портрету “нечто апокалиптическое”. А за ним, как фон, десятки детских воздушных разноцветных шаров поднимаются в голубое небо» (Одоевцева И. На берегах Невы. Вашингтон, 1968. С.471). Немного другое описание портрета дает И.М.Наппельбаум в своих воспоминаниях «Мэтр» (ЖГ. С.181-182).

3. Скорее, это был вечер 10 ноября 1920 г. В РГАЛИ (ф.993, оп.2, ед.хр.1) сохранились две афиши Дома искусств о начале занятий в литературной студии 15 октября 1920 г. Первые три лекции, которые Н.С.Гумилев читал в студии по средам (20 октября, 27 октября и 3 ноября), В.И.Лурье пропустила.

4. Фотографию этого портсигара и рассказ о нем его последней владелицы, И.М.Наппельбаум, см.: Наше наследие. 1990. №1. С.151.

5. Первоначальное отношение Гумилева к студиям раскрывается в разговоре с Н.А.Оцупом: «— Я вожусь с малодаривитой молодежью, — отвечает мне Гумилев, — не потому, что хочу сделать их поэтами. Это конечно немисливо — поэтами рождаются, — я хочу помочь им по человечеству. Разве стихи не облегчают, как будто сбросил с себя что-то. Надо, чтобы все могли лечить себя писанием стихов...» (Оцуп Н.А. Современники. С.27).

6. Вагинов Константин Константинович (1899-1934) — поэт и прозаик, в конце 1920 г. был принят Гумилевым в Союз поэтов. На следующий год у него вышла первая книга стихов «Путешествие в хаос». В письме к исследователю Ренэ Герра уже в 1980-е гг. В.И.Лурье рассказала, как трогательно любил ее в те годы Вагинов. (Континент. 1990. №62. С.241-242).

7. В.И.Лурье жила в то время на ул. Морской, д.48, через несколько домов от Гумилева: вход в его квартиру в Доме искусств был со двора, с ул. Морской, д.14. Листок с номером ее телефона 47-02 оказался почему-то среди бумаг уголовного дела по обвинению Н.С.Гумилева в контрреволюционном заговоре (Архив КГБ, дело №214224, т.177, л.54). См.: НГ. С.281.

8. Лозинский Михаил Леонидович (1886-1955) — поэт и переводчик, один из самых близких и верных друзей Гумилева, еще со времен I-го Цеха поэтов.

9. Домом поэтов (или Клубом поэтов) называли бывший дом Мурузи (Литейный пр., 24/27). В октябре 1920 г. одну из квартир в этом доме отдали Петроградскому отделению Союза поэтов, председателем которого был выбран Н.С.Гумилев, а в мае 1921 г. получено разрешение на открытие клуба поэтов.

10. В воспоминаниях «Маленькая столовая напротив кухни» В.И.Лурье вместо «пролетарского писаки» дает более развернутое определение: «один неизвестный пролетарский писатель, желавший проникнуть в “Дом” без рекомендации». В архиве КГБ в «Деле Н.С.Гумилева» сохранился обрывок записки Гумилева Н.А.Оцупу: «Дорогой Оцуп! Пришел вчерашний скандалист, который скандалит еще больше, показывает мандат грядущего и ругается. Сходи за кем-нибудь из пролеткульта и приведи его сюда, и скорее» (НГ. С.281-282).

11. Неизвестно, какому критику члены кружка «Звучащая раковина» хотели предложить редактирование своего журнала (тем более, что проект не осуществился), но хорошо известно мнение Гумилева, кратко отчеканенное в «Чукоккале» как ответ на один из вопросов анкеты о Некрасове: «Прозаик не судья поэту» (ЖГ. С.138). Уже после смерти Гумилева вышел сборник стихов «Звучащая раковина» (Пг., 1922) с посвящением: «Памяти нашего друга и учителя Н.С.Гумилева». В него вошли произведения Фредерики и Иды Наппельбаум, Даниила Горфинкеля, Веры Лурье, Валентина Миллера, Томаса Рагинского-Карейво, Ольги Зив, Анатолия Стоярова, Николая Радищева (Н.К.Чуковского), Константина Вагинова, Александры Федоровой, Николая Дмитриева, Наталии Суриной и Петра Волкова. Предисловие (без подписи) написала Ида Наппельбаум.

12. Речь идет о квартире с фотопавильоном (Невский проспект, 72, верхний этаж, даже, скорее, мансарда), принадлежавшей М.С.Наппельбауму, две дочери которого — Фредерика и Ида — успешно прошли курс Гумилева, став поэтессами. Весной 1921 г. М.С.Наппельбаум сделал в фотостудии две групповые фотографии кружка с синдиком в центре (одна из них опубликована в статье И.М.Наппельбаум в журнале «Нева», 1987, №12, с.198; в дальнейшем неоднократно воспроизводилась) и уже упоминавшийся фотопортрет Гумилева (см. примеч. 2).

13. Возможно, речь идет о дочери актера Русского театра в Тифлисе, Марии Михайловне Маркс (1889-1967), которой 15-летний Гумилев подарил альбом со своими стихами («душа страданиями полна», «затем, что тебя я безумно люблю»). См. публикацию альбома с предисловием В.Петрановского и М.Эльзона в журнале «Литературная Грузия» (1988. №1. С.94-104). См. также рассказ сводной сестры Н.С.Гумилева А.С.Сверчковой о плане похищения рязанской девицы, разработанном Гумилевым в имении «Березки» двумя годами позже (ЖГ. С.17).

14. Н.С.Гумилев с удовольствием и часто рассказывал о своих покушениях на самоубийство, заново переживая страдания, связанные с любовью к А.А.Ахматовой. Ср., напр., описание попытки отравления цианистым калием в воспоминаниях А.Н.Толстого (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С.38).

15. Ср. свидетельство И.В.Одоевцевой (На берегах Невы. С.174-175), также восходящее к устным рассказам поэта. Но скорее всего, здесь речь идет о Трувилле (Нормандия), куда Гумилев приехал в конце лета 1907 г., чтобы утопиться и где его

задержали полицейские за «бродяжничество». Денег на гостиницу у него просто не было. Выручил его, по всей видимости, брат А.А.Ахматовой, Андрей, которому он написал в Париж. Со слов самой Анны Андреевны об этом записал П.Н.Лукницкий (НГ. С.48-49).

16. Это подтверждает А.С.Сверчкова (ЖГ. С.17).

17. Иванов Георгий Владимирович (1894-1958) — поэт, мемуарист, один из близких друзей Гумилева в последние годы его жизни. Помимо многочисленных статей о Н.С.Гумилеве, он после казни поэта собрал и издал книги его произведений: Стихотворения. Посмертный сборник. Пг., 1922 (2-е доп. изд. с предисловием составителя, 1923); Тень от пальмы. Рассказы. Пг., 1922; Письма о русской поэзии. Пг., 1923. Вместе с И.В.Одоевцевой приходил к студистам после их занятий и тоже пытался участвовать в их играх. О последней игре Гумилева в жмурки 2 августа 1921 г. рассказала Н.Н.Берберова, которая в этот вечер, за несколько часов до ареста Гумилева, единственный раз посетила его студию. «После лекции началась игра в жмурки. Светлые, косые глаза Николая Степановича (он говорил: “у меня глаза не косые, а разные”) выглядывали из-под повязки. Он хитрил, размахивал длинными руками и веселился куда больше своих учеников» (Гумилев перед арестом // Сегодня (Рига). 1926. 27 августа).

18. В марте 1919 г. Н.С.Гумилев снял во временное пользование квартиру, принадлежавшую С.В.Штюрмеру (Преображенская ул., д.5/12, кв.2). Эту квартиру он сохранил за собой до конца, несмотря на то, что с весны 1920 г. фактически жил в Доме искусств. Описание этой квартиры можно прочесть в воспоминаниях Д.Ф.Слепая (ЖГ. С.198).

19. Конечно, это были картины абиссинских художников, привезенные им из путешествий. Три из них, принадлежащие Гумилеву, опубликованы: Огонек. 1987. №15. С.21; Наше наследие. 1988. №1. С.88. Впервые изображение пяти привезенных им картин поместил «Синий журнал» (1911. №18. С.12), снабдив каждую подробным объяснением.

20. Подобно другим поэтам Петрограда и Москвы, вынужденным зарабатывать деньги продажей собственноручно изготовленных «книг» со своими произведениями, Н.С.Гумилев также составил несколько рукописных сборников ненапечатанных стихотворений, снабдив их собственными рисунками и небольшими предисловиями с датой составления. В октябре 1920 г. в Доме искусств открылся книжный пункт «с правом покупки от членов Дома искусств и продажи ими же книг» (Жизнь искусства. 1920. 21-22 сентября). Наиболее полный список рукописных книг Н.С.Гумилева см.: НГ. С.247.

21. Это отмечали многие современники. См., напр., воспоминания О.А.Мочаловой, И.М.Наппельбаум (ЖГ. С.118, 182), С.К.Маковского (На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен. 1962. С.218).

22. Строки этого стихотворения из последней книги Гумилева «Огненный столп» обращены к И.В.Одоевцевой.

23. Здесь многое неточно. Павлов Владимир Александрович (1900-?) сын профессора Московского института путей сообщения, автор единственного сборника стихов «Снежный путь» (М., 1921). Посещал литературные кафе и салоны и был знаком со многими московскими поэтами, в частности с О.Мандельштамом, жившим в это время в Москве. Командующий морскими силами России контр-адмирал А.В.Немитц, чтобы спасти юношу «из хорошей семьи», взял его в 1921 г. в флаг-секретари без ношения формы. В конце мая 1921 г. Павлов по поручению патрона в штабном вагоне выехал в Петроград, взяв с собой Мандельштама, чтобы тот смог повидаться с отцом. В Петрограде Мандельштам познакомил Павлова с Гумилевым. Польщенный знакомством с знаменитым поэтом, Павлов предложил ему поездку в Севастополь, куда в ближайшее время должен был выехать контр-адмирал в своем вагоне. А.В.Немитц, сам писавший стихи, не мог отказать своему протекже. См. воспоминания В.А.Павлова об этой поездке в записи Л.В.Горнунга (ЖГ. С.204-206). В Севастополе командующего встречал начальник оперативной службы Черноморского флота лейтенант С.А.Колбасьев, любимыми поэтами которого с юности были Лермонтов и Гумилев. Он сам сочинял стихи под сильным влиянием последнего. Три человека, любящие поэзию и наделенные властью, помогли поэту напечатать в военной типографии его книгу африканских стихов «Шатер». Рукопись с корректурной правкой Гумилева была подарена Павлову, затем она принадлежала В.Г.Лидину, который ее утратил.

В Севастополе Гумилев выступил с лекциями и чтением стихов, посетил мать А.А.Ахматовой. В Феодосии, куда приплыли на миноносце все четверо во главе с Немитцем, Гумилев пытался в Центросоюзе раздобыть продукты для членов петроградского Дома литераторов, см.: Ирецкий В. Воспоминания о Н.С.Гумилеве // Российский архив. 1991. С.205-211.

В словах В.И.Лурье о грозившей Гумилеву опасности, возможно, есть доля истины. В дневнике П.Н.Лукницкого есть запись от 22 декабря 1924 г. со слов А.А.Ахматовой о крымской поездке поэта: «...Оттуда [Гумилев] вывез с собой, собственно, спас от смерти (какая-то перестрелка), инженера Макридина, он был в Цехе Поэтов...» (НГ. С.255). Макридин Николай Васильевич (1882-1942) — член 1-го Цеха Поэтов, по профессии инженер-мелиоратор; подробнее о нем см. биографическую справку Р.Д.Тименчика: Литературное обозрение. 1988. №11. С.112.

Н.Макридин прибыл из Батуми в Крым перед самым отъездом Гумилева. 25 июня 1921 г. Гумилев выехал из Севастополя и через Ростов-на-Дону и Москву вернулся 7 июля в Петроград.

24. Дом поэтов находился на углу Литейного пр. и Пантелеймоновской ул.

25. Радлов Сергей Эрнестович (1892-1958) — драматург и режиссер, руководитель театра «Народная комедия». О театрализованном представлении «Взятие Фиуме», где Гумилев играл д'Аннунцио, см. в книге Одоевцевой «На берегах Невы» (с.433-436).

26. Это интересное сообщение подтверждается документально, см. план будущих поэтических книг, посвященных каждому континенту: Гумилев Н. Сочинения в 3-х тт. М., 1991. Т.1. С.532.

27. Эту мысль Гумилева В.И.Лурье приводит и развивает в своей рецензии на сборник «Шатер», которая заканчивается так: «Весь “Шатер” написан одним размером, и конечно не случайно, а для того, чтобы стихи носили вполне цикловый характер. Этот размер — анапест, как наиболее выражающий темперамент дикой, еще нецивилизованной Африки. Несмотря на пользование одним только метром, Гумилеву мастерски удается на протяжении всего сборника сильно разнообразить ритмические узоры своих стихов» (Дни. 1922. 22 ноября).

28. Гумилев не надписал книгу только И.М.Наппельбаум, забывшей ее дома. Известно несколько надписей Гумилева на подаренных им экземплярах сборника. «Косте Вагинову. Вы сегодня бледней, чем всегда. Н.Гумилев» (собрание М.С.Лесмана, см.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. М., 1989. С.82); Фредерике Наппельбаум: «И как доблесть твоя, о единственный воин, / Так и милость моя не имеет конца. Н.Гумилев» (книга не сохранилась, см. ЖГ. С.189-190). Первая надпись из стихотворения «Либерия», вторая из стихотворения «Дагомей».

29. Еще весной 1921 г. Гумилев привез жену из Бежецка, где она жила вместе с дочерью у его матери, и поселился с ней в Доме искусств. Всех, кто приходил к Гумилеву 3 августа 1921 г. задерживали чекисты до выяснения личности, но затем всех отпустили.

30. Энгельгардт Анна Николаевна (1895-1942) — вторая жена Н.С.Гумилева. Письмо Гумилева к жене упоминают и цитируют мемуаристы и исследователи, но местонахождение его неизвестно.

31. На Шпалерной, 25 находился Дом предварительного заключения. На Гороховой, 2 находилась Петроградская ЧК.

32. В среду, 24 августа 1921 г. на заседании президиума Петрогуб. ЧК в числе других участников Петроградской боевой контрреволюционной организации Н.С.Гумилев был приговорен к расстрелу.

33. Сведений о нем отыскать не удалось.

34. Начальная строфа стихотворения «Память», которым открывается последний прижизненный сборник Гумилева «Огненный столп».

35. В «Петроградской правде» (1921. 1 сентября) опубликован отчет о заседании Петросовета с докладом о раскрытии «Таганцевского заговора» против советской власти и списки расстрелянных. Под № 35 значилось: «Гумилев Николай Степанович, 33 л., бывший дворянин, филолог, поэт, член коллегии “Издательство Всемирной Литературы”, беспартийный, бывший офицер. Участник Петроградской Боевой Организации, активно содействовал составлению прокламаций контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности».

36. А.А.Ахматова в разговоре с П.Н.Лукницким вспоминала: «Говорили по телефону с Алянским, который сказал о панихиде в Казанском соборе: “Казанский собор...” Я поняла. Была на панихиде и видела там Анну Николаевну, Лозинского, были Георгий Иванов, Оцуп, Адамович, Любовь Дмитриевна Блок была и очень много народу вообще». (НГ. С.242).

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания Н.М.Иванниковой.

К.К.Вагинов

Поэма. Рецензии

<Драматическая поэма о Филострате>

Драматическая поэма о Филострате занимает особое место в творчестве К.К.Вагинова (1899-1934)¹. Это произведение, написанное летом 1925 г., является связующим звеном между ранней прозой («Монастырь Господа нашего Аполлона» и «Звезда Вифлеема»), напечатанной в 1922 г. в альманахе «Абракасас»², и романом «Козлиная песнь», вышедшим в свет в 1928 г. В драматической поэме заложена основная коллизия «Козлиной песни»; в то же время отсылки к поэме, не публиковавшейся при жизни автора, содержатся на страницах романа. Так, в главе «Остров» представители петербургской элиты, собравшиеся в Петергофе на даче-башне профессора Тептелкина, ведут беседу о трагизме своей судьбы — судьбы последних носителей старой культуры. Тептелкин называет себя и своих друзей последним островом Ренессанса, его друг, Философ, мечтает о появлении писателя, который воспоеет их кружок, а Неизвестный поэт знакомит друзей с замыслом произведения, посвященного судьбам творцов, не пожелавших подчиниться наступающей бездуховности: «Я предполагаю написать поэму <...>: в городе свирепствует метафизическая чума: сенюры избирают греческие имена и уходят в замок. Там они проводят время в изучении наук, в музыке, в создании поэтических, живописных и скульптурных произведений. Но они не знают, что они осуждены, что готовится последний штурм замка. Синьоры знают, что им не победить: они спускаются в подземелье, складывают в нем свои лучезарные изображения для будущих поколений и выходят на верную гибель, на осмеяние, на бесславную смерть, ибо иной смерти для них сейчас не существует»³.

Этот сюжет с незначительными модификациями служит стержнем драматической поэмы, в которой впервые появляются Тептелкин и Философ. Главный герой поэмы Филострат является автором стихотворной пьесы, включенной в поэму и пересказанной на страницах «Козлиной песни» Неизвестным поэтом⁴.

Введенный в драматической поэме Тептелкин отличается от своего однофамильца в романе упрощенностью суждений и ярко выраженной сменовеховской позицией. Как отмечает Л.Чертков, отношения в поэме Филострата и Тептелкина напоминают отношения Дон Кихота и Санчо Пансы⁵. Образ Филострата впервые встречается в ранней прозе Вагинова «Звезда Вифлеема», проходит через стихи середины 1920-х гг., драматическую поэму и заканчивает свое существование в «Козлиной песни». Изначально представленный в виде прекрасного юноши, символизирующего искусство, своеобразной

ипостаси Орфея, вагиновский герой ассоциативно связан с греческими писателями Филостратами, авторами «Картин» и «Жизнеописания Аполлония Тианского». В то же время, если в «Звезде Вифлеема» и в начале «Козлиной песни» Филострат содержит «черты архетипического бога — первочеловека»⁶, в драматической поэме на первый план выступает его человеческая ипостась, включающая и такую автобиографическую черту, как библиофильство.

Из «Звезды Вифлеема» в драматическую поэму переходит и образ гадалки, присутствующей также в главе «Остров» в «Козлиной песни». Сближает эти произведения и тема гибели культуры при смене общественных формаций. Эта тема впервые отчетливо звучит в «Монастыре Господа нашего Аполлона», где Вагинов противопоставляет машинной цивилизации полнокровное искусство и развивает идею о необходимости самоизоляции служителей истинного искусства для спасения очага культуры, указывая, однако, на гибельность такого пути для жрецов Аполлона. Сопоставляя постигшие Россию катаклизмы с периодом падения Римской империи, когда белые святые обращались в черных, Вагинов скорбит о гибели языческих богов, но верит в их будущее воскрешение, так как символизируемое ими искусство не может не воскреснуть подобно птице Фениксу.

В отличие от «Монастыря Господа нашего Аполлона», где злободневные аллюзии закамуфлированы труднорасшифровываемыми литературно-историческими реминисценциями, драматическая поэма о Филострате имеет социальную окраску, в целом не присущую поэзии Вагинова. Речь Начальника цеха, угрожающего обитателям замка физическим уничтожением за отказ подвергнуться нивелировке и влиться в ряды исполнителей социального заказа, напоминает выступление рапповских проработчиков. Обреченные на гибель служители муз не сдаются, а ожившие статуи Венеры, Аполлона и Вакха (мотив оживающих статуй перешел в поэму из ранней прозы Вагинова) обещают им свое покровительство.

Свершение пророчества Начальника цеха показано в романе «Козлиная песнь», большинство героев которого не выдерживают неравной борьбы с окружающим их царством большевистской пошлости и, стремясь выжить, предают духовные идеалы, переходят в разряд приспособленцев и разбредаются в разные стороны. Им уже не является образ прекрасного юноши Филострата, который и сам превращается в постаревшего придворного писателя.

Впервые драматическая поэма (неточный текст с пропусками) была опубликована Л.Чертковым в книге: Вагинов К. Собрание стихотворений. Мюнхен, 1982. С.107-118. Отрывки (также с неточностями) печатались ранее в вагиновских «Опытах соединения слов посредством ритма» (см. примеч. 1) и в

De Visu. №6(7).

© Т.Л.Никольская, В.И.Эрль.

© А.Г.Герасимова.

«Альманахе библиофила» (М., 1977. Вып.4). Точный текст поэмы публикуется впервые по правленной машинописи из собрания Н.С.Тихонова и М.К.Неслуховской (ОР РНБ). Для удобства читателей текст разбит нами на сцены (явления).

1. В последнее время произведения Вагинова неоднократно издавались и переиздавались. Начиная с 1989 г. вышло три издания его романов (Вагинов К. Козлиная песнь. Труды и дни Свистонова. Бамбочада. М., 1989; Вагинов К. Козлиная песнь: Романы. М., 1991; Вагинов К. Козлиная песнь. Труды и дни Свистонова. Бамбочада. Гарпагонна. М., 1991), репринт сборника стихов «Опыты соединения слов посредством ритма» (М., 1991. Серия «Книжные редкости: Библиотека репринтных изданий»), в журналах и газетах появились многочисленные подборки его неопубликованных и малоизвестных стихов (полный список публикаций имеется в библиографии, составленной В.И.Эрлем; не опубликована).

2. «Монастырь Господа нашего Аполлона» впервые опубликован в «Абраксасе» в октябре 1922 г. (Пб., 1922. Кн.1), «Звезда Вифлеема» — там же в ноябре этого года (Пг., 1922. Кн.2). Оба произведения Вагинова вошли в книгу «Козлиная песнь: Романы», далее все цитаты приводятся по этому изданию.

3. Вагинов К. Козлиная песнь. С.58.

4. О теме театра в творчестве Вагинова см.: Шиндина О. Театрализация повествования в романе Вагинова «Козлиная песнь» // Театр. 1991. С. 161-171.

5. Чертков Л. Поэзия Константина Вагинова // Вагинов К. Собрание стихотворений. Мюнхен, 1982. С.224.

6. Шиндина О. Некоторые особенности поэтики ранней прозы Вагинова // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15-17 мая 1990 г. Л., 1990. С.104.

Ф и л о с т р а т :

И дремлют львы, как изваянья,
И чудный Вакха голос звал
Меня в свои укромные пещеры,
Где все во всем открылось бы очам.
Свое лицо я прятал поздней ночью
И, точно вор, звук вынимал шагов
По переулкам донельзя опасным.
Среди усмешек девушек ночных,
Среди бродяг физических я чуял
Отождествление свое с вселенной,
Невыносимое мгновенье пережил¹.

Прошли года, он встретился с собою
У порога безлюдных улиц,
Покой зловещий он чувствовал в покоях
Богатых. И казался ему еще огромней
Город и еще ужасней рок певца,
И захотелось ему услышать воркованье
Голубей вновь. Почувствовать не плющ,
А руки возлюбленной.
Увидеть вновь друзей разнообразных,
Увенчанных бесславной смертью.
Его на рынках можно было встретить,
Где мертвые мертвечиной торгуют,
Он скарб, не прикасаясь, разбирал,
Как будто бы его все это были вещи.

Тептёлкин на бумагу несет «Бесов»²,
Обходит шажком фигуру,
Созерцающую бесконечность.

Т е п т ё л к и н :

А все же я его люблю,
Он наш, он наш от пят и до макушки,

Ведь он нас вечностью дарит
Под фиговым листком воображенья.
Дитя, пусть тешит он себя,
Но жаль, что не на Шпрее, не на Сене³
Сейчас. Тогда воспользоваться им всецело
Могли бы мы. И бред его о Фениксе
Мы заменили б явью.

Ф и л о с т р а т :

Какая ночь и звезды, но звезда
Одна в моих глазах, Венера,
Иначе Люцифер — носительница света⁴.
Труднее нет науки, чем мифология.
Средь пыльных фолиантов
я жизнь свою охотно бы провел,
Когда со мной была бы ты, Психея.
Качаема войной, стояла ты,
Глядя на город полуночный,
На приапические толпы⁵,
На освещенье разноцветное реклам,
В природе ежечасно растворяясь
И ежечасно отделяясь от нее.
Устал я жить в движеньи торопливом
Толпы, погруженной в себя.
Все снится мне, сияя опереньем,
Ты Фениксом взвосьешься предо мной,
И что костер. толпы движенье,
И человек — костер перед тобой.
Что ж ты молчишь теперь,
Как будто изваянье, лишенное окраски,
С тяжелыми крылами.
Тебя не выставлю на перекрестке,
Пока ты вновь крылами не блеснешь
И розовостью крыл. полупрозрачных.

* * *

Тептёлкин появляется на том месте, где должны были бы быть двери.

Т е п т ё л к и н :

Вы здесь, маэстро,
Фрагмент вы новый
Готовите.
За вещь большую я не советую
Вам приниматься.
Спокойствие и возраст вам нужны
Для творчества спокойного течения.
Теперь бы вам политикой заняться,
Через огонь и кровь
Необходимо вам пройти.

Наступает вечер, рынок замолкает⁶, торговцы упаковывают свой скарб. На тележках видны японские вазы, слоновая кость, выключатели, подставки от керосиновых ламп.

Лавка книжника.

К н и ж н и к :

Вот «Ночи» Юнга⁷. Дешево я уступлю
Вам. Получите вы наслаждение сильнейшее.
Зажжете вечером свечу или иное
В наш век необычайное изобретете освещение,
Повесите Помпей изображенье,
Заглянете в альбом Пальмиры,
Вдохнете об исчезновеньи Вавилона
И о свинцовом скиптре мрачныя царицы
Читать начнете.

Ф и л о с т р а т :

Я не за ним. Другого автора
Я как-то пропустил,
Он мне сегодня снился ночью.
Я вспомнил, года два тому назад он был
У вас на нижней полке.
Его «Аттические ночи»⁸ я ищу.
Должны вы были настоять,
Чтоб я купил их.
Помните, в тот вечер,
Когда шел снег и дождь,
И красною была луна,
Я забежал, в своей крылатке мокрой⁹,
За Клавдианом в серых переплетах.

К н и ж н и к :

Вы каждый день заходите.
В крылатке, насколько помню,
Не забегали вы. А книги
В мышинных переплетах все проданы.
Вот «Ночи» Юнга, редкий экземпляр,
С французского на итальянский,
Он вам необходим для постиженья душ.
Его для вас я выбрал в куче хлама.

(Филострат убегает.)

Б ы в ш е е   Е г о   П р е в о с х о д и т е л ь с т в о :

Кто этот юноша?

* * *

Свист бури, 6-й этаж, черный ход, перед дверью помойное ведро.
Стены увешаны потертыми и продранными коврами. Прыгают блохи¹⁰.

Ц ы г а н к а :

Так в Бога вы не веруете?

Ф и л о с т р а т :

Нет.

* * *

Улица. Цыганка с Тептёлкиным идет под ручку. Тептёлкин несет под мышкой гитару в футляре.

Цыганка :

Скажите, он опасный человек?

Тептёлкин :

Безумец жалкий.

Тептёлкин и цыганка входят в подъезд ярко освещенного дома.

* * *

Бал-маскарад. Тептёлкин под руку с Филостратом.

Тептёлкин :

Поете вы,
Как должно петь, темно и непонятно.
Игрою слов пусть назовут глупцы
Ваш стих. Вы притворяетесь
Искусно. Не правда ли,
Безумие как средство изобрел
Наш старый идол Гамлет.
О, все рассчитано и взвешено,
И каждый поворот,
И слово каждое,
Как будто вы искусству преданы,
Сомнамбулой как будто ступаете между землей и небом.
О, вспоминаю, как мы играли
В бабки в детстве на дворе.
То есть играл лишь я,
А вы прохаживались, вдохновляясь
Прекрасным воздухом воображаемых рощи.
— Как Сад прекрасен, — говорили вы, —
Не то, что садики голландские с шарами и гномами
С лоснящейся улыбкой.
Аллеи здесь прямы, и даже школы Алкамена¹¹
Я видел торс, подверженный отбросам
Ребятчих тел, сажаемых заботливою няней. —
Не мудрено, затем услышали вы море
В домашней передраге.

Дама :

Вы ищете неповторимого искусства,
Вы, чувствующий повторяемость всего,
Оно для вас прибежище свободы.
Идемте в сад, здесь так несносен шум.

Дама :

Ах! Боже мой! Сияющие пары,
Подумать только, молодость прошла.
Я удивляюсь, как вы вне пространства
Из года в год сжигаете себя.

* * *

Комната Филострата. Филострат лежит. Читает.

— И одеяло дыр полно,
И в комнате полутемно,
И часовщик дрожит в стене,
Он времени вернейший знак,
Возникший и неожиданный враг.
Не замечая, мы живем
И вдруг морщины узнаем. —

И Филострат с постели скок
И на трехногий стул присел.
Достал он зеркало. Увы!
Увидел за собой сады
И всплески улиц, взлет колонн,
Антаблементов¹² пестрый хор.
Не тиканье часовщика,
А музыка в груди его.

— Прекрасна жизнь — небытие
Еще прекрасней во сто крат,
Но умереть я не могу,
Пусть говорят, что звонкий хор
Опасен для ума людей,
Что отрывает от станков
И от носящихся гудков.
Увы! Чем старше, тем скорей
Наступит молодость моя.
Сейчас я стар, а завтра юн
И улыбаюсь сквозь огонь.

* * *

Верб¹³.

Летит московский раскидай¹⁴,
Весь позолочен, как Китай,
Орнаментальные ларцы
С собою носят кустари.
Тепёлкин важно, точно царь,
Идет осматривать базар.

— Вот наша Русь, — он говорит, —
Заморских штучек не люблю.
Советы — это наша Русь¹⁵,
Они хранились в глубине,
Под византийскою парчой,
Под западною чепухой.

Филострат идет с рукописью в театр.

I акт. Темно.

— Страшнее жить нам с каждым годом,
Мы правим пир среди чумы¹⁶,
Погружены в свои печали.
Сады для нас благоухают,
Мы слышим моря дальний гул,
И мифологией случайно

Мы вызываем страшный мир
В толпу и в город малолюдный,
Где мертвые тела лежат,
Где с грудью полуобнаженной
Стоит прекрасна и бела
Венеры статуя и символ.

— Садитесь, Сильвия, составил я
Стихотворение для вас:

«Стонали, точно жены, струны —
Ты в черных нас не обращай
И голубями в светлом мире
Дожить до растворенья дай¹⁷,
Чтоб с гордостью неколебимой
Высокие черты несли,
Как изливание природы,
Ушедшей в бесполезный цвет,
Сейчас для нищих бесполезный».

С и л ь в и я :

Мне с вами страшно.
Зачем беречь наши раны?
Еще не потеряли свет
Земля и солнце и свобода.
Возьмите книгу и пойдем
Читать ее под шелесты фонтанов,
Пока, еще охваченные сном,
Друзья покоятся.
Забудем город.

— Есть в статуях вина очарованье,
Высокой осени пьянящие плоды.
Они особенно румяны,
Но для толпы бесцветны и бледны¹⁸
И, как бы порожденье злобой силы,
Они опять стихией стали тьмы.

В конце аллеи появляется старик философ:

— Увы, жива мифологема
Боренья света с тьмой.
Там, в городе, считают нас чумными,
Мы их считать обречены.
Оттуда я, ужасную Венеру
Там вознесли. Разрушен брак,
И семьи опустели, очаги замолкли.
Небесную Венеру вы здесь храните...
Но все мифологема.

— Ушел старик, боюсь, он занесет заразу
В наш замок. С некоторых пор
Веселье как-то иссякает наше,
Все реже слышны скрипки по ночам,
Все реже опьянение нисходит.
И иногда мне кажется, что мы
Окружены стеной недобровольно.

Во дворе появляется человек:

— Наш дивный друг, всегда такой веселый,
Повесился над Данта песнью пятой¹⁹.
Нам Дант становится опасен,
Хотя ни в ад, ни в рай не верим мы.

Песнь оставшихся в замке:

Любовь и дружба, и вино,
Пергамент, песня и окно,
Шумит и воет Геллеспонт²⁰,
Как чернобурный Ахеронт²¹.
На берегу стоим, глядим,
К своим возлюбленным летим.
Свеча горит для нас, для нас,
Ее огонь спасает нас
От смерти лысой и рябой,
В плаще и с длинною косой.

Песня Сильвии:

Но не сирены — соловьи,
Друзья верны, друзья верны
И не покинут в горе нас,
Светить нам будут в бурный час,
Как маяки для кораблей,
Как звезды в глубине ночей.
Вода сияет, бьет вода,
Сижу я с пряжею над ней.
Вот сердце друга моего,
Заштопать сердце мне дано,
Чтоб вновь сияло и цвело
И за собой вело, вело!

Н а ч а л ь н и к ц е х а :

Избрали греческие имена синьоры,
Ушли из города, засели в замке,
Поэзию над смертью развели
И музыкой от дел нас отвлекают.
То снова им мерещится любовь²²,
Наук свободных ликование,
Искусств бесцельных разговор,
И встречи в зданиях просторных.
Но непокорных сдавим мы
Как злобной силы проявленье.
Скульптор льет статую,
Но твердо знаем мы —
В ней дух живет его мировоззренья,
Должны ему мы помешать
И довести до исступленья.
Поэт под нежностью подносит нам оскал,
Под вычурами — мыслью жалит,
А музыкант, иною жизнью полн,
Языческою музыкой ласкает.
Ты посмотри, они бледны
И тщетно вырожденье прикрывают.
В одежды светлые облачены,
Змеиным ядом поражают.

Ю п и т е р :

Меркурий, что видишь ты?

М е р к у р и й :

Я вижу девушку в листве струистой.
Она готовится купаться в вихре света,
И с ней стоит толпа несчастных гномов.

В е н е р а :

Ты зол на них, Меркурий,
Хоть век твой наступил,
В моем пребудут веке.

Ю п и т е р :

Неподчинение судьбе карается жестоко.

В а к х :

Я подкреплю их силой опьянения.

А п о л л о н :

Искусства им дадут забвеньё.

В е н е р а :

Любовниками истинными будут.

Статуи прохаживаются. Одни идут гордо и <.....>²³. Другие печально.
Венеру ведут под руки Вахх и Аполлон, она идет пошатываясь и опустив голову.
На лужайке музы исполняют простонародные песни и пляски.

Актеры снимают маски. Видны бледные лица.

В зале шум. Тептёлкин вскакивает:

— Нам опять показали кукиш в кармане!

Июнь 1925

Примечания

1. Впервые строфа напечатана в «Опытах соединения слов посредством ритма».
2. «Бесы» — роман Ф.Достоевского.
3. Г.е. не в Берлине, не в Париже — не в эмиграции.
4. Венера, иначе Люцифер — носительница света. Люцифер буквально означает светоносный, устаревшее название «утренней звезды» — планеты Венера во время ее видимости перед восходом солнца.
5. Приап — бог чувственных наслаждений.

6. Прообразом рынка послужил Вагинову Александровский рынок в Петрограде на Вознесенском проспекте. В начале двадцатых годов на этом рынке по дешевке распродавались старинные книги и антиквариат.

7. Юнг Э. (1683-1705) — английский поэт. Главное произведение Юнга — поэма «Жалоба или Ночные думы» (1742-1745) — один из первых образцов «кладбищенской поэзии».

8. «Аттические ночи» — сочинение римского писателя Авла Геллия (130-180), представляющее собрание отрывков из книг различных римских писателей.

9. Клавдий Клавдиан — римский поэт IV в. Клавдиан в серых картонных переплетах имелся в библиотеке Вагинова.

10. Ср. описание жилища гадалки в «Звезде Вифлеема»: «Здесь живет гадалка Панина. <...> Помойная яма. Пятый этаж». // Вагинов К. Козлиная песнь: Романы. М., 1991. С.497; а также упоминаемый в этом произведении шестой этаж, где скрываются поэт и его возлюбленная (Там же, с.493).

11. Алкамен — греческий скульптор второй половины V-го века до н.э.

12. Антаблемент — один из элементов классического архитектурного ордера — верхняя часть сооружения, лежащая на колоннах или стенах и состоящая из трех горизонтальных членений — архитрава, фриза и карниза.

13. Имеется в виду Вербное воскресенье, приходящееся на шестой воскресный день Великого Поста. В этот день устраивают вербный базар, на котором среди прочего продают ветки вербы, символизирующие жизнь.

14. Переключка со стихотворением подруги Вагинова, поэтессы Ф.Напельбаум «Когда московский раскидай / Летит в бумажные букеты» (Напельбаум Ф. Стихи 1921-1925. Л., 1926. С.33).

15. Тептелкин излагает сменовеховскую идею о Советах как исконно-русской, допетровской форме правления.

16. Аллюзия на маленькую трагедию Пушкина.

17. «Стонали, точно жены, струны... до растворенья дай» — строки приведены в романе «Козлиная песнь» как отрывки из поэмы Неизвестного поэта (Указ. соч., с.58).

18. «Есть в статуях вина очарованье... бесцветны и бледны» — строки приведены в романе «Козлиная песнь» (Указ. соч., с.59).

19. В пятой песне «Божественной комедии» Данте рассказана история Паоло и Франчески; ср. смерть Джексона в «Пире во время чумы» Пушкина; ср. также в «Козлиной песни»: «[Тептелкин] то к стати разбирает Данте и дойдя до середины пятой песни, до Паоло и Франчески, потрясенный ходил по комнате» (Указ. соч., с.67).

20. Геллеспонт — древнегреческое название Дарданелл.

21. Ахеронт (греч.) — река в подземном царстве.

22. Ср. стих. Вагинова из «Опытов соединения слов посредством ритма» — «И снова мне мерещилась любовь».

23. Лакуна в машинописи. Слово автором не вписано.

Публикация, предисловие и примечания Т.Л.Никольской; подготовка текста В.И.Эрля.

Рецензии

В ЦГАЛИ С.-Петербурга хранятся две пухлые папки. На одной из них значится: «Ленинградское отделение Государственного издательства СССР. Отзывы и рецензии на произведения. Буквы А-Л. Начато 18 ноября 1925 г., кончено 24 февраля 1926 г.» На другой — то же самое, только: «Буквы М-Я. Начато 9 августа 1926 г., кончено 7 ноября 1927 г.» Среди ленинградских литераторов, и известных, и ныне забытых, поставивших издательству внутренние рецензии, был и Константин Вагинов. Он рецензировал современные французские романы, предназначавшиеся к переводу и изданию для советского читателя. Помимо прекрасного знания языка и материала, эти листки, исписанные черными чернилами, вагиновским свободным, но некрупным почерком, отличаются необычной краткостью, особенно рядом со страницами убоистой машинописи, представленными в издательство иными из его коллег. И если краткость — сестра таланта, то любопытно, что короче вагиновских в этих папках — только отзывы О.Э.Мандельштама, состоящие порой из одного единственного предложения — гневного восклицания.

Публикуемые ниже вагиновские рецензии — единственное, что он оставил в жанре литературной критики, — интересны еще и тем, что писались они в годы работы над романом «Козлиная песнь», и здесь можно найти некоторые параллели между прочитанным и написанным, сравнить требования, которые писатель предъявляет творчеству рецензируемых авторов с теми высокими требованиями, которые он предъявлял самому себе.

Подавляющее большинство рецензий не датировано, и мы располагаем их в том порядке, в каком они подшиты в архивных папках. (Использованы следующие архивные единицы: ф.2913, оп.1, №548Б л.96, 97, 167, 317-318, 350; №550, л.34, 109, 110, 148, 224, 228, 356).

Публикуемые материалы подготовлены при участии Д.Д.Силяченко, сведениями о наличии их в этом архиве мы обязаны В.Н.Сажину. При перепечатке сохраняется орфография и пунктуация подлинника.

Henri Duvernois. «Memoires d'un chauffeur»¹

Книга представляет собой цепь эпизодов.

Шоффер переходит с места на место; описываются характеры кокотов, гризеток, темных дельцов, жен и мужей (адюльтеры). Но остроты анализа нет (никак нельзя сравнить с «Дневником горничной» Октава Мирбо).

Описание скользит по поверхности. Книга — небрежна. Эпизоды не спаяны личностью шоффера и его точкой зрения.

По качеству книга приближается — к железнодорожной литературе, по темам — к «игривой».

Henri Duvernois. «L'amitié d'un grand homme»²

Тема: борьба двух салонов M-me Carlington и M-me Gelif. Погоня за великими людьми. Книга саркастическая и приближается к социальной сатире. Перед читателем проходит целая галерея лиц, метко обрисованных: большого писателя, известного музыканта, двух буржуазных семейств и их знакомых.

Книга вполне пригодна для перевода.

Francis Carco. «Jésus la Caille». Roman

Книга интересна, но местами рафинирована.

Автору удастся увести читателя в особый мир проституток, сутенеров и миньонов и раскрыть перед ним (перед читателем) гамму любви проститутки, Fernande, к еще большей непотребной женщине чем она — к миньону с прекрасной кожей, Jesus la Caille.

Книга полна ночных улиц, баров, встреч, любовных томлений воров, миньонов.

Разговоры героев приведены в арго.

Но автор относится к своим героям безоценочно, он их берет не в социальном или моральном разрезе, а в психологическом (местами в эстетическом). Он берет их как профессионалов и показывает, что для них их профессия столь же обыденна и что они переживают любовь со всеми ее перипетиями, как и остальные люди.

Книга читается с большим интересом и хотя в ней все время фигурируют проститутки, сутешеры, воров и миньоны — в ней нет порнографии.

«Le Revenant»³. Henri Duvernois.

«Мертвец» Анри Дювернуа

2 печатных листа

Рассказ без идеологии.

Язык: точный, краткий, компактный, напряженный, передающий оттенки мысли и чувства.

Тема: вспышки любви в третьем поколении горожанина, волнения, поступки, происшествия, вызванные ею и окончательное превращение героя романа в мертвеца — человека за прилавком.

Достоинства: слияние психологического анализа с авантюризмом построения.

Роман увлекателен, вполне доступен рядовому читателю.

Роман несомненно художественен.

Фабула: детство героя за прилавком в магазине отца, торговца сафьяном. Юность героя, характеристики его приятелей. Мечта о женитьбе.

Герою тридцать лет. Смерть отца. Приятель подсылает свою кузину. Герой принимает ее продавщицей. Брак. Счастье героя.

Однажды герой узнает, что его жена кузина его друга.

1. Записки шофера (фр.)

2. Дружба великого человека (фр.)

3. Возвращающийся, приходящий вновь (фр.). Вольный перевод Вагиновым названия романа вызван, быть может, тем, что слово «revenant» употребляется, в частности, тогда, когда идет речь о появлении приведения.

Подозрения. Отъезд в Испанию, чтобы проверить подозрения. Внезапное появление в Париже. Догадка подтвердилась. Герой симулирует — что его убил друг — любовник жены и тайно возвращается в Испанию.

Все считают его *мертвым* (погибшим).

Все же он любит жену. Идеализация жены. Приезд героя в Париж.

Встреча с женой. Герой чувствует, что перед ним только женщина, а не подруга. Герой садится за конторку, перебирает книги, становится настоящим *мертвецом*.

Julien Guillemand. «L'Homme au cou tors». 4-e Edition¹
15 печ<атных> л<истов>

Человек с кривой шеей и нестигающей ногой — конторщик Stephane Herbelot посещает автора и рассказывает о своей жизни и чувствах.

Произведен довольно тонкий и чрезвычайно подробный анализ чувств калеки и его любви к машинистке — Simone Blevert. Роман кончается трагически. Stephane Herbelot, после выхода замуж Simone Blevert за присяжного поверенного, гибнет во время ночной драки между матросами и сутенерами. Роман — чисто психологический, действие течет медленно, все время тормозится пейзажами. Калека — Stephane Herbelot воспитанник Бодлэра, Корбьера. Он считает себя психически аномальным, но, на самом деле, застенчивый и тонко анализирующий свое состояние человек.

Роман примыкает к довоенной литературе².

Роман вял и при переводе окажется скучноватым.

18/XI 26 г.

Francois Mauriac. «Le desert de l'amour³». Roman

Психологический роман

Главная тема: любовь двух людей — отца-доктора и его сына-школьника Раймонда к Марии Гросс — любовнице M.Larousselle. Произведен убедительнейший анализ переживаний школьника и доктора и показано различное действие любви на трех персонажей.

Роман протекает не на столкновении отца и сына, а на столкновении трех чувств: — чувства идеального доктора — идеализирующего Марию Гросс, чувства Марии Гросс, идеализирующей школьника — и школьника, смотрящего на все примитивно, почувствовавшего себя самцом. Вся история рассказывается отчасти от лица автора, отчасти от лица тридцатипятилетнего Раймонда, в то время как он сидит в кафе и смотрит на свою первую любовь — Марию Гросс, уже сорокачетырёхлетнюю женщину.

Jean Richepin. «Monsieur Destrémeaux» (roman psychologique)⁴

Тема: в провинции появляется — умный, образованный, богатый спортсмен. Он становится женихом дочери полковника первой Империи. Но накануне свадьбы герой рассказа должен уехать — он получил известие, что он разорен. Из Лондона он присылает письмо — просит подождать три года — в три года он снова составит состояние. По истечению трех лет (он снова богат) он, побуждаемый честностью пишет полковнику, что он клоун, и просит написать хоть строчку. Но последовало презрительное молчание. Роман читается легко.

Jean Richepin. «Le papillon et la flamme⁵»

Тема: молодой провинциал приезжает в Париж и видит сон — будто он становится женихом богатой, но непризнанной наследницы индийских миллионов. Его сообщни-

1. Человек с кривой шеей. 4-е издание (фр.)

2. Нижняя часть листа отрезана, видны верхушки букв: видимо, Вагинов отказался от более подробного анализа. Заключение — на обороте листа.

3. Пустыня любви (фр.)

4. Психологический роман (фр.)

5. Бабочка и огонь (фр.)

чество и его борьба за миллионы с темными личностями. Темные личности его подводят, и его ждет гильотина. Он просыпается и в ужасе от Парижа уезжает обратно в провинцию.

Рассказ написан небрежно, наспех, насквозь литературен, и, несмотря на имя автора, неинтересен.

G.Zaidan. «Allah veuille!». Roman de la révolution turque¹

Роман бульварного типа — о первой турецкой революции (1908 года). Ни типов, ни специфичности того времени он не создает. Интрига — любовная — с приставанием тайного агента к невесте журналиста революционера, с бегством ее, с гаремом, с мишурой Ильдиз-киоска, с трафаретным Абдул-Гамидом, с незнакомцем в маске.

Роман не является ни в каком случае турецким, хотя и написан турком, а французским — для железнодорожного чтения.

Abel Hermant. «Le singuliere aventure»²

Тема: после смерти Ричарда Смита, его душа переселяется в тело его друга лорда Бемфиджа и последний начинает жить двойной жизнью.

По направленности роман примыкает к типу рассказов Эдгара По.

Книга читается легко, но особыми достоинствами, кроме легкого чтения, не обладает.

Hermant (Abel). «Secondes classes»³

Хорошо написаны рассказ об эротических приключениях зажиточного семейства (Les Pabsgraves), попавшего после войны в Париж.

Жена главы семейства — в Париже вступает в связь с пианистом, дочь — с шоффером.

Семейство (Les Pabsgraves) уезжает в Америку в первом классе, увозя во втором классе женихов дочери и жены.

Рассказ полубытовой-полупсихологический. Он занимателен, но не выше.

Никаким литературным событием считать его нельзя⁴.

Abdelkader Hadj-Hamon. «Zohra». Roman.

20 печатных листов

Автор — бербер, пишущий по-французски. Он утратил настоящее ощущение своей расы и мыслит и чувствует, как поверхностный французский романист — работающий над азиатским или африканским материалом.

Появление этой книжки во Франции обязано удивлению, что бербер мыслит непосредственно по-французски. Она была принята, как доказательство силы и успеха колониальной политики. Кроме того, в ней есть лестные мысли автора о Франции.

Роман посвящен описанию жизни алжирских рудокопов — араба и итальянца, их жен, любовницы итальянца, действию алкоголя на мусульманина и развивается не в социальном разрезе, а в плане любви, авантюры, вреда алкоголя для туземцев, тиранов чиновников и прекрасной Франции, колонизирующей Африку с самыми прекрасными намерениями.

Charles-Henry-Hirsch. «La passion de Bouteclon»⁵. Roman

Страсть (чувство) француза Bouteclon к арендуемой его родом (в течение 200 лет) земле у герцогов de Guebre. Боязнь Bouteclon, что последний герцог продаст землю не ему, а, вместе с прочими именьями, богатому дельцу — Achelle. Интересен тип дочери крестьянина Bouteclom — окончившей l'Ecole de Chartes⁶, чтобы лучше знать

1. Да будет воля аллаха! Роман о турецкой революции (фр.)

2. Странное приключение (фр.)

3. Вторые классы (фр.)

4. Ниже — резолюция карандашом: «На повторную рецензию. 12/1.27».

5. Страсть Бутеклона (фр.). Рядом с заглавием — резолюция карандашом: «Отклонить. 10/XII.26».

6. Школа права (фр.)

историю арендуемой ее фамилией земли. Сам Bouteclon убедителен, но остальные герои романа ни в какой степени не показаны, хотя им посвящены целые главы. Роман страдает длиннотами, чрезвычайно вял, и только последние главы могут вполне увлечь читателя.

Желание второй раз прочесть, ни в каком случае, не может появиться у читателя. Нигде автор не обмолвился — ни острой мыслью, ни острым наблюдением. Весь роман моден, поверхностен и небрежен.

Публикация, подготовка текста и предисловие А.Г.Герасимовой.

Неизвестное стихотворение М.А.Кузмина

Смешно, разумеется, сравнивать наше время с эпохой Возрождения, но все же у них есть одна общая черта — подлинный, даже, в известной степени, лихорадочный интерес к текстам, долгое время лежавшим под культурным, как говорят археологи, а точнее — «некультурным» слоем. На этой волне возник интерес к творчеству еще недавно совсем забытого Михаила Кузмина. Его возникновению способствовали работы Г.Г.Шмакова, одного из первых в России после долгого перерыва обратившегося к изучению творчества поэта и стимулировавшего интерес к нему за границей. В результате собрано и опубликовано множество ранее неизвестных текстов. Благодаря любезности жены близкого друга Кузмина — Л.Л.Ракова¹, ныне покойной Марины

Сергеевны Фонтон, я получила возможность ознакомиться с его архивом, в частности, с хранившимися в нем стихами Кузмина, и скопировать часть его рукописей. Все, кроме публикуемого ниже стихотворения, появились в печати; «Я чувствую...» — обращено к Л.Л.Ракову, об этом свидетельствует время его возникновения: маем, июнем и октябрем датированы остальные стихи, посвященные этому лицу, а также характер отношения поэта к своему адресату.

1. Раков Лев Львович (1904-1970) — специалист по истории Рима и раннего христианства, впоследствии директор Публичной библиотеки в Ленинграде.

Я чувствую: четыре
Ноги, и все идут.
Острей, прямей и шире
Глаза мои глядят.
Двойное сердце бьется
(Мое или твое?)
Берется и дается
Обоими сполна.
Коричневым наливом
Темнеет твой зрачок,
А мой, каким-то дивом
Сереет, как река.
Тесней, тесней с любимым!
Душа, и плоть, и дух, —
И встанешь херувимом,
Чудовищем небес.

7 ноября 1924 г.

Публикация и вступительная заметка
С.В.Поляковой

Леонид Липавский

СНЫ

Леонид Савельевич Липавский (1903-1941) начал как поэт. Известны его ранние стихи, вложенные в коллективное письмо А.А.Блоку (1921, вместе с А.Введенским и В.Алексеевым)¹, причем в этом контексте стихи Липавского производят впечатление наиболее литературно грамотных. Позднее Липавский был принят «подмастерьем» в Цех поэтов и печатался в его изданиях². Вскоре он, однако, перестал писать стихи, во всяком случае, печатать их — возможно потому, что принадлежал к тому типу литературно одаренных людей, у которых потребность создавать художественный текст перекрывается потребностью оценивать созданное, равно нелицеприятно и свое, и чужое. Я.С.Друскин в своем известном мемуарном эссе «Чинари» писал, что еще в гимназической литературной группе (с Введенским и Алексеевым) «Липавский был не только поэтом, но и теоретиком группы, руководителем и главой-арбитром их вкуса. <...> У него была редкая способность, привлекавшая к нему многих, — умение слушать. <...> Мнением его интересовались, с ним считались, но в то же время его боялись. Он сразу находил ошибки и недостатки в том, что ему говорили, и что давали читать»³.

В результате основной частью творческого наследия Липавского являются «Разговоры» (неоднократно публиковавшиеся в отрывках, полностью — находятся в печати) — запись бесед в кругу «чинарей» в 1933-1934 гг. Помимо «Разговоров» сохранилось небольшое число трактатов. Один из них, самый крупный — «Теория слов» — представляет собой изложение самобытной теории образования и функционирования слов языка. Другие тексты, меньшие по объему — главным образом свободные размышления на естественно-научные темы, причем автор старается как можно меньше прибегать к существующим теориям и как можно ближе держаться к непосредственным человеческим ощущениям. В «Разговорах» сам Липавский говорит об этом так: «Когда подумаешь, сколько поколений было до тебя, сколько людей работало и исследовало, когда видишь толщину энциклопедического словаря, проникаешься уважением. Однако это неверно. Производное и второстепенное исследовано со страшной подробностью, главное неизвестно точно так же, как тысячи лет назад. <...> наука уже давно не смотрит прямо, а ощупывает, изучает по мелочам и косвенно. Очевидно, потому что до сих пор, когда смотрели, ничего не видели. И понятно, почему. Ведь все принимали время, пространство, предметность мира за что-то данное, неразложимое, о чем и говорить не стоит, а надо считаться с таким, как все это есть. Это было искажение в самом начале, закрывавшее все пути.

<...> Были взяты уже неправильно завязанные узлы и вместо того, чтобы их развязывать, пошли плести дальше. Сейчас, как и всегда, надо начинать с самого начала <...> Сейчас надо задавать вопросы прямо, помня, что данные для ответа найдутся, если хорошенько присмотреться». Об этом почти прутковском стремлении «смотреть в корень» говорят сами названия трактатов: «Время», «Головокружение», «Исследование ужаса», «Объяснение времени», «Последовательности», «Созерцание движения», «Строевые качества»⁴. Интересно, что за процитированным высказыванием Липавского в «Разговорах» следует размышление Введенского о том, «можно ли на это ответить искусством»; ведь художественные тексты обзристов — те же трактаты об основах бытия, что и философские исследования Друскина или Липавского, только исследование выполняется иными средствами.

Тетрадь «Сны» — одна из попыток осуществить чинарскую идею «проследить искусственно сны», которую обсуждают, в частности, Друскин и Липавский в «Разговорах». Тема сна и сновидения, в высшей степени характерная для модернизма, была, безусловно, актуальна и для круга обзристов и чинарей, с их интересом к промежуточным, «сумеречным» состояниям сознания. Записи снов и размышления об их значении встречаются у Хармса, сновидение — едва ли не основное «агрегатное состояние» условных персонажей Введенского, роман К.Вагинова «Гарпагониана» в ранней редакции назывался «Собиратель снов», у Друскина есть целая книга «Сон и Явь», которая началась с фиксирования сновидений, главным образом построенных на встречах и беседах с друзьями — «чинарями», ушедшими к тому времени в мир иной.

«Сны» — не исключение в ряду текстов Липавского, имеющих в виду непредвзятый анализ непосредственно наблюдаемых и ощущаемых фактов. Порой автор констатирует «непонятность» там, где наше избалованное непреложностью психоанализа сознание подсказывает сразу несколько банальных расшифровок. Но Липавского это не устраивает: «в таком виде сон не открывает ничего нового». Было бы смешно предположить, что Липавский не был знаком с основами фрейдизма, который, как известно, был чрезвычайно популярен в России предшествующего написанию «Снов» периода. Однако, анализируя свои достаточно «понятные» сны, он с завидным постоянством игнорирует такие привычные, кажущиеся незаменимыми клише, как «эдипов комплекс», «страх кастрации», «фаллический символ» или «вытеснение», пытаясь, как и всегда в своей работе, идти собственным путем.

Тетрадь начинается с жалобы на то, что «сны не хотят выдавать своей тайны и сразу уходят в забвение»; предпринятая попытка «принудить их к

откровенности» не имеет отчетливого завершения, но заканчивается весьма закономерно, как обычно заканчиваются такого рода эксперименты: автору начинает сниться, будто он видит сны и проникает в их тайный смысл. Видимо, этот тайный смысл и есть самая важная часть трактата; и то, что эта часть остается за кадром, рождает красивый, вряд ли запланированный эффект «открытого финала».

Тексты печатаются с предпочтительным соблюдением авторской пунктуации и орфографии (за исключением явных опечаток). В квадратных скобках — конъектуры.

Оригинал, представляющий собой рукописную тетрадку, хранится в РНБ, ф.1232 (фонд Я.Друскина), ед.хр.68.

1. РГАЛИ, ф.55, оп.1, ед.хр.119.

2. Диалогическая поэма // Альманах Цеха поэтов. Пб., 1921. Кн.2. С.52-55; «Солнце запало в чужие страны...»; «Слушай тягу, да!..» // Цех поэтов. Пг., 1922. Кн.3. С.13-15.

3. Аврора. 1989. №6. С.104.

4. Все эти тексты хранятся в РНБ, ф.1232.

1.

Я вижу сны очень редко. Написав это, я должен сейчас же сделать поправку: я вижу сны часто, может быть, даже всегда. Но я их почему-то сейчас же забываю, в самый миг просыпания. Может быть, тут виной моя очень слабая зрительная память: ведь сны «видишь». А может быть, причины глубже: сны не хотят выдавать своей тайны и сразу уходят в забвение. Если это так, то они очень предусмотрительны: я бы уж принудил к откровенности, только попадись они мне!

И даже те немногие сны, которые я запомнил, это только обрывки. Самое существенное, очевидно, потеряно. Вернее, это не сами сны, а оставшиеся в памяти их краткие сюжеты. Поэтому судить о их подлинном смысле нет возможности, слишком мало материала.

2.

Первый сон относится к самому раннему детству. Будто я засыпаю, и мне поют «Баю-баюшки-баю, не ложись на краю, не то волк придет и тебя унесет». И вот, действительно с другой стороны комнаты выходит мужчина, помнится, дядя, и он же — волк. Он приближается ко мне, и это страшно.

3.

В изложенном сне имеются достопримечательности¹. Ведь я вижу во сне, что я засыпаю. Засыпание, это, конечно, картина счастья: тепло, уютно, мягко. Эта минута была еще сладостна и потому, что меня чаще всего укладывала спать, наверное, мать. Так что это была как бы минута любви. И вдруг все это нарушается тем, что² подкрадывается нечто чуждое: мужчина³. С ним, очевидно, связано что-то грозное, недаром он в образе волка.

4.

В детстве меня мучили кошмары. Без них, кажется, не обходилась ни одна ночь. Удивительно, что я забыл их.

Впрочем, один кошмар я помню, в очень общих чертах. Вот он: у нас на кухне, за окном, находится страшное чудовище (какое именно, не помню).

Что можно сказать по этому поводу? Очень мало.

Кухня, это место неведомого соприкосновения с внешним миром: там находится черный, задний, ход, который не для ребенка. На кухню вообще не рекомендуется ходить. Окно там непохоже на остальные окна квартиры, за ним разные странные вещи, и это окно чаще открывается. Вместе с тем, в кухне есть что-то таинственное и привлекательное. И вот, отсюда-то, через этот наименее защищенный фронт, проникает какая-то грозная сила.

5.

Другой кошмар, относящийся к тому же времени.

Я еду в поезде. Он идет тихо, в нем сумрачно и тускло⁴. И вдруг, поезд тормозит и останавливается, явно не на станции, а посреди пути. Дверь сама собой открывается⁵ и входит темнота и пустота и еще что-то страшное, что не знаю. Входит ветер или сквозняк и гасит свет.

6.

Отступление о поезде.

В детстве я очень любил поезд, путешествие в нем представлялось мне совершенным счастьем. Тут и полная беспечность, все для тебя уже уготовано, и необычность, и ощущение свободы. А это мягкое укачивание, потрясывание! И могущество: ты мчишься мимо мира, это как бы полет. Да, это настоящий рай, может быть, напоминающий тот первый рай, когда ты был младенцем, тебя кормили и качали.

Недаром принято было совершать «брачное путешествие».

Вместе с тем, поезд — это образ самой жизни. Помню, мы с сестрой играли в детстве: бог дает каждому железнодорожные билеты и на них написана предстоящая жизнь.

Любовь к реальному поезду у меня со временем ослабела. Но представление о нем осталось и посейчас то же.

Есть предметы, в которых я ощущаю какую-то значительность, тайный смысл. Например: тюбики, трубы, крытые галереи, винтовые лестницы, коридоры, жуки, бабочки, высокие дощатые заборы, вокзалы, ванна.

Среди них и поезд. Знаками счастья служат для меня: поезд, беседка с разноцветными стеклами, моторная лодка в море, полет в цирке на трапеции, свеклосахарные плантации.

7.

Вернемся к сну. Тихий, унылый ход поезда, это предчувствие неотвратимого, обязательного несчастья. В торможении есть чувство беспомощности, сердце замирает, не за что зацепиться. Холодный ветер, отворяющий дверь, входящая с ним темнота и пустота, это, конечно, смерть.

8.

В детстве, уже более позднем, у меня бывало изредка, наяву, странное состояние: как бы нарастающий, становящийся невыносимым, готовый вот-вот все захлестнуть, внутренний шум. Но это только было похоже на шум в ушах, на самом деле тут не было звукового ощущения. Нечто подобное тому, что испытываешь, когда с силой, все повышая тон, завывает сирена.

Почему-то это символизировалось у меня так: две старухи, надсаживаясь, кричат друг на друга.

9.

Первый эротический сон⁶: дикарь поднимает меня на руках высоко в воздух. Было страшно, ощущение себя маленького, болтающего ногами, беспомощного.

Недавно я понял, — без рассуждений, но с чувством достоверности, — что в образе дикаря воплотился отец.

10.

Последующие сны такого рода тоже были странными. В одном участвовал какой-то шерстистый зверь. В другом меня усадил на колени царь Николай II, впрочем, не помню далеко ли зашло ощущение, но эротическая нежность во всяком случае была.

С женщиной таких снов было необычайно мало и они почему-то были замешаны на отвращении.

Потом они вообще прекратились, возможно, потому, что не было воздержания.

11.

Довольно часто в моих снах фигурирует тот или иной властитель страны, и почему-то во сне к нему нежность.

12.

Мне снился сон в стихах. Я запомнил из него две строки, «дважды вставал океан и дважды бурные руки, бурные руки из мглы его оседлали».

13.

«Mutter mir ist Angst, das ich kein Vater habe»*. Тоже из какого-то сна; и, наверное, безграмотно.

14.

Сон, записанный давно.

С высоты, через воду, совершили мы (я с товарищем) рискованный прыжок и попали на лед. Я сошел с его плеч и мы поцеловались. Потом мы побежали по переходам, ступенькам, коридорам, открывая как знали, задвижки дверей. Мы были уверены, что нас хорошо примут, потому что видели наше прибытие, и мы скажем: «Мы — two artists» (по-английски — два художника). Это была винтовая культура, винтовой мир.

15.

Тоже записанный сон.

Шеф был очень растерян: он звал каждого из нас поодиночке в комнату и там подводил ему глаза. Мы бегали, как ошалелые гимназисты, из одного конца коридора в другой. Как чужды мне эти люди, чувствовал я. Выйдя на улицу я увидел знакомую, я узнал ее по пальто и по росту и хотел догнать. Но она вошла в углубление, в Пассаж, я ее не догнал. У входа в Пассаж стояли две женщины, мать и дочь. Я предложил проводить их, мне было по пути. Когда пошли, одна из них сказала: «В Москве милостыню подают только те, у кого плохие перчатки». По смыслу, очевидно, бедные. Не нищие ли они, подумал я, они были плохо одеты. Дочь была привлекательна, милая. Я спросил ее на ухо: «Откуда, кто Вы?». Она ответила несерьезно: «Из Смирны. Вы ведь не знаете, где она». Но я знал, в Турции. Тогда она сказала: «Мы из Вятки, там у нас поместье». Проходя мимо дома, где живет мой товарищ, я услышал, что из верхнего окна несется скорбная и торжественная музыка скрипки. Мне стало тяжело: я понял, что над ним играют глубокой ночью потому, что он умер: он лежит посередине комнаты на полу, а кругом него люди; но он не умер, а сошел с ума.

Думаю, что этот сон, как и предыдущий, можно было расшифровать только по свежим следам, связав с какими-то событиями дня. Теперь же смысл утерян.

14.⁷

Мне часто снится преследование.

15.

Стереотипный сон: опоздание на поезд. Особенно упорно снился, когда женился в первый раз.

Я объяснил себе этот сон элементарно физиологически: перенапрягая силы, наслаждение, за которым гонишься, а оно убегает. Но сейчас я склонен думать, что смысл его шире и абстрактнее: пытаешься схватить жизнь, любовь, счастье, а оно ушло.

16.

Когда умер отец, мне он вскоре приснился пришедшим с того света, налитым какой-то тяжелой силой и энергией, как бы наэлектризованный. Он протягивал мне руку и я знал, что мне не следует к ней прикасаться. У него была странная, быстрая, но косолапая походка.

Недавно, припомнив этот сон, я поразился: да ведь это же повторение ситуации — «Статуя командора и дон-Жуан».

* Мама, мне страшно, потому что у меня нет отца (искаж. нем.).

17.

Я вскоре увидел сон: будто я ласкаю мужчину. «Вот, уж в этом никак не бывал грешен!» — говорю ему, смеясь. И, вместе с тем, понимаю, что мужчина именно — та женщина⁸...

Смысла сна не понимаю.

18.

Недавно видел, если не опоздание на поезд, то ожидание поезда. Будто у нас с женой пересадка, поезд стоит еще на запасном пути, ждать его надо много часов. Суета на вокзале. Мы вешаем свои пальто за какой-то стеклянной перегородкой, я должен следить за ними через стекло. Но толпа их затеняет и их крадут. У меня ощущение беспомощности, вины и отчаяния и я говорю жене: «Теперь только мы остались друг другу!»

19.

Будучи в Москве писал счет за командировку и вместо «В Детиздат» написал по рассеянности «В Детизад». Глупо и пошло!

20.

И снова сон: ожидание поезда. Участвовало какое-то маленькое суетливое животное, какое — не помню. Оно было чем-то нужно и полезно, но надоело мне и я сбросил его в пролет лестницы, оно упало на спину. Я не знал, разбилось ли оно. Потом пошел вниз к поездам. На пути встретил знакомую, она несла подушки...

Жаль, что запомнил только меньшую часть сна. Если бы были подробности, наверное, его можно было бы объяснить.

21.

Я был прав: сны я вижу каждую ночь. Для того, чтобы запомнить сон есть только одно средство: рассказать его себе в самый миг просыпания, т. е. перевести его из зрительной формы в словесную. Может быть, впрочем, в моем забвении снов играет роль еще та общая тенденция не вспоминать никогда прошлое, которую я давно выработал в себе. Так или иначе, я еще запаздываю с рассказом себе сна в миг просыпания, из-за этого большая его часть успевает уже улечься. Но думаю, эту привычку можно развить в себе и тогда я буду удерживать сны в памяти.

22.

На улице какой-то⁹ парень с уродливо короткими руками-обрубками подошел не то к милиционеру, не то к военному и ударил его. На него кинулись с нескольких сторон, он бежал, его догоняли, били, он снова вырывался и бежал. Потом он объяснил нам, мне с женой, свой поступок так: в очереди он уступил свое место другому, а это¹⁰ не поняли и приняли за¹¹ нарушение порядка.

Здесь ясна только конкретизация выражения «руки короткие». Остальное непонятно.

23.

Дело происходит в каком-то большом, старом, сводчатом здании, где помещается учреждение, кажется, военное. Я предлагаю, чтобы в здании произвели ремонт, так как многое в нем пришло в разрушение и стало неудобным. Я почему-то заинтересован в этом материально, от этого чувствую себя несколько неловко и униженно. И от этого говорю слегка витиевато: именно, напирая на то¹², что это мне выгодно, но, полусуштя¹³, замечаю, что ведь это не противоречит объективной необходимости ремонта, перестройки. Чувствую, что¹⁴ моя речь не доходит, меня слушают настороженно. Появляется заслуженный писатель М.¹⁵ Он что-то говорит о «поросычем лице», что именно — не помню. Я понимаю, что это косвенно против меня и сразу отвечаю: «О чем поросычем лице вы говорите, о своем или о моем?» Это почему-то звучало во сне остроумно и дерзко, я знал, что этого он мне не простит. Но заведующая, с которой я говорил о ремонте, мало обращает внимания на меня, отвлекается разговорами с другими. Тогда я решаю уехать. Я еду на трамвае, мне нужно пересест¹⁶ на другой трамвай, чтобы попасть на вокзал и уехать домой. Я вспоминаю, что часть своих

вещей я забыл в том учреждении. Да и те, что со мной, уложены как-то нелепо, тоже теряются. Какой-то сосед помогает мне их отыскать и уложить правильно.

24.

Изложенный сон связан опять-таки с ожиданием поезда, стремлением уехать.

Элементы сна поддаются расшифровке. Здание, это — здание, вернее переиздание (старое, я хочу его перестроить, мне это выгодно). Что касается «поросычьего лица», то это как-то связано с НАЗ¹⁷. Потеря вещей — потеря благосостояния, страх бедности, который владеет мною и наяву. Поезд, который доставит домой, это жизнь, соответствующая моим склонностям¹⁸, независимая, которой мешают материальные заботы.

Но в таком виде сон не открывает ничего нового.

Смысл этого сна, очевидно, тождествен смыслу того, который изложен в §18. Там жизнь — на запасном пути, еще долго не начнется, не тронется, приходится мне участвовать в чуждой суете, материальный урон.

25.

«Отец» живет высоко, в доме, который по всем признакам новостройка. Я написал в кавычках, потому что этот человек ничем не был похож на моего реального отца. Какие у нас отношения, для чего я к нему пришел, все это, к сожалению, забыл. Но помню чувство отдаленности, сложности, даже какой-то дипломатичности отношений, что-то я должен был сделать. Помешало следующее обстоятельство: мне сообщили по телефону, что больна моя первая жена. Потом пришла женщина с тем же известием. Я спросил, может быть положение серьезнее, чем мне говорят? Да, это так: заражение крови после аборта, она уже не узнает никого, обречена. Я спрашиваю, как же будет, ведь ей нельзя там оставаться, все обнаружится. Мне отвечают, что ее тело после смерти перенесут тайком в другое место. Я спешу, чтобы застать ее еще в живых. Отец выходит из уборной, заходит в ванную комнату, очевидно, для того, чтобы вымыть руки. Я подхожу к нему и говорю, что мне надо идти, он меня, наверное, извинит, если бы не такое обстоятельство, я бы выполнил обещанное. Мельком я замечаю, что кисти рук у него отрезаны. Дальше следует какая-то ерунда, я даже не уверен, видел ли я это во сне или примешалось¹⁹ потом при просыпании: он лежит, я целую его в шею, а рукой касаюсь женской груди, т. е. он, выходит, женщина. Я выхожу поспешно из дома и думаю с тоской, почему я не узнал толком, какими трамваями ехать, я, наверное, запутаюсь. Очевидно, дело происходит в чужом городе.

26.

Относительно изложенного выше сна.

В момент просыпания я понял с несомненностью, что «отец» — это тот врач, у которого я однажды лечился от уретрита. Сходство внешнее: по профессии. Но, может быть, сходство гораздо глубже: в тот момент, когда я обращался к врачу, я был напуган, от его ответа зависело многое; да и сама техника лечения ставила меня в какое-то зависимое и унижительное положение...

«Живет высоко в новом доме», — это может означать просто: на небе, на том свете. А может быть, здесь все та же глупая игра слов «здание — издание»: этот врач был для меня отцом «в новом издании». Что касается аборта моей первой жены, то, действительно, он грозил тогда осложнением, и, действительно, отец имел к этому причастие, хотя и отрицательное, он тогда отказал мне в деньгах, «умыл руки».

Об отрезанных кистях рук: любопытно, что это повторяет мотив сна, изложенного в §22. Очевидно, и там это имело значение не просто «руки коротки», а более глубокое. Возможно, что это связано с «умыл руки», как возмездие. Но, между прочим, ведь и врач после процедур лечения умывал руки. Процедура же была специфическая. Так что, возможно, это возмездие совсем по иному поводу...

Что касается двух последних мотивов: мужчина, кот<орый> есть женщина, и приготовление к поездке, то они были уже в прежних снах и остаются, как и прежде, темными.

27.

Моя сестра больна и считает свое положение безнадежным. Я, утешая, обращаю ее внимание на то, что рост ее ненормально высок, особенно верхней половины тела. Действительно, она раза в полтора выше обычного человека. Основываясь на этом, я ей объясняю, что²⁰ ее болезнь связана с внутренней секрецией, не обязательно приводит к смерти и должна поддаваться лечению...

Поводы для этого сна: в романе Беляева врач, преступно экспериментируя над пациентом, приводит к бесконечному росту его ног (вместо отрезанных); у моей сестры когда-то был зуб, т<o> е<сть> расстройство внутренней секреции²¹.

Смысл сна непонятен.

28.

В чужом городе, в большом высоком доме, нечаянно заставляю открыться дверь квартиры, в которой живет М. Он сам открывает дверь и выходит на площадку. Он любезен, но все же не приглашает меня к себе. В разговоре я настаиваю на тщете внешних успехов, карьеры и богатства, они по сути ничего не дают, в нашем городе это особенно ясно. Это направлено против него, но он все же, вероятно, только внешне, соглашается. И вот я еду в трамвае в другое место и замечаю, что я потерял адрес — выбросил записку или вычеркнул на ней — того дома, куда мне нужно. Я выхожу и почти случайно оказываюсь перед огромным домом, он-то мне и нужен. Кажется, я в нем проживаю, м<ожет> б<ыть> это гостиница. Я вспоминаю, что перед отъездом хотел зайти к живущему в этом доме врачу-урологу. Я думаю: мне будет больно при исследовании. Но нельзя же упускать такой случай, больше мне не представится случая попасть к этому известному врачу. И я иду. Но, кажется, я забыл его дверь.

29.

И по общему характеру и по отдельным деталям этот сон родственен многим предыдущим.

Несомненно, что М., отношение к нему, это отношение к отцу. Смесь ненависти и нежности к нему, настороженность, заставляющая говорить с ним обдуманно, косвенно возражая и переубеждая его, чтобы не вышло, что я ему подчиняюсь, сдаюсь. Он предо мною виновен явно и сильно, но и я перед ним виновен где-то еще темнее и непонятнее, — чувство обоюдного недоразумения.

Потеря адреса или его вычеркивание может быть подсказано²² уничтожением моих заметок при прощании с ИАМ. Но и он тоже замещение отца и в его руках, казалось, был ключ к устранению упомянутого недоразумения, к отцу.

Поиски огромного дома в чужом городе. В Москве я искал дом техреда, чтобы восстановить нужное мне утерянное дело, и дом Н.Н., где единственно я мог надеяться на радушный прием, на что-то родное.

Врач-уролог, конечно, тот же отец. И снова какая-то связь с болью, повреждением в определенном месте. Ведь повода для этой детали сна нет, подобного исследования я никогда не испытывал.

Проснувшись, тотчас же ощутил, что когда-то, не то во сне, я забыл квартиры двух милых мне женщин и из-за этого не сумел их найти.

29.²³

Несомненно, что отрезанные руки, это другой образ отрезанного ствола, лишения мужественности. Это относится не только к снам §§22 и 25, но и §16, ведь он хотел захватить мою руку. В этом смысл ситуации «статуя командора».

21.

Я раздражаюсь, когда мне накладывают в тарелку хотя бы чуть больше, чем я хочу. Это явно запоздавшее восстание против родительской власти.

По правде говоря, как только меня просят о любой мелкой услуге, во мне сейчас же возникает внутреннее сопротивление. Почему? Смысл просьбы о любезности: «Вы меня любите и поэтому должны сделать это». Это основа родительской власти, и с ней-то я продолжаю запоздалую борьбу.

Что касается путаницы женщины с мужчиной во снах, а также путаницы страха с эротикой, то припоминаю, что в детстве по отношению некоторых мужчин, например,

директора гимназии, являлись вдруг шальные мимолетные фантазии, — поцеловать его или, наоборот, кинуться на него и убить, — фантазии совершенно беспричинные.

22.

Будто я встретил на улице какого-то знакомого врача и, воспользовавшись случаем, рассказал ему о моих неприятных физических ощущениях. Он отверг все более серьезные предположения и счел это за осетрит. Впрочем, кажется и осетрит требует операции.

23.

Ласкал с некоторым удовольствием женщин (кажется S.²⁴), обладающих стволами, т. е. андрогенов. Стволы по виду напоминали скорее присущие животным.

24.

Т. купила мне радиоприемник за 3300 р., но не спросила, как им управлять. Мы в магазине, спрашиваем об этом. Там стоят много таких же приемников «Минрей». Но то ли нас плохо обслуживают, то ли по чему другому, правильное присоединение приемника не ладится. Наконец я, выйдя из терпения говорю, что торчу здесь уже с 12 ч. до 3 ч. Нет, отвечают мне, на самом деле пять часов, с 10 ч. Я иду искать директора магазина. Для этого надо подняться по лестнице. Открываю дверь, но директора нет, в большой комнате сидят три врача и обследуют трех пациентов. Спускаюсь вниз по лестнице и попадаю в какой-то склад с материалами. Беру зачем-то кусок материи, вроде войлока, но потом поднимаюсь и путаясь в лестницах, бросаю его. Снова заглядываю в ту комнату, но директора, как и прежде, нет.

«Осетрит» могу объяснить только как сочетание «соматический» и «уретрит». Или, быть может, намек на то превращение, которое испытывают рыбы при нересте?

26.

Два сна об одном и том же.

27.

Утесов пел и это было совсем плохо, когда-то он пел все же лучше. Он заметил это по моему взгляду. Потом был откровенный разговор с ним и он жаловался, что ему плохо, хоть этого не замечают. Я ответил, что это бывает, такой кризис у мужчин около сорока лет. Но он сказал, что ему меньше. Я, стесняясь спросить, сколько именно, высчитывал, что мне 28 лет, а он старше лет на десять, ему, наверное, 38. Я думал, что это какой-то сложный кризис²⁵, и подходил к этому, как врач, но он сказал, что дело не в этом: его преследует привидение. Я отвечал, что я понимаю, как это неприятно: ведь даже когда щенок привяжется и не отстает, идет следом неотступно, визжит, как будто хочет сказать что-то важное, а что — так и не узнать, это неприятно. Но лечиться все же надо, есть ли привидения или нет, — в первом случае потому, что они приходят на готовую почву, во втором потому, что в привидении воплотилась болезнь.

28.

Утесов просто персонификация богатства и успеха, т. е. власти над реальностью, т. е. отца. Оппозиция по отношению к нему: кто из нас прав. В дальнейшем путаница лет означает рассматривание его уже не как его, а как себя (в недавнем случайном разговоре с одной женщиной: ей²⁶ 28 лет, а я подумал, что я лет на десять старше — ощущение возраста). И значит, о себе: дело не в возрасте, а в том, что меня преследует нечто, смысл чего я не могу понять. Поскольку это нечто персонифицируется привидением, это касается, следовательно, опять-таки отца (тем более, что недавно, кажется, вспоминал тень Гамлета — «крот»).

29.

Будто АИ²⁷ с кем-то еще купают меня в ванне. Не ладится: пробка выскакивает и вода то и дело уходит из ванны, густая и темная, как нефть. Было смешно...

Возможности объяснения: АИ должна была редактировать мои очерки. «Не выплеснуть младенца из ванны вместе с водой».

30.

Мне снилось, будто я вижу сны и, рассказывая их Т., проникаю в их тайный смысл. Запомнилось только, что там участвовало маленькое неприятное существо, вроде скорпиона, с типичным для него длинным, слегка изогнутым жалом, и, объясняя смысл этого образа сна, я упоминал, между прочим, о луне²⁸.

Примечания

1. Далее зачеркнуто «Первая».
2. Далее зачеркнуто «врывается».
3. Далее зачеркнуто «Понятно».
4. Далее зачеркнуто: «За окнами пустота и темнота».
5. Вместо этого слова очевидная описка: «останавливается».
6. Вычеркнутое начало главки: «В ранней юности мне приснился»; после «сон» вычеркнуто: «касающийся[ся]»; слово «эротический» вставлено над строкой.
7. Здесь нумерация сбита: так в оригинале.
8. Далее нечто тщательно зачеркнуто, разобрать невозможно.
9. Далее зачеркнуто: «человек».
10. Далее зачеркнуто: «при[няли]».
11. Далее зачеркнуто: «вторичное вне очереди».
12. Первоначально: «начинаю с того».
13. Далее зачеркнуто: «напираю на то».
14. Далее зачеркнуто: «это».
15. Вероятно, С.Я.Маршак.
16. Далее зачеркнуто: «чтобы попасть».
17. Н.А.Заболоцким?
18. Первоначально — «желаниям».
19. Первоначально: «померещилос[ь]».
20. Далее вычеркнуто: «эта».
21. Здесь имеется приписка карандашом (почерком Я.Друскина?): «“Он” Л.Андреева».
22. Первоначально: «связано с».
23. Этот и последующий сбой нумерации — как в оригинале.
24. Возможно, инициал представляет собою латинское «S», но он не вполне разборчив.
25. Далее вычеркнуто: «но он сказал».
26. Далее вычеркнуто: «было».
27. Возможно, А.И.Любарская.
28. Слово недостаточно разборчиво; может читаться также, как «луке» или «пупе».

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания А.Г.Герасимовой.

Л.Ф.Кацис

Словарь «Стихов о неизвестном солдате»

От «Толкового словаря живого великорусского языка»
к библейской «Симфонии»

В 1922 г. Мандельштам писал: «У нас нет Акрополя. Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стран. Зато каждое слово словаря Даля есть орешек акрополя, маленький кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная эллинистическим духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории»¹. Эти строки достаточно определенно свидетельствуют об отношении поэта к «Толковому словарю живого великорусского языка». Однако, как мы постараемся показать ниже, Словарь Даля был не только предметом изучения Мандельштама, но в некоторых случаях — и источником его творчества². Общеизвестно, что словарные статьи у Даля строятся часто по ассоциативному признаку, напоминая иногда художественные произведения. Глубинные связи между словарными гнездами у Даля могли отозваться в творчестве Мандельштама, навести на неожиданные ассоциации. Проследим это на тексте «Стихов о неизвестном солдате».

*Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами —
Растяжимых созвездий шары,
Золотых созвездий жиры...*

(Здесь и далее курсив наш. — Л.К.)

У Даля слово «виноград» в качестве гнездового отсутствует. В словаре есть статья «Вино», в которую включены слова «виноград» («растение» и «плод», «лоза и ягода»), «виноградина» («ягода винограда») и наконец неполногласное «винград», грозно совмещающее «вино» и «град» и толкуемое как «задняя оконечность ору-

дия, пушки, позади казенной части, отливавшаяся встарь в виде грозда».

В статье об упомянутом выше слове «грозд» читаем определение: «Купа, кучка, срослый комок, кисть плодов, осбенно о винограде... о деланных украшениях разного рода, например в виде кистей, плодов, шариков». И далее важный пример: «Картечь вяжется гроздами».

Ниже у Даля следует статья «Грозец», а за ней большая статья «Грозить»: «угрожать, стращать или делать угрозы, напускать грозу, пугать, давать острастку». В этом же гнезде — «Гроженье», сравниваемое с «грозой, грозкой, грозьбой». «Гроза» поясняется: «гром и молния, туча с грозой, с громом, молнией, дождем или градом» (примеры: «Временем грозой, а временем и лозой»; «От Божьего гнева да от Божьей милости (т.е. грозы) не уйдешь»). В этом же гнезде «Грозный»: «грозящий, страшный, ужасный, угрожающий, <...> жестокий, строгий, карательный, суровый, пасмурный и сердитый; встарь о царях (Ср. у Мандельштама: «Пасмурный гений могил». — Л.К.); мужественный, величественный, повелительный и держащий врагов в страхе, а народ в повиновении». Здесь же и «Грозовище, грозобойище»: «поприще пробежавшей грозы; место, где она лютовала; хлеб, избитый градом, вихрем и дождем» (пример: «По грозобойищу весь хлеб избит»). Нет необходимости, нам кажется, подробно комментировать многосмысленность корня «град» в мандельштамовском тексте.

Теперь обратим внимание на другую строфу «Стихов о неизвестном солдате»:

*За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил:
Развороченных — пасмурный, оспенный
И приниженный гений могил.*

Слово «могила» Даль толкует следующим образом: «яма для погребения покойника; место, где он погребен, с насыпью», «большая древняя насыпь, курган, где по преданию погребены могутники, богатыри», «гибель, конец, смерть», а мандельштамовская строфа восходит, по-видимому, к далевской словарной статье.

Очевидно, что и «дождь-сеятель» (см. ниже), и упомянутые выше «грозобоище», «насыпь», «осыпь» могут быть соотнесены с темой зерна. Так формируется образ, связанный, по-видимому, с библейской притчей о зерне.

Рассмотрим другой библеизм у Мандельштама:

Помнит дождь, неприветливый сеятель, —
Безымянная манна его, —
Как лесистые крестики метили
Океан или клин боевой.

У Даля «манна»: «чудесная пища, которую в продолжении 40 лет Бог посылал ежедневно израильтянам в пустыне», «сахаристый, сгущенный сок ясени итальянской (круглолистной)».

Соединение слов «манна» и «яшень» у Даля, по-видимому, отозвалось у Мандельштама.

Ясность ясеневая, зоркость яворовая
Чуть-чуть красная мчится в свой дом,
Словно обмороками затоваривая
Оба неба с их тусклым огнем.

К слову «яшень» Даль дает отсылку: «см. ясный». В указанной статье находим такое определение «ясеня»: «дерево, падуб, <...> у которого редкие листья, много просвету» (пример: «Весною ветер дует из темени, а осенью из ясени»).

Очевидно, что слово «темень» в родительном падеже может означать и «темноту», и «темя». Для «Стихов о неизвестном солдате» актуальны, похоже, оба значения.

Однако нас интересуют еще два слова из гнезда «Ясный». Это «ясность» («качество ясного») и «яснеть» («становиться яснее, светлеть постепенно»). К этому даются примеры из пословиц и поговорок, которые могли вызвать образы мандельштамовского стихотворения: «Зарево яснеться. <...> Выяснить мысли свои. Заря заяснилась. <...> Погода пояснела, прояснилась. Загадка разъяснилась». Ср. у Мандельштама:

Развивается череп от жизни
Во весь лоб — от виска до виска, —
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится.

Разумеется, смысл живого поэтического образа не ограничивается словарным значением слов. Отметим еще несколько «совпадений».

Непосредственно за этой строфой и следуют приведенные выше строки «Ясность ясеневая, зоркость яворовая...»

В далевской статье о «Яворе» мы, кажется, получаем возможность увидеть соединение «военного» ореола слов «гроздь» (или «грозда») и «явор»; последнее определяется так: «Красивое кавказское дерево чинар». И далее: «Яворовый, яворный падожек, палка, хворостина, ружейный приклад из явора».

Со словом манна, уже упоминавшемся нами, может быть также соотнесена через Даля и другая строфа Мандельштама:

И сознание свое затоваривая
Полубоморочным бытием,
Я ль без выбора пью это варево,
Свою голову ем под огнем?

В статье Даля «Варить» читаем определение слов «варево, вариво»: «привар, поспешный припас всякого рода; все, что приготовлено для варки», «варя, все количество одной варки, что варится за один раз». Как известно, по указанию Всевышнего, «манна» «варилась» лишь на один раз (кроме пятницы, когда варилась двойная норма). Налицо, как нам кажется, библейские коннотации не только к «манне», но и к «варению манны» (о значении слова «манна» у Мандельштама см. ниже).

Исключительно важны в «Стихах о неизвестном солдате» слова «ябеда» (см. в приведенном в начале нашей статьи примере: «И висят городами украденными, // Золотыми обмолвками, ябедами») и «извествовать»:

До чего эти звезды изветливы!
Все им нужно глядеть — для чего?
В осужденье судьи и свидетеля,
В океан без окна, вещество.

«Ябеда» у Даля означает: «Клевета, напраслина, извет, наговор». «Ябедник» — «изветчик, клеветник». К этому ряду пример: «Ябедника на том свете за язык вешают». Есть у Даля и употребленное Мандельштамом слово «изветливый»: «наклонный к изветам, охочий до них» (из статьи к слову «извествовать»).

Обратимся к слову «мир», безусловно ключевому для «Стихов о неизвестном солдате» (см. в приведенном в начале статьи примере: «Шевелящимися виноградинами // Угрожают нам эти миры»). У Даля «мир» определяется как «вселенная,

вещество в пространстве и во времени». Ср. дважды повторяющееся у Мандельштама определение: «океан без окна — *вещество*».

На наш взгляд, в «Стихах о неизвестном солдате» можно видеть уникальный пример «филологии» в прямом значении этого слова — как словолубия. По определению Даля, «слово»: «исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои»; «словесное существо» — «разумное, одаренное речью, словом, человек».

Конечно, есть большой риск в наших сопоставлениях и в попытке «поверить» Мандельштама Далем. И вряд ли к Мандельштаму могут быть отнесены слова Н.Я.Мандельштам, сказанные в связи с общей культурно-политической ситуацией 1920-30-х гг.: «Во всех областях внимания перенеслось с мысли на стиль и приемы. <...> Писатели мечтали выучить наизусть словарь Даля, и кстати издать специальные словари по всем отраслям жизни, чтоб пишущий мог черпать оттуда золотой запас <...>»³. Но возможно и другое объяснение этих «совпадений», лежащее в общих закономерностях языкового мышления. Вне мандельштамовского поэтического контекста, на чисто лингвистическом уровне, к примеру, уже отмечались некоторые связи, проанализированные в начале нашей статьи: «Анализ слова *виноград* показывает, что его корни функционируют в тексте как бы независимо друг от друга; этим, а не только семантической эволюцией, объясняется появление у этого слова значения *сад* («во садике — виноградике» оказывается синонимом «во саду ли в огороде»). При этом в других славянских традициях удастся выявить параллельные примеры, в которых *вино* (в значении *виноград* — например, «лоза винова») свободно сочетается (т.е. сочетается в контексте предложения, а не слова) с корнем *град*. Можно надеяться на то, что здесь мы подступаем к истокам славянской фольклорной поэтики, к самому генезису формул — тех сложных слов, которые отразили структуру формул, и если не заглядываем в сам этот процесс, то видим хотя бы косвенно его симптомы»⁴.

Тем более свободно в структуре поэтического образа сочетаются и взаимопересекаются семантические поля слов, образованных от корней, близких по звучанию, а в ряде случаев и полных омонимов, например, «вина» именительного падежа

единственного числа — «вина» родительного падежа единственного числа. Это позволяет легко получить ряд: вино-вина-лоза-кара-гроза-град-сад и т.п.

* * *

В первой части наших заметок мы уже говорили о библейской «манне» в стихах Мандельштама. Однако, насколько нам известно, еще никто из исследователей не задавался вопросом, что такое ««безымянная» манна». Однако, куда интересней ответить на вопрос: «Когда манна была «безымянной»?»

Ответ мы находим в Книге Исхода:

И сказал Господь Моше, говоря: Я услышал ропот сынов Израйлевых; скажи им так: в сумерки будете есть мясо, а поутру насытитесь хлебом, и узнаете, что Я Господь, Бог ваш. Вечером налетели перепелы и покрыли стан, а поутру оказался слой росы около стана. Лишь поднялась роса, и вот, на поверхности пустыни (что-то) мелкое, круповидное, мелкое как иней на земле. И увидели сыны Израйлевы, и говорили друг другу: *что это? Ибо не знали, что это*. И сказал им Моше: это *хлеб*, который дал вам Господь в пищу. (Исх. (Шемот) 16, 12-15)⁵.

Манна тогда, как мы видим, была «безымянной». Через несколько стихов сыны Израйлевы узнают повеление Господа об обращении с Его хлебом (ср. «варево» в предыдущей заметке): «И нареку дом Израйлев имя ему ман: он, как семя кориандровое; белый, а вкус его, как у лепешки с медом» (Исх. (Шемот) 16, 30-32). Так была наречена манна. Таким образом, выражение «безымянная манна» оказывается не чисто поэтическим, но библейским образом.

Выше мы уже цитировали поговорки из статьи «Гроза» далевского словаря: «Дождь град, Божий гнев и Божья милость (она же гроза)»; «По грозовищу весь хлеб побит». Божья милость, таким образом, оказывалась грозой.

Все эти элементы можно найти в той же книге Исхода — немногим раньше эпизода о наречении манны.

У Мандельштама строка о «дожде, неприветливом сеятеле» предшествует «безымянной манне», как и в библейском сюжете. Напомним, что фараон отказывался отпустить народ Израйлев из земли Египетской. Тогда и наслал Всевышний на Египет кары свои:

И сказал Господь Моше: простри руку твою к небу, и будет *град* во всей земле Египетской. И простер Моше посох свой к небу; и произвел Господь *грохоты грома* и *град*, и *огонь* разливался по земле, и ниспустил Господь *град* на землю Египетскую. И был *град* и *огонь*, пламе-

неющий среди *града*, весьма сильный, какого не было по всей земле Египетской, с тех пор как она досталась народу. И *побил град* по всей земле Египетской все, что было в поле, от человека до скота; и всю траву полевую побил *град*, и все деревья полевые поломал. <...> И *лен* и *ячмень* были *побиты*, потому что *ячмень* *выколосился*, а *лен* был в стеблях; А *пшеница* и *полба* не были *побиты*, потому что они поздние. И вышел Моше от Фараона из города, и простер руки свои к Господу; и прекратились *громы* и *град*, и *дождь* уже не *лился* на землю. (Исх. (Шемот) 9, 23-34).

Таким образом, милость Всевышнего для Израиля оказалась грозой для Египта. Сравним с уже цитировавшейся далевской поговоркой: «От Божьего гнева, да от Божьей *милости* (т.е. *грозы*) не уйдешь». Как видим, структура далевской статьи, связанной с корнем «град», «гроз» и др., во многом совпадает с библейским текстом. Едва ли это случайно.

Как известно, Исход ознаменовался дарованием Скрижалей Завета Израилю на горе Синай. В соответствии с русским переводом Библии, это можно было бы назвать Первозаконием, в параллель пятой книге Священного Писания — Второзаконию. Обратившись к моменту вторичного произнесения Моисеем Десяти Заповедей в пятой книге Пятикнижия, мы увидим еще одну цитату из Библии в «Стихах о неизвестном солдате». (Наше внимание на нее обратил В.А.С.)

Моисей говорит:

Когда же родятся у тебя сыны и сыны сынов, и, долго прожив на земле, вы развратитесь и сделаете извращение какого-либо образа, сделаете зло пред очами Господа, Бога твоего, досаждая Ему, то *призываю в свидетели* вам сегодня *небо* и *землю* в которую переходите через Ярдэйн для наследования ее. (Втор. (Дыварим) 4, 25-26).

Этот эпизод, как нам кажется, близок мандельштамовскому «призыву» в свидетели:

Этот *воздух* пусть будет свидетелем,
Дальнобойное сердце его,
И в землянках *всеядный* и *деятельный*
Океан без окна — *вещество*.

Ср. также в уже цитированной нами строфе «До чего эти звезды изветливы!»: «В осужденье судьбы и свидетеля».

И первый, и второй проанализированные нами эпизоды имеют прямое отношение к Моисею; рассмотрим в связи с этими эпизодами завершающие строки «Стихов о неизвестном солдате»:

..... столетья
Окружают меня огнем.

Напомним, как описывал свое стояние пред Всевышним Моисей:

Господь Бог наш заключил с нами союз при Хорэйве. Не с отцами нашими заключил Господь союз сей, но лично с нами, находящимися здесь сегодня, — все живы. Лицом к лицу говорил Господь с вами на горе из *среды огня*; А я *стоял* между Господом и вами, чтоб пересказать вам слово Господне, — ибо *вы боялись огня* и не *всходили на гору*... (Втор. (Дыварим) 5, 2-5).

Как известно, Моисею, стоящему перед Господом в огне, не суждено было войти в Землю Обетованную. Вряд ли надеялся на счастливый исход своей судьбы Мандельштам. Тем важнее, на наш взгляд, что как первый, так и заключительный эпизоды «Стихов о неизвестном солдате» объединены одним сюжетом, одной мыслью: выполнить волю Всевышнего и передать Завет следующим поколениям. Такая самоидентификация — поэт-пророк — не чужда позиции позднего Мандельштама.

«Поверим» последние строки «Стихов о неизвестном солдате» словарем Даля. «Огонь, огонь»: «явление горения, высшая степень жара, которая проявляется сгущенным светом», «пальба, стрельба» (примеры: «*быть в огне, под огнем, под пулями, ядрами*», «*Божий огонь*» (пожар от грозы) грешно гасить». За словом «огнь, огонь» у Даля следует «огневить» («рассердить, прогневать») и, наконец, слово «огонь» (с ударением на первом слог), имеющее дополнительное значение: «*обнос снасти* вокруг чего *петлей*, удавкой; *петля*». Соединение комментариев к словам «Огнь» и «Огонь» кажется возможным именно по этой линии, т. к. в статье к «Огню» есть и слово «огниво» (в значении «поперечный набой, бревно, по которому ходит якорный канат»).

С учетом сказанного, есть смысл вспомнить строки Пастернака, обращенные к Мандельштаму:

А ты тоски пеньковой гордень,
Паренья парусная снасть.

Нам представляется, что «Словарь» Даля может оказаться еще одним подтекстом поэтического диалога Пастернака и Мандельштама, и подтверждением удивительно глубокого взаимопонимания двух поэтов⁶.

Как нам кажется, для анализа столь «закрытого» произведения как «Стихи о неизвестном солдате», необходимо привлечение не только далевского словаря, но и библейской «Симфонии». Впрочем, это вполне объяснимо: словарь Даля, охватывающий весь русский универсум, не может не прорасти библейскими смыслами.

Примечания

1. Мандельштам О. Соч. в 2 т. М., 1990. Т.2. С.180.
2. Толкование некоторых образов стихов О.Мандельштама, основанных на паронимической аттракции с использованием поговорок и др. фольклорного материала из словаря Даля, уже встречалось в литературе. Ср.: Ronen O. Approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983. P.252-254.
3. Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1990. С.141.
4. Клейнер Ю.А., Левинтон Г.А., Путилов Б.Н. Чтения памяти А.Б.Лорда // Этнографическое обозрение. 1993. №1. С.153. (изложение доклада Г.А.Левинтона).
5. Библейские тексты цитируются по современному иудейскому переводу. Характерно, что выделенные нами «ключевые» слова в этом переводе совпадают с Синодальным.
6. Кацис Л. К творческой истории цикла Б.Пастернака «Несколько стихотворений» // «Быть знаменитым некрасиво...»: Пастернаковские чтения. М., 1992. Вып.1. С.221-222.

Об одном примере анаграмматического построения текста: Вяч. Иванов

О слове Гераклиту голос
 Поведал, темному, темно;
 И шепчет элевсинский колос:
 «Не встанет, не ислев, зерно».

(Римский дневник 1944 года. Сентябрь. 7)¹

Это четверостишие Вяч. Иванова представляется несколько загадочным, и прояснить его смысл возможно только через рассмотрение «эйдологии» поэта, на протяжении многих лет оставшейся удивительно устойчивой. Но загадочность текста приоткрывает не только из сложности концепций автора. Сам текст намеренно построен как текст-загадка, к которой нужно подобрать «ключ». Точнее — слово-ключ. И оно содержится в самом тексте. Попытаемся отгадать это слово. Поможет в этом имя древнегреческого философа Гераклита (кстати, одного из самых загадочных в истории философии). Центральное понятие в учении Гераклита — понятие «логос». Уже в Первом фрагменте оно появляется как нечто *услышанное*: «Хотя этот логос существует вечно, люди не понимают его — ни прежде, чем они услышали о нем, ни услышав впервые». Обычно древнегреческое «логос» переводится как «слово», и именно оно — «слово-логос» — названо в первом стихе четверостишия. Второй стих вообще прозрачен: загадочное и мудреное учение философа послужило причиной того, что уже в древности он получил имя: «Гераклит Темный из Эфеса».

Но какое отношение к Гераклиту и его учению имеет четвертый стих? В нем без особого труда угадывается парафраза одного из изречений Христа: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоанн 12, 24). Этот образ — один из любимых у Иванова. В письме М.О.Гершензону от 17 июня 1920 г. он вспомнит этот евангельский текст: «Я — семя, умершее в земле; но смерть семени — условие его оживления»². Евангельский

афоризм столь же парадоксален, как и многие изречения Гераклита. Но и это не все. Именно Евангелие от Иоанна упоминает «слово» (= «логос»): «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн 1, 1). Стих этот имел для Иванова глубоко символическое значение. Л.Шестов пронизательно заметил по этому поводу: «В четвертом Евангелии ему (Иванову — С.Д.), конечно, больше всего говорит первый стих: он связывает новый завет с эллинским миром, столь близким сердцу поэта»³. Древнегреческое слово «логос» в Евангелии от Иоанна по традиции также переводится как «слово». И для Иванова здесь открывался простор для ассоциаций: и Гераклит, и евангелист Иоанн пророчествуют об одном и том же. Конечно же, Иванову было известно, что в христианской богословской традиции Слово («логос») Евангелия от Иоанна понимается как вторая ипостась божества, воплотившийся Бог, т.е. — Иисус Христос. Но тогда «темный» эфесец Гераклит уже в V веке до н.э. пророчествовал о Христе. Учение Гераклита оказывается смутным («темным») словом о грядущем пришествии Христа-Логоса, и самому Гераклиту оно было «темным». Дополнительный оттенок приобретает эпитет «темный»: Гераклит — язычник, «непросвещенный», и само пророчество («голос») ему было дано услышать «до света» (подобно тому, как «был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете. Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Иоанн 1, 6-9). «Свет истинный» — Христос, он же Логос. Гераклит не мог знать Христа-Логоса, он мог его только предчувствовать. И его учение — не столько даже весть, сколько — *предвестие*.

Собственно говоря, для Вяч. Иванова все эллинизмо было предвестием Христа и христианства. То эллинизмо, которое воспринималось им под знаком дионисийства: дионисийской идеи и дионисийской религии страдающего бога Диониса. Касаясь вопроса связи дионисийства и христианства, Вяч. Иванов на основе многолет-

них историко-мифологических разысканий приходит к выводу: «В евангельских притчах и повествовании мы встречаем непрерывную череду образов и символов, принадлежащих кругу дионисических представлений»⁴. В этой череде находится и рассматриваемый нами образ: «семя, не оживающее, пока не умрет»⁵. Значение религии Диониса, по мнению Иванова, и заключалось в том, что она «была... нивой, ждавшей оплодотворения христианством; она нуждалась в нем, как в крайнем своей выводе, как в последнем своем, еще недоговоренном слове (курсив наш — С.Д.). <...> Христос являл себя как обновленный Дионис, а последний как прообраз Его еще не раскрывшейся во всей полноте идеи...»⁶. «И в образе страдающего и на древе распятого мирового Христа опять открылся древний Дионис...»⁷.

Концепция преемственности христианства в отношении религии Диониса объясняет, почему колос назван в четверостишии Иванова «элевсинским». Элевсинские мистерии, посвященные Деметре и Персефоне, рассматривались Ивановым как аспект религии Диониса. А в основе Элевсинских мистерий, как и вообще дионисийства, лежала аграрная символика. Центральным же ее символом был образ умирающего и воскресающего бога растительности (Диониса-Вакха), актуализированный в мифологеме умирающего, а затем оживающего зерна⁸. Смерть зерна в земле символизировала спуск Диониса в Аид⁹. Мифологема эта встречается у Иванова довольно часто (ср. в «дионисийской» трагедии Иванова «Прометей»: «Я стал и совершился. Ты же — будешь. / А ныне — только семя. Чтоб истлеть, / Посеян ты на ниву Геи темной»¹⁰). На то, что ключевым словом является слово «логос», указывает и фонологическая структура четверостишия. Не называя ключевое слово в тексте, Иванов анаграммирует, используя достаточно традиционный вид анаграммы — *паронимию*, причем прибегает к двум типам паронимии:

1) консонантный тип: *голос* — *колос* (с заменой начального согласного);

2) метатетический тип: *голос* — «*логос*» («слово» 1-го стиха);

Фонологически мотивированная ассоциация *колос-голос-логос* на смысловом уровне интерпретируется как тождество Диониса и Христа, обусловленное общей аграрной символикой (метафорой хлебного зерна). Нельзя не заметить и того, что мифологема Дионис-Христос является сакральным именем. Тогда особый смысл приобретает прагматика текста Вяч. Иванова, помещенного в ситуацию «называния — неназывания» (запрета на называние) этого имени. С этой ситуацией, как известно, связано появление анаграмм в древних ритуальных текстах, породивших соответствующую мифопоэтическую традицию. Анаграмма у Вяч. Иванова, таким образом, становится не только поэтическим приемом, санкционированным этой традицией, но и архаичным ритуальным жестом, возвращающим поэзию к ее исконному смыслу и назначению: «О символической природе звукового ядра можно говорить потому, что оно уже включает в себе и коренной звукообраз, как морфологический принцип целостного творения, поскольку последнее представляет собою органическое единство мелоса, мифа и логоса»¹¹. Звук и смысл обрели первоначальное единство.

Примечания

1. Иванов Вяч. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. III. С. 632.
2. Там же. С. 384.
3. Шестов Л. Вячеслав Великолепный: К характеристике русского упадочничества // Русская мысль. 1916. №10. С. 82.
4. Иванов Вяч. Религия Диониса // Вопросы жизни. 1905. №7. С. 134.
5. Там же. С. 134.
6. Там же С. 142.
7. Там же. С. 143.
8. Лосев А.Ф. Дионис // Мифы народов мира. М., 1980. Т. I. С. 380.
9. См.: Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 241.
10. Иванов В. Прометей: Трагедия. Пб.: Алконост, 1919. С. 21.
11. Иванов В. К проблеме звукообраза у Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX вв. М.: Книга, 1990. С. 264.

Открывая новую рубрику, «DV» берет на себя смелость ввести и закрепить на своих страницах новый термин — «архивография». В этой рубрике будут публиковаться описания архивных материалов, коллекций, фондов.

К.М.Поливанов

Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина»

Указатель содержания

В 20-е годы машинописные и рукописные книги, сборники и журналы не были особенной редкостью. Вспомним рукописные «автографические» книги, продававшиеся в московской Книжной лавке писателей¹; машинописный журнал «Artifex» выпускал литературный кружок «Вторники на Кузнецком»²; некоторым авторам «Мнемозины» был хорошо известен составитель большого числа рукописных поэтических сборников Е.Я.Архипов³. Борис Владимирович Горнунг (1899-1976) — поэт, филолог, деятельный участник Московского лингвистического кружка в 20-е годы (бывший, очевидно, инициатором составления сборника «Мнемозина») в 1922 г. был ответственным редактором первых двух выпусков машинописного журнала «Гермес»⁴, выпускавшегося московскими филологами и поэтами круга Академии художественных наук (РАХН-ГАХН) и Московского лингвистического кружка.

Созданию «Мнемозины» предшествовал выход Б.В.Горнунга из редакционной коллегии «Гермеса» (по устному свидетельству Л.В.Горнунга, вызванный конфликтом Б.В.Горнунга с Д.С.Усовым, участвовавшим в «Гермесе» с 3-го номера), а также определенной перегруппировкой в московской литературной жизни: в это время организуется несколько кружков, отколовшихся от Московского Цеха поэтов⁵, — «Кифара», Кружок П.Н.Зайцева и др.⁶ Очевидно, вскоре возникает и идея создания литературной группы «Мнемозина», достаточно полное представление о направленности и эстетических установках которой дает опубликованное Г.А.Левинтоном и А.Б.Устиновым письмо Б.В.Горнунга М.А.Кузмину от 3/5 сентября 1924 г.⁷ Письмо свидетельствует, что к группе, ядро которой составляли сам Горнунг, Н.Ф.Бернер, Б.К.Лившиц и А.И.Ромм, принадлежали сперва С.Я.Парнок и в прошлом ближайшие сотрудники «Гермеса» Н.В.Волькенау и Л.В.Горнунг. Автор

письма обращал внимание Кузмина на последнюю фразу предисловия к «Мнемозине»: «Мы счастливы, что нам сопутствуют благосклонные к нам учителя — наши старшие современники». В числе «старших учителей» назывался Кузмин, Б.К.Лившиц и отнесшийся «сочувственно» к «Мнемозине» Ю.Н.Верховский; Горнунг писал также о намерении пригласить к участию и Ахматову (неизвестно, состоялось ли это приглашение⁸), и о неудавшейся попытке привлечь Вяч. Иванова, который от сотрудничества отказался, «упрекая» участников «Мнемозины» «в несовременности, отрыве от сегодняшней русской действительности и фронде».

К «старшим учителям» принадлежал, очевидно, и Г.Г.Шпет, — двустипшие Платона в его переводе, включенное ранее в 3-й номер «Гермеса», было напечатано и в «Мнемозине». Декларировавшаяся «Мнемозиной» оппозиция в отношении не столько даже к символизму, акмеизму и футуризму, сколько к их эпигонским «перепевам» в 20-е гг., и установка на создание нового «классицизма», сочетающегося с истинным «романтизмом»⁹, была близка тогдашним представлениям Шпета о перспективах развития русской литературы¹⁰.

Альманах «Мнемозина», как вспоминает Б.В.Горнунг, был подготовлен в 1924 г. Н.Ф.Бернером, А.И.Роммом и им самим «по предложению издательства “Земля и фабрика”, бывшего тогда маленьким кооперативным издательством, возглавлявшимся поэтом Н.Мешковым. Он долго лежал там, а тем временем издательство стало огромным (превозмошедшим литературный отдел Госиздата) и возглавил его В.И.Нарбут, предложивший нам “дополнить” альманах стихами совершенно чуждых нам поэтов. Мы предпочли, чтобы альманах был снят с плана»¹¹.

Альманах составили стихи Н.Ф.Бернера, Ф.М.Вермеля, Ю.Н.Верховского, Н.В.Волькенау, Б.В.Горнунга, Л.В.Горнунга, М.Кузмина, Б.Лившица, С.Я.Парнок, Н.Д.Перелешинной, А.И.Ромма, А.Г.Челпанова¹².

Невозможность «дополнить» альманах была, очевидно, вызвана еще и тем, что стихи двенадцати авторов были помещены вместе с декларацией-предисловием и декларативной статьей Б.В.Горнунга «Пир во время чумы», завершавшей альманах. Таким образом, весь текст превращался из сборника стихов в своеобразный коллективный литературный манифест, не допускавший искусственных «добавок».

Оригинал «Мнемозины» в настоящее время хранится у сына Б.В.Горнунга; позже Л.В.Горнунгом было изготовлено несколько копий альманаха, одна из которых находится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Следующий альманах, составленный при участии Б.В.Горнунга, А.И.Ромма и Л.В.Горнунга, — «Чет и нечет» — под редакцией Г.О.Винокура и Ф.М.Вермеля был доведен в 1925 г. до типографского воплощения¹³.

Еще через год был составлен альманах «Гиперборей», большая часть авторов которого были в то время сотрудниками ГАХН. По своей структуре — в нем были выделены литературный раздел и раздел философско-эстетических статей и рецензий — «Гиперборей» напоминал журнал «Гермес». Авторы, заявляя, что их альманах — «дневник тесного дружеского круга»¹⁴, не стремились к его типографскому тиражированию. Альманах был отпечатан на машинке «в количестве именных экземпляров по числу участников» и «одного архивного экземпляра». В настоящее время два экземпляра «Гиперборея» хранятся в РГАЛИ.

1. См.: Богомолов Н.А., Шумихин С.В. Книжная лавка писателей и автографические издания 1919-1922 годов // Ново-Басманная, 19. М., 1990.

2. РГАЛИ, ф.2493, оп.1, ед.хр.4.

3. См. о нем статью А.В.Лаврова в словаре «Русские писатели. 1800-1917» (М., 1989. Т.1).

4. О Б.В.Горнунге и журнале «Гермес» см. чрезвычайно содержательную публикацию М.О.Чудаковой, Г.А.Левинтона и А.Б.Устинова, включающую статьи публикаторов, воспоминания и письма Б.В.Горнунга, указатель содержания четырех выпусков журнала «Гермес» (1922-1924): Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: Машинописный журнал «Гермес» // Пятые тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990.

5. См. вступительную статью М.О.Чудаковой к мемуарным заметкам Б.В.Горнунга: Там же. С.169.

6. См. в нашей заметке «Из истории литературной жизни 1920-х годов» // Николай Гумилев и русский Парнас. СПб., 1992. С.133-134.

7. См. отзыв Ахматовой об альманахе «Чет и нечет», зафиксированный П.Н.Лукницким: Лукницкий П. Встречи с Анной Ахматовой: Дневник 1924-1925 гг. Paris, 1991. С.117.

8. Пятые тыняновские чтения. С.208-209.

9. «Мнемозина» <...> отказывается от всего вообще русского романтизма немецкого толка, подготовившего не Лермонтова, но лермонтовскую «шко-

лу», низины гражданской поэзии и общественническую критику, — весь декаданс русского XIX века, на зияющем фоне которого совершенно непонятны сверкающие имена Тютчева, Ал.К.Толстого, Фета и Каролины Павловой. <...> В последнем своем усилии — Александре Блоке — русский романтизм «просиял и погас»; просиял высокой и пламенной вспышкой — погас, надеемся, надолго. Доведенные до абсурда романтические традиции еще нарушают порой общественную благопристойность, — но кто же принимает школьничество всерьез?

Если теперь и нужен какой романтизм, то разве лишь в том благородном значении этого слова, в котором романтиком был и Пушкин, классик из классиков, реалист из реалистов.

Мы, однако, не полагаем себя возродителями русского романтического классицизма 20-х и 30-х годов. Мы вообще не слишком одобряем столь модную за последнюю четверть века повядку хвалиться, идучи на рать» (из «Предисловия» к «Мнемозине»).

10. См. в нашем послесловии к воспоминаниям о Г.Шпете Л.В.Горнунга // Шестые тыняновские чтения. — Рига; М., 1992. — С.183-184.

11. Пятые тыняновские чтения. С.182.

12. Бернер Николай Федорович (1880-1979?) — поэт, в конце 1920-х гг. был арестован, был на Соловках, позже в ссылке. Во время войны попал в Германию, в СССР не вернулся. Вермель Филипп Матвеевич (1899-1938?) — поэт, соученик Г.Винокура по гимназии, учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1917 г. был секретарем издательства «Центрифуга». В 1920-х гг. работал в библиотеке председателя Реввоенсовета (Троцкого). В 1938 г. арестован и погиб. Волькснау Нила Владимировна (1901-?) — поэтесса, филолог, окончила гимназию в Петрограде. В 1922 г. окончила факультет общественных наук 1-го МГУ (общественно-педагогическое отделение), работала в ГАХН. Горнунг Лев Владимирович (р. 1902) — поэт, переводчик, мемуарист. См. о нем: Панорама искусств. М., 1988. Вып.11. С.182-183; Литературное обозрение. 1989. №6. С.67. Перелешина Наталья Дмитриевна — поэтесса. Ее личное дело сотрудницы ГАХН было «списано» РГАЛИ. Биографическими сведениями не располагаем. По воспоминаниям Л.В.Горнунга, она умерла в конце 1930-х гг. Ромм Александр Ильич (1898-1943) — поэт, переводчик. Участник I Съезда советских писателей. В годы войны находился на Черноморском флоте, покончил с собой. Челпанов Александр Георгиевич (1895 — конец 1930-х?) — филолог-классик, сын философа Г.Челпанова. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Преподавал латынь в средней школе. С 1925 г. работал в ГАХН. В конце 30-х гг. арестован и погиб.

13. О содержании этого издания, не включенного в указатель «Литературно-художественные альманахи и сборники», см. в заметке, указанной в примеч. 6.

14. Из рецензии А.Ромма на сборник стихов Б.Горнунга (Гиперборей. С.80).

Мнемозина: Альманах поэзии и критики. Москва, 1924.

- [Пушкин А.С.]. «Что смолкнул веселия глас...» — С.2
- [Предисловие]. — С.3-5. — Подп.: Мнемозина.
- Платон. «В звезды глядишь, моя Звездочка...» / [Пер. Г.Г.Шпета]. — С.6.
- Снег. — С.8-10. — Содерж.: I. Ромм А. «Светло, свежо и тихо. Первый снег...». — С.8-9; II. Бернер Н. «Стареем мы, как вековые дубы...». — С.10.
- Бернер Н. «Двадцатый век — не век родной Эллады...». — С.11
- Горнунг Б. Новогодний Симпозион: [Стихотв.]. — С.12. — Посвящ. С.Гадзяцкому.
- Волькенау Н. Друзьям: (11 января 1924): [Стихотв.]. — С.13.
- Горнунг Б. «Как всполошен был радостью глетворной...». — С.14.
- Ромм А. Пифия: [Стихотв.]. — С.15. — Эпиграф из Б.Горнунга.
- Кузмин М. Эфесские строки: [Стихотв.]. — С.16.
- Лившиц Б. «Есть в пробужденьи вечная обида...». — С.17.
- Он же. «Ни у Гомера, ни у Гесиода...». — С.18.
- Вермель Ф. «Я мечтаний детских не нарушу...». — С.19.
- Лившиц Б. «Когда на мураве, с собою рядом...». — С.20.
- Горнунг Б. «Когда оружие развешано по стенам...». — С.21.
- Он же. «И завтра тот же ливень литься будет...». — С.22.
- Ромм А. «Глухой гримасою землетрясения...». — С.23.
- Горнунг Л. Бессмертие: [Стихотв.]. — С.24. — Эпиграф из Н.Гумилева.
- Волькенау Н. «Не все прекрасное наш стих передает...». — С.25.
- Бернер Н. «Содружествуя вечеру камен...». — С.26.
- Ромм А. «На сонных улицах пустынно и светло...». — С.27.
- Горнунг Б. «Спускаются на запад облака...». — С.28.
- Волькенау Н. «От берегов холодного Анда...». — С.29.
- Парнок С. «О, чудный час, когда душа вольна...». — С.30.
- Вермель Ф. «Друг далекий мой и милый...». — С.31.
- Перелешина Н. «Веселый бог учил меня плясать...». — С.32.
- Ромм А. Пастушка: [Стихотв.]. — С.33.
- Горнунг Б. Подражания Сапфо: [Стихотв.]. — С.34.
- Верховский Ю. «Разве резвый бог влюбленных...». — С.35.
- Волькенау Н. «Вся я, не зная тебя, уж исполнена сладким волнением...». — С.36.
- Ромм А. Младшая сестра: Из А.Шенье: [Стихотв.]. — С.37.
- Ромм А. Из Катулла: [Стихотв.]. — С.38.
- Челпанов А. Из Палатинской антологии: [Стихотв.]. — С.39.
- Горнунг Б. «На мраморе чела сияет свет любви...». — С.40.
- Волькенау Н. «Ты жену, детей и дом оставишь, милый...». — С.41.
- Парнок С. «Молчалив и бледен лежит жених...». — С.42
- Волькенау Н. «Ароматами умастила тело...». — С.43. — Эпиграф из М.Кузмина.
- Горнунг Б. «Опять исчезла ты и увезла с собой...». — С.44. — Эпиграф из Б.Пастернака.
- Волькенау Н. «Словно любовник счастливый, меня ты измучила, Муза...». — С.45.
- Парнок С. «У каждого есть свой крылатый час...». — С.46.
- Верховский Ю. «Еще молодому Ахиллу...». — С.47.
- Волькенау Н. «Из нежных мук, из горького волнения...». — С.48.
- Вермель Ф. «Из-под корней бежит струя...». — С.49.
- Верховский Ю. «Снова темная ночь смотрит бессонная...». — С.50.
- Горнунг Л. «Падучих звезд серебряные нити...». — С.51.
- Горнунг Б. Некромантия: [Стихотв.]. — С.52.
- Вермель Ф. «Лишь с Невского свернешь — охватит сразу...». — С.53.
- Горнунг Л. 1914 год: [Стихотв.]. — С.54.
- Горнунг Б. «Парча и пестрый шелк Италии богатой...». — С.55.
- Горнунг Л. Наследие: [Стихотв.]. — С.56.
- Волькенау Н. «Годин грядущих грозное вино...». — С.57.
- Горнунг Б. «Давно спокойно спят седые эвпатриды...». — С.58.
- Горнунг Б. «Ты согражданам в Митилене буйной...». — С.59.
- Вермель Ф. «Галки кружились над грязной рекой...». — С.60.
- Бернер Н. «Твой почерк жжет. Он быстр, он гибок...». — С.61.
- Вермель Ф. «Таким дышало все покоем...». — С.62.
- Горнунг Б. Отрывки из пролога драматической поэмы «Эндимион». — С.63-66.
- Горнунг Б. Пир во время чумы: [Ст.]. — С.67-73.
- Оглавление. — С.1-IV.

Гиперборей. [Москва, 1926]

К читателям. — С.5-8.

I.

Ромм М. Вторая глава из повести «Садко». — С.11-17.

Николаев Ф. «По вечерам вздыхает мир огромный...»; «Слушай. Непорочная Венера...». — С.18-19.

Ромм А. «Я нужную работу отложил...»; «Перед творением»; «Злой вечер надо мной справляет торжество...». — С.20-22.

Горнунг Л. «Наверно обезумевший портной...»; «Падучих звезд серебряные нити...». — С.23-24.

Горнунг Б. Венецианский пролог: [Рассказ]. — С.27-36.

Нейштадт В. Из Одиссеи: (Сцена, пропущенная Гомером): [Стихотв.]. — С.37-38.

II.

Шпет Г. «Литература»: [Ст.]. — С.41-55.

Ромм А. Поэзия ремарки: [Ст.]. — С.56-60.

Грифцов Б. О необязательности литературы: [Ст.]. — С.61-66.

Волков Н. Три письма из Фрейбурга: [Ст.]. — С.67-74.

Гливенко В. Самоустранение имагинизма: [Ст.]. — С.75-79.

Ромм А. «Поход времени» Бориса Горнунга: [Рец.]. — С.80-83.

А.Б-в. Письмо Л.П.Г<россма>ну: [Ст.]. — С.84-89.

III.

Гиль Р. Три встречи с Верленом: Из книги «Des dates et les oeuvres» / Пер. А.Ромма. — С.90-99.

Оглавление. — С.101.

С.П.Ильев. Русский символистский роман. Аспекты поэтики.

Киев: Лыбідь, 1991. 172 с.

Автор книги о символистском романе справедливо считает, что это специфическое явление в должной мере не осознано. О поэтике модернистского и в том числе символистского романа действительно ничего цельного пока не напечатано. С.П.Ильев строго последователен в смысле верности своей теме, утверждая, что не все написанное символистами в крупных прозаических формах можно отнести к символистскому роману. «Модернистских романов много больше, чем символистских» (с.5). Мережковского исследователь называет предсимволистом (с.162) и даже утверждает, что «Огненный ангел» Брюсова — это «антироман по отношению к традиционному жанру “исторического” романа (в частности “Огненный ангел” полемически адресован историсофской трилогии Д.С.Мережковского “Христос и Антихрист”, особенно первым двум частям — “Юлиану Отступнику” и “Леонардо да Винчи” <...>)» (с.100), хотя вне такого сопоставления трилогию первого теоретика символизма, конечно, трудно признать традиционной.

В другой, «вспомогательной» работе С.П.Ильев уточнил, что у Мережковского «не выдерживается принцип символизации: символ подменяется аллегорией», и высказался о произведениях «своих» авторов: «<...> Валерий Брюсов вслед за символистским “Огненным ангелом” пишет совсем не символистскую диологию “Алтарь Победы” и “Юпитер поверженный”. После “Петербурга” Андрей Белый отказался от формы символистского романа (спорные в этом отношении “Котик Летаев” и “Крещеный китаец” — повести). Только первые романы Федора Сологуба создаются как символистские. Начиная с эклектической “Творимой легенды”, поздние романы его заметно отходят от поэтики символа или отказываются от нее совсем (“Заклинательница змей”). Образцом первого, предсимволистского, этапа развития символистского романа признается «Мелкий бес» (Ильев С.П. Поэтика русского символистского романа. Автореферат диссертации... доктора филологических наук. СПб., 1991. С.4, 25-26).

С.П.Ильев констатирует, что пока еще «символистский роман пытаются истолковать, предъявляя ему требования реалистической эстетики, которым, он, естественно, не отвечает» (с.3). Первоначальное восприятие сказывается, например, в том, что первый роман Сологуба «Творимая легенда» традиционно считается «творческой неудачей» писателя (с.10). Исследователь стремится к адекватности оценок, исходя из соображения, что в символистском романе «фундаментальное место принадлежит категории символа и диалектически связанной с нею категории

мифа» (с.5), реализованным в композиции и структуре произведений.

В идеале символистский роман отвечает этой установке во всех, даже мельчайших своих элементах. Отсюда апелляция к «частной поэтике», или «микроромантике» (с.3), вдохновляемая вместе с тем мыслью М.М.Бахтина о необходимости преодолеть разрыв «между отвлеченным “формализмом” и отвлеченным же “идеологизмом” в изучении художественного слова» (с.159). С.П.Ильев и в методике своей весьма последователен, он не претендует на полноту описания предмета, заявляя в конце книги, что «комплексное его изучение этим исследованием только начинается» (с.163). Он берет именно аспекты поэтики, которые представляются наиболее существенными для изучаемого явления, и почти не трогает стилистику, совсем обходит ритмическую организацию речи. Тем более он избегает всего, что напрямую к поэтике не относится. Книга никак не удовлетворит внеэстетического любопытства читателей, знающих хотя бы из «Некрополя» В.Ходасевича о взаимоотношениях Брюсова, Нины Петровской и Андрея Белого, личности которых нашли художественно преломленное отражение в «Огненном ангеле». Об этом даже не упоминается, хотя в принципе изучение творческой истории произведений — достойнейшая отрасль литературоведения, раскрывающая самое существо, творческую специфику искусства: в жизни Брюсов, безусловно, не пожелал бы, чтобы Андрея Белого воспринимали прежде всего как человека более знатного происхождения, чем он сам, и не мог вообразить себя побежденным Андреем Белым на поединке; верность и служение Ренате одержимого любовью Рупрехта совсем не соответствуют подлинным взаимоотношениям претендовавшего на величайшую ответственность мэтра и всеми покинутой истерички.

Лишь в главе о «Петербурге» С.П.Ильев дает биографический штрих, ссылаясь на воспоминание Белого о том, что во время работы над романом ощущение образа сенатора Аблоухова «сопрягалось в его сознании с комнатными мышьями, которых боялась Ася Тургенева», жена писателя (с.142). Это, а также отклик Белого на эссе М.Волошина «Аполлон и мышшь» служит обоснованием выделения специального раздела книги, трактующего о «мышьиной» символике в романе, — «Художественное время и миф об Аполлоне Сминтее». Здесь замыкание только в тексте романа обеднило бы наблюдение над ним же.

Пытаясь с первых слов обозначить теоретические координаты своего исследования, С.П.Ильев скорее провоцирует вопросы. Всегда ли композиция есть построение, обусловленное жанром? Как конкретно понимать определение структуры («особая организация элементов литературного текста»)? Достаточно ли сказать, что произведение есть композиция, а композиция есть «единство конструкции и системы.

составляющих структуру» (как это — не структура системы, а наоборот?), и достаточно ли при этом оговорить, что «конструкция дает статическое изображение, а система — динамическое изображение структуры» (с.3)? Как соотносятся микроанализ и интерпретация, трактовка и дешифровка? Почему разделены союзом история литературы и литературоведение? Немногим яснее исходное определение архитектоники — это «самый общий вид композиции», один из ее уровней (с.11). На автора книги, как это часто бывает, повлиял предмет исследования: ясное ему не всегда ясно читателю, пропущены некоторые логические звенья. Так у С.П.Ильева не только в теоретических тезисах, но и в ряде случаев текстового анализа. Определенно он старается охватить побольше фактов, даже в ущерб их комментированию. Видно, что при сравнительно небольшом объеме книги много из осмысленного не попало в нее.

И все-таки обычно, входя на материал, исследователь дает определения достаточно четкие. Согласно С.П.Ильеву, модернистский роман в целом является «репертуаром стилизованных масок» и «предстает как театр, игра, маскарад. За шаблонами внешних ритуалов и действий угадывается однотипная мистерия бытия; справляется ритуал (лирический герой Блока признается, что даже в любовных похождениях он «чит обряд»): профанированный мир быта как бы сакрализуется самим фактом соблюдения обряда повседневного существования, а искусство срывает многоликие маски с идола, имя которому Великий Банал (выражение из неопубликованных глав романа «Медкий бес» Федора Сологуба), и окончательно профанирует мнимое сакральное, противопоставляя ему подлинно сакральную сущность — Символ <...> или утверждая господство мирового зла как сущности этого мира (Дьявол Сологуба и Валерия Брюсова) <...>» (с.4-5). Правда, и здесь есть неточность, необоснованное сближение: Дьявол у Сологуба — сущность данного мира для самого автора, а у Брюсова — только для изображаемых им людей XVI в. Но это у С.П.Ильева тоже издержки выражения, а не понимания.

Из множества наблюдений над художественными текстами исследователь делает вывод, что «в модернистской прозе символ не сводится к образу. Он создается как результат развернутых рядов вербальных, логических, культурно-исторических, идеологических значений, коннотаций и смыслов, далеко не всегда связанных с образно-иконическим планом реальности <...>» (с.157). В конечном счете «символом будет не образ, а субъективное авторское представление переживаемого им эстетически феномена» (с.158). По сути, речь идет о, так сказать, символистском символе в отличие от символов «частных», которые в других художественных системах, в том числе реалистической, видимо, остаются в основном на уровне образности как формы произведения.

Главы книги построены по-разному, соответственно особенностям разбираемых в них романов, но во всех главах первый раздел посвящается художественному пространству и так или иначе уделяется внимание художественному времени. Эти всеобщие формы бытия, естественно, играют особую роль в символистском романе. Интересуют С.П.Ильева также проблемы жанра и композиции не только в

расширительном, но и в специфическом смысле, включая рассмотрение всяких «служебных» текстов: эпиграфов, предисловий, посвящений, названий глав или их отсутствия, наличия слова «конец» в финале и прочих разграничителей каких-либо частей произведения — «делimitаторов». То, что, скажем, в реалистической поэтике обычно — мелочь, почти случайный условный знак, допускающий замену неким другим, предполагает подчас довольно сложное осмысление в романе символистском; в нем дополнительно семантизировано даже это, поскольку «в творчестве каждого писателя-символиста все произведения принципиально цикличны, так что и конец может сходить с началом или получить продолжение в другой части того же произведения, которое, в свою очередь, может составлять звено цикла романов» (с.16). Например, дальнейшая судьба главного героя «Мелкого беса» Передонова «прослеживается в границах нового текста, в четвертой части романа «Творимая легенда» — «Дым и пепел»» (с.13). Вместе с тем констатируются «замкнутость и самодостаточность романов Федора Сологуба (как поэтической системы, так и изображенного в них мира)», что соответствует «авторскому пониманию жизни как вечно разыгрывающейся мистерии бытия и личности человека, выступающего в роли марионетки в трагическом фарсе, хорошо отрепетированном Случаем и Необходимостью <...>» (с.15).

Весьма привержен С.П.Ильев символике чисел. Трехчастное деление русского издания «Творимой легенды» ставится в связь с фамилией главного героя Триродова, обладающего тремя талантами: ученого, педагога и писателя (поэта), а четырехчастное деление первоначальной редакции, опубликованной в немецком переводе, оказывается, «также символично, поскольку четвертое поприще Триродова — политика, а число 4 в индийской мифологии и философии, мотивы которых многократно обыгрываются в творчестве Федора Сологуба, — символ совершенства, полноты, универсума» (с.14). «Огненный ангел» Брюсова состоит из 28 разделов, как первая часть «Фауста» Гете, на которого он ориентирован, состоит из 28 фрагментов; в Посвящении к роману, графически выдержанном в форме четырех перевернутых пирамид, двухчастная композиция соответствует двум диагоналям квадратного основания пирамиды, четыре «терцета» (4×3) соотносятся с числом сторон квадрата (основание) и треугольника и числом треугольников, составляющих пирамиду, а произведение этих чисел — 12 — есть символ вечности (12 месяцев, 12 знаков Зодиака); девять лет скитаний и блужданий Рупрехта соотносятся с девятью кругами ада у Данте; действие романа приходится на завершение восьмого года-круга и начало девятого, а в восьмом рву восьмого круга Данте слушает рассказ Одиссея о его странствиях после возвращения на Итаку (с.53-54, 56-57, 59); в эпизоде колдовского действа обнаруживаются определенные числовые пропорции между магическим пространством, очерченным Рупрехтом и Ренатой, и дьявольским хороводом из трех concentрических кругов, причем «инфернальное пространство конструируется как перевернутое отражение земного (профанного), а земное — как отражение небесного (сакрального)» (с.65). В «Петербурге» А.Белого восемь глав, а с прологом и эпилогом десять выделенных частей — и действие продолжается десять дней,

в эпилоге Николай Аполлонович находится в добровольном изгнании восемь лет; Аблеухов-старший размышляет о том, как за десять лет переменялась Россия, а его сын вспоминает о перемене его отношений с Сергеем Сергеевичем Лихутиным за восемь лет. «Восьмилетний цикл связан с периодами обращения Венеры и Луны, коррелятами Любви (Жизни) и Смерти <...>» (с.102), — сообщает С.П.Ильев, отнюдь не обрывая на этом цепочку ассоциаций.

То, что автор монографии не привлекает писем, мемуаров и других источников по творческой истории произведений, при трактовках такого рода — не только в связи с числами — вполне может вызвать вопрос: действительно ли именно так думали Сологуб, Брюсов, Белый, осознавали они то, о чем пишет С.П.Ильев, или это лишь его предположения? Строго говоря, зачастую скорее предположения. Иногда автор соответственно их и оформляет, но постоянно делать оговорки типа «предположительно», «по нашему мнению» и т.п. значило бы все исследование подавать как набор гипотез. Между тем С.П.Ильев, рискуя «додумывать» за писателей-символистов, добивается главного: восприятия их романов читателем как произведений непрямого смысла, того, что должно быть непременным условием их понимания, но при нашей привычке к буквализму бывает редко. Символизм предполагает диапазон толкований, придание разнообразного смысла частностям, деталям и оттенкам, не только вычитывание смыслов из произведений, но и некое вчитывание смыслов в него. Подход автора монографии к предмету вполне адекватен. Однако от более четкого разграничения «вычитываемого» и «вчитываемого» никакой читатель не отказался бы.

Например, в разделе о «мышинной» символике «Петербурга» есть явно объективная информация: мышь была одним из атрибутов Аполлона, впрочем, неизвестно, истреблявшего мышей или покровительствовавшего им; Николай Аполлонович в романе с нежностью к ним относится — и словно попадает в мышеловку, получив бомбу-сардинницу и задание убить отца; у Аполлона Аполлоновича, прозванного нетопырем, то есть летучей мышью, много общего с Победоносцевым, про «совиные крыла» которого писал Блок (сова — тоже ночное существо). Но в каком смысле «отсюда» и «крылатая шинель» Николая Аполлоновича, «покровителя мышей» (с.151)? Чьи крылья имеются в виду: нетопыря (отца) или птицы, истребляющей мышей, о чем тут же и напоминает С.П.Ильев?

Излишне смелые предположения делаются в отношении ономастики «Петербурга» в разделе «Имена-символы». Вообще, конечно, именно А.Белый всемерно обыгрывал имена и фамилии персонажей и весьма изобретательно их конструировал (см.: Долгополов Л.К. Символика личных имен в произведениях Андрея Белого // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С.348-354; Кожевникова Н.А. Язык Андрея Белого. М., 1992. С.193-224). Правда, заметно больше в позднем творчестве, чем в период работы над «Петербургом». Но действительно ли предок Аблеуховых Аблай и Николай имеют в своих именах общий корень Лай (Аб-Лай и Нико-Лай) и это признак «Эдипова комплекса», поскольку есть древнетюркский

корень «аб» (дом, юрта), а «дом (род) Лая» ассоциируется с «победителем» (Нико-) Лая(отца)? Означает ли звуковое сходство Аб-Ап-Ап (Аблай — Аполлон Аполлонович) синтез «восточного» и «западного» источников имени и генеалогии его носителя (с.152) даже при исключительной важности проблематики соотношения Востока и Запада в романе? Очень вероятны ассоциации фамилии Липпанченко со словами из разных языков, означающими жир, гноющийся, отвислую нижнюю губу, а также липность, но «липовая» фамилия, хотя она действительно не настоящая, — скорее домысел, а якобы настоящая, Маврокордато, может быть, и означает «черное сердце», но стоит ли вспоминать также «кордак» — веселую пляску хора в древнегреческой комедии и даже «троаический ритм, названный так за его беглость» (с.154)? С.П.Ильев проделал огромную филологическую работу, результаты ее никак не назовешь неинтересными, однако бесспорными и подавно. Не очень убедительны и рассуждения о том, почему «Петербург» не имеет общего эпитафия при наличии поглавных эпитафий, и вывод, что таковой «тронил искажением прямолинейной интерпретации романа» (с.114). Как могло грозить то, чего не было? И мало ли почему, если романов без эпитафий вообще гораздо больше, чем с эпитафиями.

В книге сказано о том, как повлияли на Брюсова — автора «Алтаря Победы» и «Юпитера поверженного» — новый подъем революционного движения и даже «последующие две революции» (с.101). Значит, революции 1917 г. на романы 1911—1914 годов? Нет, здесь имеется в виду, что тенденции эволюции Брюсова оказались однонаправленными в это время и после 1917 г., но выражение мысли на сей раз искажает ее до полной невероятности. Состоит же эта мысль в том, что Брюсов отошел от своего концептуального плюрализма (можно было бы вспомнить знаменитую строку «И всем богам я посвящаю стих»), признав историческую неизбежность «нового сознания народных масс» (с.101) — перехода от язычества к христианству, от политеизма к монотеизму, от плюрализма к монизму. Но такой вывод диктовала сама история побеждавшего христианства, а Брюсов как раз вложил в уста отца Николая невозможные для священника и человека IV в. слова о том, что придет время «и истина христианства тоже умрет». Эти слова, уже цитировавшиеся в литературе о Брюсове (см. Колосова Н. Поэт, историк, ученый // Брюсов В. Избранная проза: Огненный ангел. Юпитер поверженный. М., 1986. С.17), отражают историзм мышления XIX—XX веков и потому антиисторичны, отнесенные в IV в., хотя это не опровергает соображений С.П.Ильева о противостоянии «Огненного ангела» не отвечающим историзму особенностям поэтики Мережковского.

Есть в книге и обычные фактические неточности. Евгений в «Медном всаднике» Пушкина не разночинец, а потомок древнего захиревшего рода; Дудкин в «Петербурге» и вообще кто бы то ни было не может являться одновременно разночинцем и дворянином по происхождению (с.107); Чокан Валиханов — казах, а не киргиз (с.150, 153), хотя в его время казахов действительно называли киргизами (опять же недоговоренность, неточность выражения); Посвящение в «Огненном ангеле» именуется стихотворением (с.53) за наличие рифм, в том числе весьма приблизитель-

ных и отнюдь не регулярных, хотя рифмы, тем более грамматические, в средние века нередко служили украшением прозы. В Брюсовской главе допущены буквальные, ничем не оправданные повторы авторского текста.

Однако упущения С.П.Ильева перечислить гораздо легче, чем его находки или пусть небесспорные, но эвристически богатые наблюдения и соображения. Все писавшие о «Петербурге» так или иначе акцентируют внимание на нелепости сцены убийства Липпанченко обезумевшим Дудкиным, избравшим своим орудием ножницы, и только С.П.Ильев взглянул на смерть отвратительного типа с общечеловеческой точки зрения, написав, что Дудкин его «зверски убивает» (с.110). Небезынтересно, при всей его простоте, сопоставление времен года и возраста персонажей в «Тяжелых снах» и «Мелком бесе» (весна, молодость — и осень, зрелые и перезревшие в большинстве персонажи). Вывод о том, что Ф.Сологуб, провозглашавший две истины о мире — иронию и лирику, переориентировал понятие иронии, поскольку она у него утверждает материальный мир, хотя бы и как «мир роковых противоречий», лирика же разрушает здешний мир и на его развалинах строит новый (с.29), — вывод этот может быть соотнесен с парадоксальным на первый взгляд заявлением О.Э.Мандельштама в статье «К юбилею Ф.К.Сологуба» (1924) о его стихах, в которых «прозвучало волевое начало — воля к жизни, воля к бытию» (Мандельштам О. Соч. в 2-х т. М., 1990.

Т.2. С.305). В «Мелком бесе» замечено не только то, что мир этого романа — «смеющийся мир, правда, очень редко смешной, и всегда невеселый» (с.37), но и то, что смех Передонова — почти всегда хохот, а это и в «Мелком бесе», и в «Тяжелых снах» смех толпы, «групповой смех», «атрибут нерасчлененного множества», между тем как Логин и Анна Ермолина в «Тяжелых снах» в отличие от остальных персонажей, «смеясь, никогда не хохочут» (с.38, 30); с симпатичным занудством даже подсчитано, кто сколько раз в романе улыбнулся и сколько усмеялся (с.31). И если итог — «Федор Сологуб создал миф о смехе как стихийной субстанции, составляющей основу бытия» (с.50), — вероятно, не каждого вполне убедит, то скорее всего это тоже «с непривычки», поскольку мы воспитаны на других принципах литературоведения.

Немало дельного сказано о жанровой природе Брюсовского «Огненного ангела», о слиянии в одном тексте разных жанровых форм, притчевой традиции, мотивов и образов мировой литературы. Впрочем, символистский роман в целом предстает во многом как «литература о литературе» (с.10). В некоторой степени, возможно, и книга С.П.Ильева являет нам не только науку, но и литературу о литературе, однако в этом больше оригинальности, чем рискованности, и это, по-видимому, тоже законный путь познания.

С.И.Кормилов

106 литературных имен русского зарубежья: Библиографический указатель

Государственная публичная историческая библиотека; Сост. Е.Н.Бычкова.
М., 1992. С.136.

Аксиоматично утверждение, что любая библиографическая работа в состоянии принести пользу, если знать, до какой степени можно на нее полагаться. Одно дело рекомендательный указатель, предназначенный для первоначального ознакомления с какой-либо темой, и совсем другое — претендующий на хотя бы относительно полное представление неких материалов.

Рецензируемый указатель относится именно ко второму типу, потому его и следует судить по законам, избранным составителем, а для этого — проверить соответствие его хотя бы некоторым требованиям, которые аналогичные работы должны выдерживать.

В предисловии составитель заявляет: «Настоящий указатель, не претендуя на полноту, учитывает книжные издания и публикации в периодической печати произведений более ста писателей. В нем отражены издания с 1987 по 1990 год, вышедшие в СССР. Цель указателя — объединить и систематизировать библиографию Русского зарубежья, отраженную в изданиях государственной библиографии — указателя ВКП (т.е. Всесоюзной книжной палаты. — Н.Б.), ИНИОН, помочь разобраться в многообразии литературоведческой деятельности, дальнейших научных исследований» (с.3). Не вполне ясно, как можно с помощью указателя «разобраться в многообразии дальнейших научных исследований». Но

основную цель составителя понять вполне можно: рецензируемая библиография предназначена для отнесительного полного учета советских публикаций 1987-1990 гг. (в скобках следует отметить, что напрасно датой отсчета взят 1987, а не 1986 г., когда внимание общества обратилось к эмигрантской литературе — скажем, первая «Огоньковская» публикация стихотворений В.Ходасевича и статьи о нем А.Вознесенского, на которые гневно отвечал в «Литературной газете» В.Баранов; к тому же, по сообщению составителя, отбор материалов был завершен 14 апреля 1991 г., что не позволило включить в указатель ряд работ, напечатанных в журналах, формально датированных еще 1990-м годом). Такая заявка — безусловно, нужная и интересная, — должна быть подвергнута анализу, чтобы посмотреть, насколько полно отражено в указателе содержание хотя бы основных журналов, как оно расписано и в какой степени вообще отбор материала соответствует фактам истории литературы русского зарубежья.

На страницах 5-7 составитель перечисляет, и довольно подробно, писателей разных «волн» русской эмиграции XX в., не ограничиваясь теми, которые представлены в самом тексте указателя (нелишне отметить, что от описания работ, посвященных творчеству Бунина, Цветаевой, Куприна и Л.Андреева, составитель отказался). Так вот, уже одних этих списков было бы достаточно, чтобы отнестись к

материалам указателя с сомнением. Положим, А.Присманов, И.Червинская, В.Нарциссов — это, вероятно, просто опечатки (хотя следует отметить, что в списке литераторов «первой волны» фигурирует В.Нарциссов, а «второй» — Б.Нарциссов). Но с какой стати в «первую волну» попали О.Дымов, С.Минцлов или Н.Минский, покинувшие Россию еще до 1917 года по различным причинам? И почему в этом же списке М.Горький, который, как всем известно, специально держался в стороне от любых изданий, которые можно было бы считать собственно эмигрантскими, и хотя бы на таком уровне сохранял лояльность по отношению советской власти? Решительно нельзя согласиться с тем, что эмигрантом назван Л.Лунд, уехавший в Германию с советским паспортом для лечения. Не вполне понятно, кто такая А.Рахманова: изо всех доступных мне справочников по литературе русского зарубежья удалось извлечь лишь одного автора с такой фамилией, выпустившего в годы войны в Риге книгу «Студенты, любовь, Чека и смерть». Почему его место — рядом с Буниным, Куприным, Мережковскими, Ходасевичем?

Вообщем выборочность списка производит более чем странное впечатление. Почему, скажем, в нем есть Ирина Кнорринг, а нет ее мужа, не менее известного в эмиграции поэта Юрия Бек-Софиева? Почему попал в список очень сомнительный эмигрант Леонид Андреев, а нет его сына Вадима Андреева, интересного поэта и прозаика? Почему не попали в список М.Арцыбашев, И.Голенищев-Кутузов, А.Головина, Л.Гомолицкий, Л.Зуров, Ю.Иваск (включен в список эмигрантов «второй волны», хотя первую книгу выпустил в Варшаве еще в 1938 г.), архиепископ Иоанн Сан-Францисский (выпускавший книги и под своей настоящей фамилией Шаховской, и под псевдонимом Странник), Д.Кнут, В.Мамченко, К.Мочульский, П.Муратов, И.Наживин, Б.Поплавский, С.Прегель, Д.Ратгауз и его дочь Т.Ратгауз, Н.Рошин, целый клан Струве, Н.Туроверов, М.Цетлин (Амари), З.Шаховская, А.Эйснер, В.Яновский?.. Я специально перечислил только литераторов первостепенных, не называя тех, о репутации которых можно спорить. Почему-то не попали в список писатели, перешедшие на другой язык и ставшие известными французскими литераторами — В.Познер, Э.Триоле, А.Труайя.

Рассуждения о точности информации, даваемой во введении, можно было бы продолжить и далее, но в целях экономии времени и журнального пространства перейдем к собственно библиографическим описаниям.

Открывается указатель рубрикой «Общие работы по русскому зарубежью». Из почти бесчисленного количества публикаций на эту тему составитель выбрал всего 23, причем внимательный анализ зафиксированного не может не привести к недоуменным вопросам. Почему, например, в эту рубрику попали «Статьи о культуре» Г.Федотова (Вопросы литературы. 1990. №2)? Конечно, в этой публикации есть статьи «Четверодневный Лазарь» и «О парижской поэзии», касающиеся общих проблем эмигрантской литературы, но почему они никак не выделены среди прочих, где есть и «Мысли по поводу Брестского мира», и «О Виргилии»? Почему в указатель попала статья Е.Эткинда «Русская поэзия XX века как единый процесс», а его выступление на ту же тему во время Копенгагенской встречи

писателей метрополии и диаспоры (равно как и другие выступления, касающиеся той же темы), опубликованное в «Вопросах литературы» (1989. №5), не зафиксирована? Так ли уж много даст читателю, ищущему сведений о русской зарубежной литературе, статья В.Акимова «Помощь из прошлого» (Аврора. 1988. №5)?

Но самое примечательное — это появление в рубрике «Общие работы по русскому зарубежью» публикации пресловутой «Русофобии» И.Шафаревича (с аннотацией: «Негативная оценка исторического прошлого и национальной культуры России в русской зарубежной прессе»). Наверное, в указателе, рассчитанном на исчерпывающую фиксацию всех, даже самых малых упоминаний о литературе русского зарубежья, нашлось бы место и для публикации оскорбительной для русского национального самосознания книги Шафаревича, но в весьма выборочном списке не только нужно, но и должно было обойтись без нее.

Загадочной выглядит запись: «Письмо-возражение на критический отклик В.Гусева в адрес опубликованного в журнале «Вопросы литературы» исследования В.Казака о русской литературе». Попробуйте из этой аннотации угадать, на какое исследование В.Казака откликнулся В.Гусев (оно зафиксировано в указателе под №8, и сделать отсылку — элементарный долг вежливости перед читателем) и где можно его отклик найти!

Непонятно, почему статьи Г.Струве и Г.Федотова, включенные в этот раздел, надо было специально еще раз описывать под фамилиями авторов (соответственно №№1094 и 1113). К тому же странным выглядит, что ни разу в двух описаниях не был упомянут автор весьма содержательной вступительной статьи к публикации отрывка из книги Г.Н.Струве — К.Ю.Лаппо-Данилевский.

А уж о количестве пропусков в данном разделе даже и говорить не приходится — их столько, что 23 названных номера в полной библиографии просто затерялись бы, что и не удивительно: именно в 1987-1989 гг. литературоведы и культурологи особенно активно обсуждали общие проблемы соотношения русской культуры XX века внутри России и вне ее.

Но безотрадное впечатление от вступительной части не рассеивается, когда мы обращаемся к персоналиям писателей, представленных на страницах указателя.

Прежде всего это касается отбора имен. Почему, скажем, составитель пренебрег литературным творчеством К.Коровина или А.Бенуа, М.Добужинского или В.Вейдле? Неужели они не принадлежат к русскому литературному зарубежью? Неужели воспоминания Шалапина или «Моя зарубежная пушкиниана» Сергея Лифаря никак не должны были попасть на страницы указателя?

Ну хорошо, можно согласиться, что составитель имел право не включать в книгу имена каких-то авторов, пользуясь вполне естественным желанием что-то ограничить (хотя бы собственным произволом) почти безграничное поле для описания. Но уже никак невозможно понять, с какой стати в библиографию включены произведения авторов, не имеющих ни малейшего отношения к русской зарубежной литературе? Ни Леонид Бородин, ни Владимир Кормер, ни Сергей Марков никогда в эмиграции не были, и

записывать их книги в число произведений русской зарубежной литературы только на том основании, что они некогда печатались за пределами России, — никак невозможно. С таким же успехом тогда можно было бы включать в указатель книги Ахматовой, Мандельштама, Клюева, Гумилева, Шаламова, Битова, Искандера, Окуджавы, Сосноры — прочим именам нет числа.

Не имеет, конечно, смысла попрекать составителя пропусками в библиографии, так как никто не без греха и полных библиографий не бывает вообще. Но пропуски пропускам рознь, так же как и неряшливость в библиографических описаниях, не позволяющая понять, что к чему. Кажется, мы имеем право требовать от составителя, чтобы он аккуратно расписал содержание хотя бы ведущих журналов, занимающихся проблемами литературы. Я же обращаюсь к разделам, занятым творчеством тех авторов, которыми мне самому доводилось заниматься профессионально, и да не посетует читатель, что кое-где придется ссылаться и на свои собственные работы.

Вот, скажем, раздел о творчестве В.Ходасевича. Зафиксировано 77 публикаций, в том числе и повторяющиеся, и не претендующие на научность, и неактуальные... Но тщательный просмотр то и дело заставляет возмущаться и негодовать. Так, дважды под отдельными номерами зафиксирована публикация Евг. Бенья в журнале «Наше наследие» (№1141 и 1149), но зато отыскать по библиографии одну из первых серьезных публикаций о Ходасевиче в журнале «Вопросы литературы» (1987. №9) оказывается почти невозможно, поскольку она представлена так: «Бенья Е. Материалы к творческой биографии Владислава Ходасевича», тогда как на самом деле в журнале озаглавлена: «Материалы к творческой биографии Вл. Ходасевича» с пометкой: «Вступительная заметка, публикации и комментарии Евг. Бенья». Если бы составитель обратил на это внимание, то и всю публикацию он расписал бы как представление автобиографических, критических и эпистолярных текстов Ходасевича, которые следовало бы включить в соответствующий раздел. И заодно тогда, может быть, не пропала бы подготовленная С.Богатыревой публикация (принципиальная, потому что самая первая, по рукописи!) доклада «Надсон», сделанная в том же номере журнала. А из публикации Евг. Бенья пропущены письма Ходасевича к Ю.Айхенвальду в седьмом выпуске «Встреч с прошлым» (М., 1990). Заодно тут же укажу, что в шестом их выпуске была содержательная публикация об А.Ладинском, а в том же седьмом — о Дон-Аминадо, а заодно и эмигрантские очерки Г.Алексеева и Б.Пильняка, которым тоже следовало бы найти место в книге.

Вернемся однако к Ходасевичу. В списке публикаций пропущена книга «Державин», выпущенная в 1988 году издательством «Мысль» (есть только вариант издательства «Книга»). Не зафиксирована первая публикация в условиях гласности «Коллеблюмого треножника» (Огонек. 1987. №7), примечательная тем, что в тексте пришлось делать основательные купюры, а потом, через некоторое время, из восстанавливать. Но гораздо хуже то, что не попали в поле зрения составителя заметки Ходасевича о Пушкине, напечатанные С.Богатыревой в том же номере «Огонька» впервые, по архиву. Он обошел вниманием и опубликованные Д.Волчком мемуары Ходасевича

«Муни» (Театральная жизнь. 1989. №6) со вступительной статьей публикатора и — чрезвычайно ценным! — приложением: пьесой самого Муни. Вполне можно было бы не фиксировать дважды мою статью «Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича» (в сокращенном виде — в «Вопросах литературы», в полном — в «Большой серии» «Библиотеки поэта»), зато можно было отметить, что книжечка «Воспоминания о Горьком» не только подготовлена мною, но там есть и небольшая вступительная статья, которая, несмотря на малые размеры, вызвала жесткий критический отзыв В.Барахова в «Литературной России». По непонятной причине отмечена лишь перепечатка статьи И.Роднянской «Возвращенные поэты» в сборнике «Собеседник», а первая ее публикация в журнале «Литературное обозрение» — пропущена.

Как и во всех прочих разделах, очень непоследовательно описаны статьи и заметки, сопровождающие публикации. Так, вступительная статья А.Зорина к книжному изданию «Державина» расписана отдельно, а его же вступительная заметка к журнальной публикации — нет. Мое предисловие к сборнику «Библиотеки поэта» зафиксировано отдельно, а послесловие В.Широкова к репринтному воспроизведению «Тяжелой лиры» — нет, послесловие В.Перельмутера к журнальной подборке литературно-критических статей расписано, а его же послесловие к театральным статьям — нет... Как это объяснить, не знаю, да думаю, что это и невозможно. Также невозможно объяснить, почему не раскрыто содержание большинства публикаций: попробуйте догадаться, что скрывается под описанием: «Из литературного наследия» или «Мемуарная проза».

Зачастую понять, что именно описывает составитель, бывает очень трудно. Вот, например, открывающая раздел о Г.Адамовиче запись: «Анне Ахматовой: Подборка стихов, посвященных А.А.Ахматовой / Георгий Адамович; Вступ. ст., публ. и примеч. Н.А.Богомолова». Если бы я не был человеком, причастным к данной публикации, я бы так и оставался до обращения к журналу в убеждении, что здесь опубликована целая (шесть страниц большого формата!) подборка стихов Адамовича, посвященных Ахматовой. На самом же деле в журнале был опубликован ряд стихов разных авторов, где, среди прочего, было напечатано и одно стихотворение Адамовича.

В перечисление публикаций из литературного наследия З.Гиппиус не попали: моя (Литературное обозрение. 1990. №9; могу уверить составителя, что она вышла своевременно, а не в 1991 г.), Е.В.Барабанова (Наше наследие. 1990. №4), Виталия Вульфа (Театральная жизнь. 1989. №14).

Пропущена масса публикаций о поэзии Александра Галича. Назову лишь некоторые: В.Фрумкин. Не только слово: Вслушиваясь в Галича (Музыкальная жизнь. 1989. №14/15); Поэт Александр Галич (со вступительной заметкой Ю.Кима и публикацией трех песен; Театральная жизнь. 1988. №9); О.Кучкина. «Я прошу, чтобы Галичу разрешили вернуться...» (Там же. 1989. №14). В той же «Театральной жизни» в 1988-1989 гг. печаталась повесть Галича «Генеральная репетиция». Кстати, следует отметить, что публикация под №288 описана не так, как должно, ибо под ней на самом деле скрываются две статьи:

«Об Александре Галиче» Ю.Кима и «Не зови — я и так приду» В.Акелькина.

Моя статья «В пропастях ледяного эфира...» — вовсе не о книге Георгия Иванова «Петербургские зимы», как она проаннотирована в указателе, а лишь предисловие к его не входившим в книгу воспоминаниям о В.Пясте, содержащее также некоторые общие суждения о поэзии и прозе Иванова. Но все это меркнет перед записью: «Юхт В. Не бойтесь лирики! // Урал. — 1987. — №9» с аннотацией: «Рец. на кн.: Иванов Г. Добрая пора. Стихи. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986». Неужели составитель библиографии сам не читает представляемый им в издательство текст?

Попутно приведу лишь несколько замечаний, касающихся случайно попавшихся на глаза ошибок и недочетов. Так, почему-то описана публикация лишь одной части книги Б.Зайцева о Жуковском, осуществленная Ю.М.Прозоровым в журнале «Русская литература», тогда как на деле она растянулась на три номера. Не включена в библиографию подборка материалов Б.Зайцева, опубликованная в журнале «Наше наследие» (1990. №3).

Не соответствует действительности такое описание: «Письма / В.Иванов; послесл. В.Зелинского // Наше наследие. — 1989. — №3». Увидев эту запись, я посетовал на стареющую память и кинулся проверять, что же за письма Вяч. Иванова там были опубликованы, но натолкнулся, конечно, на публикацию «Переписки из двух углов» — вряд ли читателям «De Visu» стоит объяснять, что это вовсе не «письма» Иванова.

Составитель углядел публикацию тенденциозной статьи П.Горелова об И.Бродском в альманахе «Кубань», но никак не отметил нашумевшее ее появление в «Комсомольской правде», вызвавшее возмущенные отклики читателей. Нет в указателе содержательной статьи Б.Любимова «Солженицын-драматург» (Театральная жизнь. 1989. №14). Отрывки из книг З.Шаховской «Отражения» и «В поисках Набокова» были опубликованы в «Нашем наследии» (1990. №1 и 2), а фрагменты из «Неугасимой лампы» Б.Ширяева — там же, в четвертом номере за 1989 г.

Зафиксирована лишь одна публикация К.Мочульского в журнале «Литература в школе», тогда как гораздо более значительные публикации фрагмента из книги «Духовный путь Гоголя» (публ. П.Паламарчука. — Вопросы литературы. 1989. №11) и статьи «Поэтическое творчество Анны Ахматовой» (публ. Р.Тименчика. — Литературное обозрение. 1989. №5) — пропущены. Не указано весьма содержательное предисловие А.Немзера к републикации статьи Д.Мережковского «Лермонтов — поэт сверхчеловечества» в «Литературном обозрении».

В число авторских книг Е.Г.Эткинда попала составленная им книжечка «323 Эпиграммы» (несколько эпиграмм из нее, самому Эткинду вовсе не принадлежащих, были перепечатаны в журнале «Слово»). На с.83 и в алфавитном указателе авторов статей (стало быть, это уж никак не может быть отнесено к числу опечаток) фигурируют два различных человека: М.Безродный и М.Безработный.

Внимательный читатель моих заметок, безусловно, констатирует для себя, что рецензия эта была написана вовсе не с установкой на исчерпывающий перечень недостатков и ошибок попавшей в руки библиографии: его можно было бы длить и длить, особенно если самому заняться подробным просмотром хотя бы самых основных журналов, выходящих на территории СССР в 1987-1990 гг. Увы, мне приходится сказать, что специалисту, желающему составить себе хоть какое-то представление о публикациях, связанных с эмигрантской литературой, придется именно такую работу и проделывать заново, ибо указатель Е.Н.Бычковой ни в коей степени не сможет избавить его от этой работы. Конечно, книжечка эта неминуемо будет стоять на полке рядом с другими пособиями, и даже можно представить себе, что в каких-то случаях придется обращаться к ней за помощью, но все-таки очень обидно, что авторитетный центр библиографической работы, каким является Государственная публичная историческая библиотека, выпустил работу с таким количеством грубых промахов и искажений.

Н.А.Богомолов

Книжные, журнальные и газетные обзоры «DV» информируют о материалах в текущей печати, относящихся к русской литературе 1890-1930-х гг.

Аннотации составляются на основе данных, сообщаемых в обозреваемых изданиях. «DV» не несет ответственности за неточные сведения, ошибки публикаторов и авторов.

КНИГИ

Оцуп Н. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания / Сост., вступ. ст. Л.Аллена; Коммент. Р.Тименчика. — Спб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. — 616 с. — Тираж 5000 экз. — (Литература русского зарубежья).

Это первая книга из новой серии «Литература русского зарубежья», которая начала выходить в Петербурге при участии Лилльского университета (Франция). В редакционной коллегии серии: Л.Аллен (главный редактор), О.Гриз, М.Йованович, А.Лазари, Л.Магаротто, С.Носов, Д.Рици, К.Сёке, Л.Силард, С.Шварцбанд.

В книгу вошли в основном стихотворные произведения Оцупа: сборники «Град» (1921), «В дыму» (1926), «Жизнь и смерть» (1961), поэма «Встреча» (1928), цикл «Предсмертные стихи» (1958). Перепечатана также давно не переиздававшаяся автобиографическая поэма «Дневник в стихах» (1950) — монументальное (12 тысяч строк, вдвое больше, чем в «Евгении Онегине») произведение, не ставшее, однако «энциклопедией русской жизни». «Дневник в стихах» занимает 315 книжных страниц, на 90 страницах представлены критика и мемуарная проза Оцупа, заслуживающие, на наш взгляд, большего. В последний раздел — «Статьи и воспоминания о писателях» — вошли только работы о Гумилеве, Сологубе, Белом, Есенине, Потемкине, Блоке и др.

Книге предпослан подробный очерк жизни и творчества Оцупа, написанный профессором Лилльского университета Л.Алленом. В комментариях Р.Тименчика — добротный обзор литературы об Оцупе, раскрытие многочисленных реалий.

Мережковский Д.С. Атлантида — Европа: Тайна Запада / Вступ. ст. В.Д.Цыбина. — М.: Русская книга, 1992. — 416 с. — Тираж 15000 экз.

Первое в России издание известной работы Мережковского. Отсутствие исторического, реального и пр. комментария вряд ли может восполнить вступительная статья известного советского поэта Владимира Цыбина, состоящая из рассуждений о «спиралях времен, завернутых в катастрофу» и

«тканях времени, разрываемых метафизической энергией возмездия»...

Русское зарубежье: Трагедии, надежды, жизнь... / Сост. В.Ганичев, Г.Беляков, Е.Володина. — М.: «Роман-газета», 1993. — Вып.1. — 240 с. — Тираж 15000 экз.

Главный редактор сборника В.Н.Ганичев так определяет задачи нового издания: «Наш сборник, или, возможный в будущем, альманах “Русское Зарубежье” является естественным продуктом движения отечественной интеллигенции под знаком культуры и просвещения. <...> Поставив своей целью представить полнокровную панораму жизни, деятельности, духовных исканий, состояния русских на протяжении многовековой истории отечества в разных книжных изданиях, мы должны добиться наполнения этих изданий действительными и многозначными фактами, известными и значительными персоналиями, отторгнутыми от сознания соотечественников в разные годы в силу идеологических, политических причин, в силу высокоразвитой бездуховности и невежества. <...> Альманах “Русское Зарубежье” как часть возрожденческой культурно-исторической программы имеет своей целью накопление материалов для публикации нескольких томов энциклопедических изданий о “Русском Зарубежье”. Редакция предполагает совместно с обществами “Зори России” и “Родина”, ведущими работу по сотрудничеству с соотечественниками за рубежом, другими организациями и изданиями, провести сбор архивных материалов, мемуаров, книг, вышедших за границей, организовать для этого Библиотеку Русского Зарубежья, архив “Зов Отчизны”, создать совместное предприятие-издание с каким-нибудь русским центром, издательством, группой людей, а также провести работу по организации сопутствующих акций».

В общественный совет сборника вошли О.В.Волков, В.Н.Ганичев, А.И.Жуков, В.А.Костров, О.Н.Михайлов, В.Н.Сахаров, Н.Н.Скотов, Д.М.Урнов и др.

Сборник открывает статья Н.К.Рериха «Россия» (1936). В первой части «История есть воспоминание всего народа...» напечатаны очерк В.Солоухина о посещении кладбища Сент-Женевьев-де-Буа, отрывок из «Записок» П.Н.Врангеля, статья С.Л.Франка «Пушкин как политический мыслитель» (1937), фрагменты «Записных книжек» Н.А.Бердяева, статья

Н.П.Полторацкого «Русская идея Н.А.Бердяева» (1946). Мемуарный очерк З.Н.Гиппиус «Правда о земле: К истории русского христианства», посвященный истории Религиозно-Философских Собраний, представлен В.Злобиным из хранящегося у него архива Мережковского и Гиппиус.

Во второй части «Высоким трепетом полно...» с некоторыми сокращениями перепечатан хрестоматийный сборник «Содружество», объединивший около 70 поэтов русской эмиграции. Особую ценность представляют краткие биографические справки об авторах «Содружества». Также во второй части — стихи Цветаевой из книги «После России» и пьеса П.А.Муравьева «Миражи».

В третьей части «Мы — не ветви твои сухие...» печатаются статьи Г.В.Адамовича «Пушкин» (1962), В.Ф.Ходасевича «Колелемый треножник» (с указанием, что с 1922 г. статья не перепечатывалась) и Р.Б.Гуля «Победа Пастернака», «Цветаева и ее проза», «Георгий Иванов» (из его книги «Одвуконь»). Все публикации сопровождаются редакционными справками. В качестве примера приведем одну из них: «Ходасевич Владислав Фелицианович (1886-1939). Первая публикация поэта Ходасевича — «Молодость» в 1908 г., затем «Счастливый домик» — в 1914 г. <...> Им написано около 300 статей, роман «Европейская ночь»».

Завершает сборник интервью с членом Правления Всесоюзного центра «Русская энциклопедия» О.В.Волконским.

«Найти свой лад...»: Федяинские чтения. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. — Вып.2. — 176 с. — Тираж 500 экз.

Большая часть работ, помещенных в сборнике, основана на архивных материалах. В воспоминаниях Н.К.Федина «Из истории городка писателей в Переделкино» (с.3-14) цитируются письма Федина В.С. Иванову, Б.Пильняку Федину, и др., рассказывается о встречах с Б.Пильняком, Б.Пастернаком. Л.А.Озеров, основываясь на переписке Федина и Пастернака и дарственных надписях на книгах, восстанавливает историю их личных и творческих взаимоотношений («Федин и Пастернак», с.14-27). Л.Ю.Коновалова в статье «Дом литераторов и Дом искусств в Петрограде. Литературная группа «Серпионовы братья»» (с.27-48) воспроизводит дарственные надписи «серпионов» на книгах, хранящихся ныне в Музее К.А.Федина в Саратове. Статья И.Э.Кабановой «Письма А.К.Воронского К.А.Федину 20-х годов» (с.48-63) вводит в научный оборот письма 1921-25 гг., посвященные в основном издательской и редакторской деятельности корреспондентов. Переписка К.Федина и К.Зеленой 1911-1962 гг. легла в основу работы Т.И.Моргулец «Родная душа...» (с.63-75).

Особо отметим статью Н.А.Сломовой «Привет от друга, память о котором ничем не омрачена» (с.73-83). В письмах Б.Лаврентева Федину, оказавшемся в 1931-32 гг. на лечении за границей, подробно освещены важнейшие события литературной жизни рубежа 1920-30-х гг.: кризис Всероссийского союза писателей и торжество РАППа, творческие дискуссии 1931-32 гг., реакция писателей на поста-

новление ЦК «О перестройке литературно-художественных организаций» и др.

В сборнике также напечатаны статьи Т.Б.Семенович «Из дружб прошлого...» (с.83-97) о взаимоотношениях Федина с В.Миллашевским и Н.Кузьминым, В.П.Крючкова «А что за ненавистью?» (с.97-113) о романе «Города и годы», А.И.Ванюкова «Композиция и авторская мысль романа К.Федина «Братья»» (с.113-136) и др.

Волошинов В.Н. Фрейдизм / Комментарий В.Махлина. — М.: Лабиринт, 1993. — 120 с. — Тираж не указан. — (Бахтин под маской. [Вып.] 1).

Первое с 1927 г. переиздание в России работы, приписываемой М.М.Бахтину. Книга открывает серию «Бахтин под маской» (под редакцией И.Пешкова), в которой издательство «Лабиринт» предполагает также опубликовать книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка», П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении» и др.

Русская поэзия: Год 1918 / Даугавпилсский педагогический институт. — Даугавпилс, 1992. — 119 с. — Тираж 200 экз.

В сборник вошли доклады, прочитанные на межвузовском научном семинаре «Русская поэзия: Год 1918», состоявшемся 9-10 декабря 1991 г.: Баевский В.С. «Свеча» (об истории неосуществленного издания, посвященного памяти поэта Л.Д.Семенова-Тян-Шанского, с.3-5); Федоров Ф.П. «О художественном мире «Лебединого стана» М.Цветаевой» (с.5-22); Ильев С.П. «Апокалиптические поэмы Александра Блока и Андрея Белого: «Двенадцать» и «Христос Воскрес!»» (с.22-25); Пьяных М.Ф. ««Двенадцать» А.Блока и «Мистерия-Буфф» В.Маяковского» (с.26-28); Бодров М.С. «Владимир Маяковский. От трагедии «Человек» к «Мистерии-Буфф»: Русский писатель XX века и его адресат» (с.28-39); Хазан В.И. «Предсказанные наступили дни»: Диалог Мандельштама и Ахматовой в канун 1918 года» (с.39-43); Эйдинова В.В. «О стиле О.Мандельштама: «Tristia»» (с.44-52); Кошелев В.А. «Игорь Северянин. Стихи 1918 года» (с.53-56); Орлицкий Ю.Б. ««Был же я, как уголь раскаленный»: Из наблюдений над стихотворной стилистикой поэмы М.Волошина «Протопоп Авакум»» (с.56-63); Захаров А.Н. «Есенин в восемнадцатом году» (с.63-66); Мехш Э.Б. «Концент Есенина 1918 г. «Вечер с метелкой»» (с.66-75); Юсов Н.Г. «Есенин в периодике 1918 года: Редкие публикации» (с.75-80); Петросов К.Г. ««Скифы». Сборник 2-й: Свообразие общественно-литературного облика сборника и роль Р.В.Иванова-Разумника как его создателя» (с.80-85); Семенов А.Н. «Альманах «Весенний салон поэтов»: Описание» (с.86-94); Мазилкина И.Е. «Смерть языка: Наблюдения, основанные на документальных источниках 1918 года» (с.95-106); Трофимов И.В. ««Народ» в 3-ей книге «Истории моего современника» В.Г.Короленко» (с.107-111); Сапогов В.А. «В.Каменский в романе Б.Григорьева «Юные лучи»» (с.111-117).

Тайны ремесла: Ахматовские чтения. — М.: Наследие, 1992. — Выпуск 2. — 279 с. — Тираж 1000 экз.

Как и предыдущий выпуск «Чтений», проаннотированный в №0 «DV» за 1992 г., этот основан на материалах юбилейной имлийской конференции 1989 г. В сборник вошли статьи: Альми И.Л. «О лирических сюжетах Пушкина в стихотворениях Анны Ахматовой» (с.5-19); Жолковский А.К. «Биография, структура, цитация: Еще несколько пушкинских подтекстов» (с.20-29); Небольсин С.А. «О жанре "Памятника" в наследии Ахматовой» (с.30-38); Барили Г. «Статьи о Пушкине Ахматовой и "Разговор о Данте" Мандельштама» (с.39-47); Усок И.Е. «Лермонтов в восприятии А.А.Ахматовой» (с.48-56); Непомнящий И.Б. «"И — странно! — я ее пережила": Об этом тютчевском мотиве в лирике А.Ахматовой» (с.57-64); Кшондзер М.К. «Стихотворение "Надпись на книге" в контексте лирики А.Ахматовой: О грузинских мотивах в поэтическом мире Ахматовой» (с.65-68); Спендель де Варда Й. «Образ Италии и ее культуры в стихах Анны Ахматовой» (с.69-74); Хлодовский Р.И. «Анна Ахматова и Данте» (с.75-92); Королева Н.В. «"Могла ли Биче словно Дант творить...": Проблема женского образа в творчестве Ахматовой» (с.93-112); Красавченко Т.Н. «Ахматова в зеркалах зарубежной критики» (с.113-123); Балашова Т.В. «Слово французской критики в спорах о творчестве» (с.124-131); Эльдар С., Шилов Л. «Английские недели Анны Ахматовой» (с.132-147); Муравьева И.А. «Анна Ахматова и документальное кино» (с.148-157); Толмачев М.В. «Ахматова в изобразительном искусстве» (с.158-166).

В разделе публикаций напечатаны следующие материалы: «А.А.Ахматова в письмах к Н.И.Харджиеву: 1930-1960-е гг.» (публикуются письма Ахматовой к Харджиеву, а также отрывки из писем третьих лиц с упоминанием об Ахматовой; публикация подготовлена Э.Г.Бабасевым, с.198-228), мемуарный очерк Н.И.Харджиева «О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой» (с.229-232), «Следственное дело Н.С.Гумилева» (публикация В.К.Лукницкой и С.П.Лукницкого, в приложении печатаются три стихотворения П.Н.Лукницкого 1925-28 гг., посвященные А.Ахматовой, с.233-261), неопубликованная статья Н.Н.Пунина «Революция без литературы» с предисловием А.Г.Каминской и биографическим очерком И.Н.Пуниной «Николай Николаевич Пунин: 1888-1953» (с.262-279).

Проблемы типологии русской литературы XX века: Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский государственный университет, 1991. — 148 с. — Тираж 500 экз.

Сборник, подготовленный кафедрой русской литературы Пермского университета, вышел в начале 1992 г. Он объединяет работы преподавателей вузов разных городов (Пермь, Москва, Магнитогорск, Махачкала, Ижевск, Рига). В сборник, в частности, вошли статьи: Бройтман С.Н. «"Неклассический" тип

субъектной структуры в лирике русского символизма» (с.25-40); Спроге Л.В. «Тип цикла и генезис стихотворения А.Блока "Тишина цветет"» (с.40-46); Хазан В.И. «Из наблюдений над творческим диалогом А.Ахматовой и Б.Пастернака» (с.46-58); Бурдина С.В. «Проблема традиций Маяковского и ее освещение современным литературоведением» (с.59-69); Петров В.Б. «Пьеса Н.Эрдмана "Мандат" в контексте сатирической комедиографии 20-х годов» (с.70-80); Фоминых Т.Н. «Особенности изображения характера в книге С.З.Федорченко "Народ на войне"» (с.81-89); Ланин Б.А. «Типология форм повествования в романе А.Н.Толстого "Восемнадцатый год"» (с.89-99); Ишук-Фадеева Н.И. «Чехов и Вампилов: Традиции и новаторство» (с.99-112).

Слово в контексте литературной эволюции: Проблемы жанров. — М., 1993. — 136 с. — Тираж 300 экз.

Сборник, как и предыдущие книги серии (Слово в контексте литературной эволюции. М., 1989; М., 1990; Язык памятников — памятники языка. М., 1991), объединяет статьи участников школы-семинара по проблемам поэтического языка (заседания семинара проводятся ежегодно с 1989 г. на филологическом факультете Московского университета). Сборник посвящен в основном жанрам древнегерманской литературы. В приложении впервые печатается перевод «Песни о Хамдире» из «Эдды», сделанный для издательства М. и С. Сабашниковых в 1910-х гг. С.Свириденко (псевдоним С.А.Свиридовой, около 1880 — после 1928), Во вступительной статье С.А.Свиридова изложены краткие сведения о творческом и жизненном пути С.Свириденко (в частности, о ее встречах с Блоком), история работы над переводом.

История евреев в России. — СПб., 1993. — 180 с. — Тираж 2000 экз. — (С.-Петербургский Еврейский университет. Институт исследований еврейской диаспоры. Труды по нуданке. Серия «История и этнография». Вып. 1).

Статьи, вошедшие в сборник, посвящены различным проблемам источниковедения и историографии истории евреев в России. В частности, в работе В.Лебедевой-Каплан «Три письма из 1919 г.» (с.134-147) рассказывается о деятельности еврейской «Культур-Лиги» в Москве и Петрограде в 1919 г. На материалах секретного бюллетеня Главлита за 1923 г. основана статья А.Блюма «Еврейская печать и литература в оценке коммунистической цензуры» (с.157-162); ранее этот материал был использован в работе того же автора «Печать русского зарубежья глазами Главлита и ГПУ» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1991. №183). В бюллетене содержатся разного рода характеристики зарубежных еврейских издательств, журналов и книг, а также подробная биографическая справка о литераторе Б.С.Мирском (Миркин-Гецевич).

ЖУРНАЛЫ

Журналы, просмотренные «De Visu» (февраль 1993 г.): Апокриф, Военно-исторический журнал, Волга, Вопросы истории, Вопросы литературы, Вопросы философии, Грани, Дальний Восток, Детская литература, Дружба народов, Журналист, Знамя, Иностранная литература, Искусство кино, Континент, Лепта, Литературное обозрение, Логос, Молодая гвардия, Москва, Московский вестник, Московский журнал, Московский наблюдатель, Музыкальная жизнь, Наука и жизнь, Наука и религия, Наш современник, Неман, Новое время, Новый мир, Огонек, Октябрь, Подъем, Посев, Простор, Работница, Родина, Россияне, Свободная мысль, Север, Сельская молодежь, Смена, Согласие, Социологические исследования, Социум, Столица, Театр, Театральная жизнь, Фотография.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Апокриф:

В №2 (вышел в феврале) — перепечатка главы «Театр и природа» из книги Н.Евреинова «Театр как таковой» (1912) под редакционным названием «Театр у растений».

Волга:

В №2 — мемуарный рассказ Г.Зинина «Приглашение в рай» о встрече с М.Цветаевой накануне Великой Отечественной войны.

Там же — работа А.Белокопа «“В темноте не страх — отчаяние”»: (Уголовное дело В.Зазубрина: Исследование после расследования)».

Вопросы истории:

В №2 — рецензия К.Рогачева на книгу: Raeff M. *Russia abroad: A cultural History of the Russian Emigration, 1919-1939.* N.-Y.; Oxford, 1990.

Вопросы литературы:

В вып.1 — статья Вяч. Вс. Иванова «Почему Сталин убил Горького?»

Там же — фрагменты из «Ежезаписей» О.Черного, посвященные Б.Пастернаку (из подготовленной к печати в «Советском писателе» в 1991 г., но невышедшей книги «Московские страницы»); публикация Е.Черной.

Там же — статья Л.Колодного «Рукописи “Тихого Дона”» (описываются рукописи первых книг романа, найденные автором статьи).

Там же — под заглавием «Заумная заумь» рецензия Н.Богомолова на книги: Marzaduri M. *Scritti sul futurismo russo.* Bern e.a., [1991]; Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. Bern e.a., [1991]; Туфанов А. Ушкуйники. Berkeley (Cal.), 1991.

Там же — под заглавием «Лукавый гений филологии» рецензия Е.Орловой на книгу: Marina Tsvetaeva / Марина Цветаева: Труды 1-го Международного симпозиума (Лозанна, 30 июня — 3 июля 1982). Bern e.a., 1991.

Там же — «Изюм из булки: Афоризмы и парадоксы в письмах Виктора Шкловского» 1922-1983 гг.; предисловие и публикация В.Шкловской-Корди.

Там же — статья В.Новикова «Неуязвимость: Виктор Шкловский в пародиях», включающая в себя пародии на Шкловского А.Архангельского, А.Флита и др.

Там же — анонимный обзор специального выпуска парижской «Русской мысли» от 16 октября 1992 г., посвященного 100-летию со дня рождения М.Цветаевой; перепечатываются некоторые письма М.Цветаевой и другие материалы из этого выпуска.

Вопросы философии:

В №2 — под заглавием «Испытание революцией и контрреволюцией» публикуются 24 письма П.Б.Струве и С.Л.Франка (1922-1925); предисловие Н.С.Плотникова, публикация М.А.Колерова и Ф.Бубайера, примечания М.А.Колерова.

Грани:

В №167 — М.Шнеерсон, статья «Сила Мастера и бессилие властелина» о М.Булгакове и Сталине.

Там же — статья И.Есаулова «Тоталитарность и соборность: Два лика русской культуры» (в частности, об образе Ленина у Горького и Маяковского).

Там же — статья В.Сендерова «Дмитрий Галковский и Владимир Соловьев», полемизирующая с оценками Галковским наследия русского философа.

Дружба народов:

В №2 — статья Л.Аннинского «Лучина и свеча: Армения в русской лирике» (в частности, о произведениях Ю.Веселовского, С.Городецкого, А.Кулебякина, Н.Тихонова, О.Мандельштама, А.Ахматовой, переводах В.Брюсова, А.Блока, К.Бальмонта).

Журналист:

В №2 — окончание публикации В.Скорятина «“Зевс” осведомляет...: Документы ОГПУ о гибели В.Маяковского» (начало в №1).

Там же — впервые публикуемый очерк Ф.Раскольникова «Сергей Есенин» (о встречах с поэтом в 20-е гг.); предисловие и публикация Ю.Мурина.

Знамя:

В №2 — рассказы Сергея Прокофьева «Блуждающая башня» (1918) и «Мерзкая собака» (1917); публикация и предисловие О.Прокофьева.

Континент:

В №74 — статья Г.Федотова «Древо на камне» (из сборника «Живое предание», Париж, 1937); послесловие А.Кырлежева.

Лепта:

В №1 — очерк Б.Зайцева «Изгнание» о судьбах русской эмиграции (из сборника «Русская литература в эмиграции», Питтсбург, 1972).

Там же — очерк Г.Адамовича «Сомнения и надежды» (из его книги «Одиночество и свобода», Нью-Йорк, 1955); публикация В.Денисова.

Там же — повесть В.Костикова «Последний пароход» (о высылке русской интеллигенции в 1922 г.)

Литературное обозрение:

В №1/2 — под заглавием «Письменный стол: 1982-1984» публикуются наброски и воспоминания В.Шкловского; вступление и публикация О.Панченко.

Там же — четыре стихотворения Н.М.Мешкова из сборника «Снежные будни» (1911), а также десять впервые публикуемых стихотворений; предисловие О.Сушковой.

Там же — впервые публикуемая работа Р.В.Иванова-Разумника «XIII. Нечто о ничем» (первая редакция известной статьи «Взгляд и нечто», 1922); вступительная статья и публикация В.Г.Белоуса.

Там же — рецензия Д.Боулта на книги: Лившиц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы. воспоминания. Л., 1989; Лившиц Б. Полутороглазый стрелец. М., 1991.

Там же — статья Л.Ф.Кациса «Гейне. Розанов. Маяковский: К проблеме иудео-христианского диалога в русской культуре XX века».

Там же — под заглавием «Была ли рукопись Б.Пильняка отвергнута советскими журналами?» печатается письмо Б.Андроникашвили-Пильняка по поводу статьи И.Шайтанова «О двух именах и об одном десятилетии» (в №6,7 «Литературного обозрения» за 1991 г.), посвященной, в частности, издательской судьбе повести Б.Пильняка «Красное дерево». Здесь же публикуется ответ И.Шайтанова.

Там же — письмо в редакцию А.Г.Тимофеева по поводу некачественной перепечатки журналом «Современная драматургия» пьесы М.Кузмина «Смерть Нерона» (в №4 за 1991 г.)

Логос:

В №3 (вышел в феврале) — большая подборка писем к Г.Г.Шпету Э.Гуссерля (1913-1914 гг.; предисловие, перевод и примечания В.И.Молчановой), Г.И.Челпанова, Л.И.Шестова, Б.В.Яковенко, С.Л.Шатенштейн-Вейман и Р.О.Якобсона (1912-1929 гг.; публикация, предисловие и примечания И.Чубарова). С одним из писем Р.Якобсона читатель «DV» уже знаком по №1(2) за 1993 г.

Молодая гвардия:

В №2 — пять стихотворений К.Бальмонта из его сборников «Белый зодчий» (1914) и «Ясень: Видение дерева» (1916); составление С.Жарикова.

Там же — повесть В.Сорокина «Павел Васильев. Дело № 11245», основанная на документах.

Там же — под заглавием «Неизвестные письма М.А.Шолохова» публикуются десять писем 1927-1946 гг. в различные издательства и редакции; публикация и примечания Ю.А.Дворяшина.

Москва:

В №2 — статья В.В.Розанова «Возврат к Пушкину» (1912, в сокращении); вступление и подготовка текста С.Селивановой.

Московский наблюдатель:

В №2/3 — статья Т.Николеску «Первая русская пьеса ужасов: Андрей Белый в работе над драмой «Москва»».

Музыкальная жизнь:

В №3 — окончание статьи Я.Платека «Апостол духовности» о музыке в жизни и творчестве А.Белого (начало в №1 и 2).

Наука и религия:

В №2 — продолжение работы А.Никитина «Тамплиеры в Москве» (начало в №4-12 за 1992 г. и №1 за 1993 г.).

Новое время:

В №7 — под заглавием «Нетерпение» публикуются фрагменты статьи Ф.Степуна «Религиозный смысл революции»; публикация И.Задорожнока.

Новый мир:

В №2 — эссе А.Пурина «Набоков и Евтерпа». Там же — публикация писем М.В.Юдиной 1920-1960-х гг. (в частности, В.М.Жирмунскому, Е.П.Казанович, Н.К.Бруни, М.Л. и П.П.Сувчинским).

Октябрь:

В №2 — продолжение «Иисуса Неизвестного» Д.Мережковского (начало в №11-12 за 1992 г. и №1 за 1993 г.)

Там же — два рассказа Л.Д.Зиновьевой-Аннибал из ее сборников «Трагический зверинец» (1907) и «Нет!» (1918); предисловие и публикация М.Михайловой.

Подъем:

В №2 — статья И.Бирюлина и А.Пятунина «Встречи с Шолоховым» (записи рассказов земляков М.Шолохова и воспоминания авторов о встречах с писателем).

Родина:

В №2 — публикуются два письма М.Шолохова к И.Сталину от 16 января 1931 г. и 29 октября 1932 г., посвященные организации колхозов, и письмо А.Ахматовой к И.Сталину от 24 апреля 1950 г. с просьбой об освобождении сына; публикация под редакцией Р.Пихоя.

Там же — письмо В.Черныха по поводу послесловия В.Оскоцкого к публикации «...Удушье, которое длилось годами» (№4 «Родины» за 1992 г.), посвященного, в частности, стихам А.Ахматовой из цикла «Слава миру».

Свободная мысль:

В №4 — статья Н.Примочкиной «“Донкихоты большевизма”: Максим Горький и Николай Бухарин».

Сельская молодежь:

В №2 — «Странички из дневников» 1905-1934 гг. П.Романова; предисловие С.Никоненко.

Социум:

В №1 — статья В.Соловьева «Тайна прогресса» (печатается по изданию: Соловьев В. Соч. в 2-х т. М., 1990. Т.2).

Там же — эссе И.Пешкова «Риторическая апология Михаила Бахтина, или Итоги несовершенного поступка».

Столица:

В №10 — рассказ А.Аверченко «Трамвай» (из «Нового Сатирикона», 1917); публикация Р.Соколовского.

Театральная жизнь:

В №3 — статья В.Ходасевича «Художественный театр», посвященная гастролям МХАТа в Париже (из газеты «Возрождение», 1937, 13 августа).

Там же — двадцать писем (некоторые в сокращении) Н.Тэффи к Е.Н.Рошиной-Инсаровой за

1922-1951 гг. (из архива Колумбийского университета, США); публикация и примечания В.В. (так! — DV).

Там же — фрагменты из трех писем М.Алданова к А.Полякову и двух писем Г.Адамовича М.Алданову за 1944-1945 гг.

ГАЗЕТЫ

Газеты, просмотренные «De Visu» (февраль 1993 г.): Аргументы и факты, Арт-фонарь, Век, Ветеран, Вечерний клуб, Вечерний Петербург, Вечерняя Москва, Восточный экспресс, Гласность, Голос, Голос Родины, Гудок, Гуманитарный фонд, Деловой мир, 24, День, Домашнее чтение, Домострой, Досье-ЛГ, Еврейская газета, Известия, Книжное обозрение, Комсомольская правда, Крестьянская Россия, Крестьянские ведомости, Криминальная хроника, Культура, Куранты, Литературная газета, Литературная Россия, Литературные новости, Московская правда, Московские новости, Московский комсомолец, Московский литератор, Народ мой — Ами, Народная газета, Начало, Невское время, Неделя, Независимая газета, Патриот, Подмосковные известия, Подмосковье, Правда, Рабочая трибуна, Российская газета, Российские вести, Россия, Русский вестник, Санкт-Петербургские ведомости, Семья, Смена, Собеседник, Совершенно секретно, Советская Россия, Сын Отечества, Третье сословие, Труд, Учительская газета, Федерация, Час пик, Экран и сцена, Эмиграция.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Вечерний клуб:

В №33/34 — рецензия К.Мухина «Гумилев — Рейснер: Тайна любви» на постановку драматической поэмы Н.Гумилева «Гондла» (театр «Сфера», режиссер Е.Еланская).

В №45/46 — рецензия Н.Ивиной на фильм «Между любовью и любовью распят мой век...», посвященный М.Цветаевой (авторы сценария А.Саакянц и А.Кузнецова, режиссер А.Торстенсен).

Вечерний Петербург:

В №32 — под заголовком «Учитесь жертвовать собой!» публикуются фрагменты из книги Г.Адамовича «Комментарии» (1967); предисловие С.Ивановой.

В №44 — под заголовком «Я пою так, как пою — я» печатаются стихотворения Л.Лесной (1889-1972): «Пути», «Письма», «Амогово», «Умное», «Теперь», «Слова», «Кубарь» и «Те, что тебе» 1915-1922 гг.; предисловие М.Акимовой и Т.Авловой.

Вечерняя Москва:

В №27 — статья С.Земляного «В доме, обитаемом поэзией» к 103-й годовщине со дня рождения Б.Пастернака (о даче поэта в Переделкино).

В №29 — заметка В.Шевцова «Это не только поэзия...» (о встречах с М.М.Пришвиным и юбилейном вечере писателя в 1948 г. в ЦДЛ).

В №34 — статья С.Лукашиной «Поддержи нас еще, Земля» к 100-летию со дня рождения писателя А.Р.Палея.

Голос Родины:

В №5 — анонимная заметка «Переиздается журнал "Путь"» (о готовящемся репринтном переиздании парижского журнала «Путь», издательство «Информ-Прогресс» совместно с журналом «Москва»).

Там же — перепечатка рассказа В.Шкловского «Конец любви», сопровождаемый анонимной заметкой «Надежда на встречу: (К 100-летию со дня рождения Виктора Шкловского)».

Там же — заметка В.Овсова «В доме Марины Цветаевой» о выставке «Культура русского зарубежья» в Доме-музее поэтессы.

Гудок:

В №21 — под заголовком «"Мирская чаша" души» фрагменты из дневников М.Пришвина 1917-1919 гг.; предисловие и публикация А.Борисова.

Деловой мир:

В №38 — заметка М.Дмитриевой «Василий Розанов у себя дома» (об открытии музея В.Розанова в Сергиевом Посаде).

24:

В №12 — заметка В.Павленко «Рерихи остаются с нами» об открытии в Москве Музея имени Н.К.Рериха.

День:

В №5 — статья Е.Черносвитова «Знакомая маска: Айседора Дункан» (о «вредном влиянии» А.Дункан на С.Есенина).

Там же — под заголовком «Перестрой» публикуется очерк А.Амфитеатрова «Фашизм»; публикация и предисловие А.Соловьева.

Там же — Отрывок из «Проповени о проросли мировой» П.Филонова.

В №7 — статья И.Александрова «Лимитрофы и туранские кузнецы» (об истории евразийства).

Домашнее чтение:

В №8 — под заголовком «Венок Пушкину» напечатаны стихотворения А.Ахматовой («Пушкин», 1943), И.Северянина («Весна в Кишиневе»), Д.Андреева («У памятника Пушкину», 1950).

Там же — перепечатка очерка В.Дорошевича «...Одесский язык» («Одесский листок», 1895) и фельетона А.Аверченко «Новый телеграф» («Новый Сатирикон», 1917; опубликован под псевдонимом «Медуза-Горгона»); публикация Е.Вишневской.

В №9 — перепечатка статьи И.Шмелева «Душа Родины» (Русская газета. Париж, 1924. 16 февраля).

Там же — перепечатка рассказа М.Пришвина «Любовь к воздуху» (Красная новь. 1928. №12).

Домострой:

В №5 — заметка В.Борисова «Новый центр русского сознания: Открыт музей-читальня Н.Ф.Федорова в Беляеве».

В № 5 и 6 — окончание эссе М.Волошина «Пророки и мстители» (о Великой французской революции; начало в № 3 и 4); публикация и послесловие Н.Лисового.

Досье-ЛГ:

В №2 — фрагмент из повести А.Ф.Лосева «Жизнь»; вступление Г.Зверева.

Там же — под заглавием «Из переписки Н.А.Заболоцкого с К.Э.Циолковским» публикуется письмо Заболоцкого от 18 января 1932 г.; публикатор и автор вступительной заметки не указан.

Известия:

В №28 — заметка К.Смирнова «Открылся музей Рерихов».

Книжное обозрение:

В №6 — под заголовком «Докука и балагурье» печатаются сказки А.Ремизова «Жулики» (1909), «Летчик» (1910), «Медведчик» (1912); подготовка текста и предисловие М.Козьменко.

Там же — критические заметки В.Ганичева по поводу издания книги П.Васильева «Весны возвращаются» (М., 1992).

В №7 — «литературный анекдот» К.Ваншенкина о В.Маяковском и М.Черемных.

Там же — рецензия М.Антонова «Свое прочтение Булгакова» на книгу: Яновская Л. Треугольник Воланда. Киев: Лыбидь, 1992.

Коммерсантъ-daily:

В №17 — рецензия Дм. Минченка «Новое прочтение Зоценко вызывает и смех, и печаль» на спектакль «Уважаемые граждане» по рассказам М.Зоценко (Новая сцена МХАТ, режиссер И.Кашинцев).

В №21 — рецензия Е.Кретовой «Белая гвардия так и не запела» на спектакль «Белая гвардия» по пьесе М.Булгакова (Театр им. Моссавета, режиссер П.Хомский).

Культура:

В №7 — заметка Е.Кончина «Музей “Поисков Красоты”» (об открытии в Москве Музея им. Н.К.Рериха).

В №8 — рассказ писателя 1920-1930-х гг. В.Ветова (В.С.Трубецкого) «Даша лису» (печатается с небольшими сокращениями) и статья о писателе его сына А.В.Трубецкого.

Там же — рецензия Т.Полонского «Ревную Турбинных к их легенде» на спектакль Театра им. Моссавета «Белая гвардия» по пьесе М.Булгакова.

Литературная газета:

В №5 — статья В.Радзисевского «Я душу над пропастью натянул канатом, жонглируя словами, закачался над ней...» к 100-летию со дня рождения В.Маяковского.

Там же — под заглавием «Быть подданным совести» интервью И.Фонакова с Д.Лихачевым.

В №6 — рецензии А.Туркова на книги: Азадовский К.М., Дьконова Е.М.Бальмонт и Япония. М., 1991; Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы. М., 1991; «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сборник. М., 1991.

В №8 — рассказ М.М.Пришвина «Сон о Горьком» (1941); публикация Л.А.Рязановой.

Литературная Россия:

В №5 — статья П.Б.Струве «Растущий и живой Пушкин» (1937). Печатается по изданию: Струве П.Б. Дух и Слово. Париж, 1981; предисловие М.Филина.

Литературные новости:

В №24 — продолжение «Автобиографических заметок» И.Бунина (начало — в №23).

В №25 — под заглавием «Валентин Катаев в декабре 34-го» перепечатывается очерк В.Катаева «Тени» об убийстве С.Кирова (Красная новь. 1935. №1); предисловие Г.Калинина.

Там же — под шапкой «25 января исполнилось 100 лет со дня рождения В.Б.Шкловского» публикуется не включенный в книгу «О теории прозы» (1982) набросок главы «Структурализм и разрубленная змея» и «Записи вслух» (декабрь 1983 г.); вступительная статья, подготовка текста и публикация О.Панченко.

Московский комсомолец:

В №30 — статья Л.Аннинского «Железный Феликс напротив Соловецкого камня», ранее опубликованная в «Русской мысли» и повторяющая более чем сомнительную атрибуцию известных строк Ходасевича (см.: «DV». 1993. №5(6). С.91).

Московские ведомости: Бесплатное приложение

В №20 — начало публикации воспоминаний В.Шаламова «Осколки двадцатых годов» (ранее под названием «Двадцатые годы» уже публиковавшихся в журнале «Юность»).

Московские новости:

В №6 — анонимная заметка «Ищи себе доверчивых подруг» о выходе второго номера журнала «Здесь и теперь», посвященного 100-летию со дня рождения М.Цветаевой.

Московский литератор:

В №2 — заметка Е.Королева «Открыт музей-читальня Н.Федорова».

Народная газета:

В №22 — к 120-летию М.Пришвина печатается статья Г.Блюмина «В московском Полесье» (о жизни Пришвина в Сергиевом Посаде) и заметка В.Долгирева «...И переезж жизнь свою на дачу» (о жизни Пришвина в Пушкине в 1944-1946 гг.)

В №31 — заметка А.Нефедова «Первый в России» (об открытии в Москве Музея им. Н.К.Рериха при Международном центре Рерихов).

Начало:

В №37 — статья У.Спектора «Арестованный Бабель: К судьбе рукописей и последних публикаций».

Там же — эссе-воспоминание А.Кучаева «Поминки» (в частности, о встречах в 1950-ые гг. с А.Ахматовой и Ю.Олешей).

Независимая газета:

В №19 — перепечатка рассказа Гайто Газданова «Смерть пингвина» (Воля России. Прага, 1927. №8/9); предисловие С.Федякина.

В №23 — две рецензии (Г.Бирюкова и В.Денисова) на спектакль Театра им. К.С.Станиславского «Уважаемые граждане...» по рассказам М.Зощенко (режиссер А.Славутский).

В №25 — под заглавием «Я не люблю зарю. Предпочитаю свист и бурю...» публикуются статья С.Федякина и стихотворения К.Вагинова: «Тает маятник, умолкает...», «За осоку, за лед, за снега...», «Чернеет ночь в руке моей поднятой...», «Бегу в ночи над Финские дорожной...», «Я звезды не люблю. Люблю глухие дома...», «Я променял весь дивный гул природы...» (1922), «И пестрой жизнь моя была...» (1923), «Всю ночь дома дышали светом...», «На набережной рассвет...»

В №26 — статья Г.Гачева «Авангард: Взгляд сомневающегося» (в частности, о русской литературе 1920-1930-х гг.)

В №27 — статья Н. Александрова «Оправдание жизни: О прозе Гайто Газданова».

Подмосковные известия:

В №24 — статья М.Пришвина «Человек и природа» (из газеты «Кино», январь 1941 г.); публикация И.Хабарова.

В №30 и 31 — рассказ С.Р.Минцлова «Вечер третий» из цикла «Мистические вечера» (Последние новости. Париж, 1930); публикация И.Хабарова.

Подмосковье:

В №7 — статья С.Лайне и А.Рудакова «Читайте Пушкина медленно и внимательно» (о пушкиноведческих работах С.Л.Франка).

Российская газета:

В №28 — статья А.Калинина «Эта звезда вошла на Востоке» (к 114-й годовщине со дня рождения Е.И.Рерих); в публикацию включены фрагменты из ее писем.

Российские вести:

В №31 — анонимная заметка «Конференция на родине М.М.Бахтина» (о научно-практической конференции в Орле, посвященной творчеству М.Бахтина).

Русский вестник:

В №6 — под заглавием «Венок розовых шпоров к одному юбилею: (Иное мнение о В.Соловьеве)» публикуются отрывки из различных произведений В.Розанова, содержащие критические отзывы о В.Соловьеве.

Русская мысль (Париж):

В №3965 — продолжение публикации записей Б.Зайцева «Дни» за 1939-1945 гг. (начало в №3961).

В №3966 — продолжение публикации «Дней» Б.Зайцева (в частности, о смерти и похоронах Д.Мережковского).

Там же — статья В.Сендерова «Несостоявшееся возвращение: Поэзия Георгия Иванова в сегодняшней России», в которой автор на основе проведенных им самим опросов в вузах и пр. делает вывод о малой известности поэта в современной России.

Там же — рецензия Б.Пойзнера «Верлен, переведенный Сологубом» на книгу: Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. Томск: Водолей, 1992.

Там же — статья А.Иванова «Под знаком Бориса Зайцева» о вечере памяти писателя в московском «Доме Марины Цветаевой» 28 января 1993 г. (выступления Л.Миухина, Е.Дейч, О.Ростовой).

В №3967 — продолжение публикации Б.Зайцева «Дни» 1939-1945 гг. (начало в №3961).

Там же — рецензия Ю.Уфимцева «Публикация "второй свежести"» на книгу: Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М., 1992.

Там же — письмо в редакцию Г.Рубинштейна по поводу ошибок в статье Л.Аннинского в №3962 (см.: «DV». 1993. №5(6). С.91).

В №3968 — продолжение публикации «Дней» Б.Зайцева 1939-1945 гг.

Там же — рецензия А.Копейкина на книгу: Бюклинг Л. Письма Михаила Чехова Мстиславу Добужинскому. Helsinki, 1992.

Там же — рецензия С.Чертока на книгу: Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, материалов и эссе / Сост. М.Пархомовский. Иерусалим, 1992. Вып. I (1919-1939).

Там же — статья М.Германа «Портрет на фоне времени: Николай Николаевич Пунин (1888-1953)» по поводу прошедшей в С.-Петербурге в Музее Анны Ахматовой юбилейной выставки.

Слово и дело:

В №3 — фрагменты сочинений американских студентов А.Татгарта, Л.Пиллз, Дж. Мак-Кея из семинара профессора Ж.Г.Долгополовой (Университет Вашингтона и Ли, Вирджиния) о «Докторе Живаго» Б.Пастернака, «Белой гвардии» и «Мастере и Маргарите» М.Булгакова, рассказе И.Шмелева «Визит».

В №4 — к 140-летию со дня рождения В.С.Соловьева печатаются статьи Ю.Л.Куриколова «В.Соловьев и церковь», С.А.Гриба «Мой Владимир Соловьев», Е.Мичева «Фонд имени Вл. Соловьева» и др.

Там же — рассказ П.Гнедича «Римский прокуратор» — весьма вероятный источник «Мастера и Маргариты» М.Булгакова; публикация Ф.Балонова.

В №6 — статья М.Аникина «Александр Серафимович — автор "Тихого Дона"» (в рубрике «А почему бы и нет?»).

Совершенно секретно:

В №2 — под заглавием «Был он и не "граф" и не "Толстой"» печатаются воспоминания Р.Гуля о встречах с А.Н.Толстым в 1920-1930-ые гг. (из книги Р.Гуля «Я унес Россию»).

Советская Россия:

В №14 — под заглавием «Быть русским, любить Россию — это духовное состояние» фрагменты из

дневника М.Пришвина (январь-февраль 1921 г.); публикация Л.Рязановой.

Третье сословие:

В №3 — рассказ А.Аверченко «Деньги семьи Дромадеровых» (1919).

Там же — стихотворение К.Бальмонта «Москва, 2 марта 1917 года».

Труд:

В №35 — под заглавием «...“Красные” тоже не товарищи мне» печатаются пять писем М.Горького В.Ленину 1919-1921 гг.; публикация И.Селезневой и Н.Надеждиной.

Учительская газета:

В №5 — статья Н.Савельевой «И была Александровская Слобода» (о Всероссийском литературном празднике школьников, посвященном 100-летию со дня рождения М.Цветаевой).

Федерация:

В №18 — рассказ В.Брюсова «В подземной тюрьме»; публикация А.Брежнева.

Там же — заметка В.Дагурова «Подарок ко дню юбилея» (об открытии в Москве Музея им. Н.К.Рериха).

***

В феврале 1993 г. в г.Талдоме Московской области вышел первый номер газеты «Клычковский вестник». Номер издан «на средства администрации района» как приложение к районной талдомской газете «Заря»; подготовлен совместно редакцией «Зари» и Домом-музеем Сергея Клычкова. Тираж 3020 экз.

Материалы первой полосы посвящены Дому-музею С.Клычкова: заметка «Приглашаем в музей» и

приветственное слово Н.Толстого «Поклон землякам». Здесь же мы находим выдержки из следственного дела поэта 1937 г. (протоколы заседаний Военной коллегии Верховного суда, приговор, справка). «Материалы предоставлены Ст.Куняевым (так! — ДУ). Публикуются впервые» — кратко извещает редакция.

Об истории организации первого вечера памяти поэта в Талдоме в 1979 г., издании книги его стихов в 1985 г. и открытии Дома-музея рассказывает в статье «О нем молчали полвека» Л.Соболева. Публикуются и выступления В.В.Морозова, Е.С.Клычковой, А.И.Михайлова, В.И.Синельникова, В.Е.Кузнецовой на открытии музея.

Историко-литературный раздел представлен отрывком из книги Н.Солнцева «Китежский павлин» (уже вышедшей в Москве отдельным изданием): в публикацию включено письмо Клычкова П.Журову от 2 ноября 1911 г. «О нашем доме» — название воспоминаний сестры поэта В.А.Судник; они посвящены детским годам С.Клычкова. Т.Хлебянкина (зав. Домом-музеем Клычкова) печатает по хранящемуся в музее автографу стихотворение «Пригрезился, быть может, водяной...» и атрибутирует его как принадлежащее С.Клычкову. В неподписанной статье «Поэт и его окружение: Клоев, Есенин, Клычков...» рассматриваются личные и творческие отношения поэтов; привлечены архивные источники, воспоминания современников.

В номере содержится также информация об изданиях произведений Клычкова во Франции и работах М.Нике о поэте; перепечатан отрывок из автобиографии Клычкова; Н.Сидорина и Н.Герасимов выступают со стихами, посвященными земляку.

Русская провинция и мировая культура

6-9 апреля 1993 г., Ярославль

Отечественные гуманитарии успешно продолжают штурм российской провинции. Очередная научная конференция, посвященная ее месту в мировой культуре, прошла в городе, который с уверенностью можно назвать столицей русской провинции.

Пока эстетики и искусствоведы спорят о терминах и готовят теоретическое обоснование провинции как особого явления русской культуры, филологи занимаются в основном конкретными проблемами, сопряженными с регионологией. Хотя и им не чужда тяга к обобщениям, что продемонстрировала в докладе «Русская провинция как трагическое пространство культуры: Чехов — Сологуб — Блок — Платонов» М.Г.Ваняшева (Ярославль). Провинциализм как специфическое амбивалентное качество русского национального мира стал основным объектом анализа в докладе Т.С.Золотниковой (Ярославль) «География души и география пространства: Творческая личность и ее провинция в мировой культуре. А.П.Чехов». Автору удалось убедительно показать, что изображаемый Чеховым «черный русский интеллигент-провинциал... превратит весь мир в свою провинцию как среду одухотворенного, но никогда не удовлетворяющего его обитания».

Провинциальные реалии как источник и тему творчества Б.Пастернака проанализировал в докладе «"Большой, как солнце, Балашов": Образ провинции как духовный автопортрет Б.Пастернака» В.С.Вахрушев (Балашов).

Наконец, И.В.Ваганова (Ярославль) вела в научный оборот малоизвестные архивные материалы,

связанные с деятельностью ярославского книгоиздателя К.Ф.Некрасова, выпустившего в 1911-1916 гг. ряд уникальных изданий зарубежной классической и современной литературы, привлекая для этого таких столичных переводчиков и специалистов, как В.Брюсов, К.Бальмонт, А.Бенуа, Б.Зайцев; автор доклада справедливо считает, что впервые выпущенные К.Некрасовым в их переводах и с их комментариями книги «Французские лирики XVII века», «Новеллы итальянского Возрождения», сочинения Г.Хейберга, Р.Демеля, Ж. де Нерваля, Ф.Клингера, Р.-М.Рильке, Б.Констана, Ф.Кроммелинка оказали несомненное влияние на русский литературный процесс начала века.

Еще два несомненно интересных доклада на конференции не прозвучали, но их тезисы опубликованы в выпущенном к ярославской встрече ученых сборнике тезисов. С.Е.Бирюков (Тамбов, «Релятивная провинция») обращает внимание на принципиальный характер антистоличной ориентации творческой практики разных поколений русского авангарда начиная с футуристов. Т.И.Волкова (Ярославль) представляет «довольно неординарное для провинциальной печати России конца XIX — начала XX вв. издание» — газету «Северный край», орган кружка ярославских либералов, сумевший привлечь к сотрудничеству А.М.Амфитеатрова, Н.А.Бердяева, Н.А.Рубакина, С.Н.Булгакова.

Ю.Б.Орлицкий

«Проблема времени: Время как элемент ментальной структуры»

7 апреля 1993 г., Москва

Конференция была проведена Советом молодых ученых и Советом теории и методологии литературоведения и искусствознания ОЛЯ РАН и организована благодаря настойчивости и энергии ученого секретаря последнего Т.А.Касаткиной. Указанная проблема была проанализирована докладчиками на материале самых различных областей: от поэтики Достоевского (Т.А.Касаткина, А.Б.Галкин) до викторианской литературы (А.Ю.Большаков, И.В.Кукулин, С.Ю.Кузнецов). Два доклада рассматривали представления о времени на материале русской литературы 1920-30-х гг. Характерно, что оба они были посвя-

щены творчеству обритутов, что, разумеется, не случайно, поскольку тема «времени» является одной из основных в их творчестве. Так, в докладе А.Г.Герасимовой (Москва) рассматривались различные реализации мотива «борьбы со временем» в творчестве обритутов и, в частности, идея сопряженности «остановки времени» и «смерти». Обсуждение последней идеи было достаточно бурным и временами сопровождалось апелляциями к мистическому опыту присутствующих. Несколько более филологически определенная проблема сопоставительного анализа поэтики дадаизма и ОБЭРИУ была поставлена в докладе И.А.Кужик (Москва). Возможные пути ее решения были намечены на примере мотивов «времени» и «возраста» в пьесе А.Введенского «Елка у Ивановых» и Р. де Витрака «Дети у власти».

С.Ю.Кузнецов

De Viza. 1993. №6(7).

© Ю.Б.Орлицкий.

© С.Ю.Кузнецов.

© Агентство «Алфавит», De Viza.

Третьи Эйдельмановские чтения

20 апреля 1993 г., Москва

Третьи Эйдельмановские чтения были организованы редакцией журнала «Знание — сила» и Комиссией по наследию Н.Я.Эйдельмана. Большая часть докладов, естественно, была посвящена русской литературе и истории XIX в. (С.Панов, К.Рогов, О.Проскурин, Л.Осват, А.Володин, Л.Захаров), доклад В.Порудоминского — стилю эйдельмановской прозы, В.Бараева — некоторым фактам биографии Эйдельмана.

Особо отметим доклад В.Проскуриной, сообщившей присутствующим о найденном ею рукописном журнале «Бульвар и переулки» (1915). Среди авторов единственного номера — Н.Бердяев, Вяч. Иванов,

М.Гершензон, В.Эри, Л.Бердяева, В.Шварсалон и др. Этот интереснейший историко-культурный документ своего времени был рассмотрен в контексте традиций русской «домашней» словесности; авторы, часто полемизировавшие друг с другом в печати, в «Бульваре и переулке» писали, снижая, «одомашнивая» высокие материи. Интересным было и выступление А.Немзера, поделившегося своими наблюдениями над романом Ю.Тынянова «Пушкин». По его мнению, на образ Карамзина в 3-й части романа прямо спроецирован Пушкин 1830-х гг.

DV

«Русская литература на исторических переломах: 20-е годы»

21-22 апреля 1993 г., Москва

Конференция, организованная сектором истории русской советской литературы ИМЛИ РАН, носила «рабочий» характер и была связана с проектом создания новой академической истории русской пореволюционной литературы.

Первый день конференции открыл В.Я.Саватеев (Москва), информировавший о работе возглавляемого им сектора по написанию новой истории. Он констатировал, что предметом изучения авторов будет не только «советская литература» (реальность существования которой докладчик не отрицал), но шире — «русская литература» пореволюционного периода; советское литературоведение последних десятилетий было не в состоянии проделать эту работу.

Прошедшая конференция, как нам кажется, как раз и продемонстрировала драматичность ситуации в современной академической науке, когда искреннее желание пересмотреть «кровное, завоеванное» предшественниками, найти новые решения наталкивается на устаревшие идеологические схемы, изжить которые оказывается очень трудно.

Н.В.Корниенко (Москва, доклад «20-е годы: Филологические гипотезы и историко-литературная реальность») говорила о невозможности построения в современных условиях «единой глобальной концепции» русской литературы XX в.; в качестве причин был назван, с одной стороны, «грех дедукции» (выражение И.Ильина), с другой — отсутствие «текстологической базы» и изучения «творческой истории» произведений. Была высказана, в частности, мысль о необходимости пересмотра и расширения понятия «пролетарская литература». Под нею — как это явствовало из ответа докладчика на выступления в прениях А.Ю.Галушкина, К.М.Поливанова, Н.Н.Примочкиной и Д.М.Фельдмана — понимается творчество писателей «пролетарского» и «крестьянского» (?) происхождения.

В.В.Мусатов (Нижний Новгород, «К осмыслению историко-литературной ситуации 20-х годов») оста-

новился на формах влияния идеологии на литературу. «Идеологизированная действительность» деформировала литературу, депсихологизировала ее, выдвигая на первый план тему «преодоления» человека как «материала». Этот процесс был рассмотрен на примерах «Жизни Клима Самгина» Горького, «Чапаева» Д.Фурманова, «Собачьего сердца» и «Белой гвардии» М.Булгакова, «Тихого Дона» М.Шолохова, произведений А.Платонова.

Н.В.Грознова (Санкт-Петербург, «Идейно-политическая борьба в судьбе русской литературы») призвала «срочно создавать глубокие концепции» для противостояния напору «нигилистических оценок» советской литературной классики (в частности, «Дороги на океан» Л.Леонова). Большая часть ее выступления была посвящена деятельности литературных группировок 20-х гг., само количество и разнообразие которых было оценено как «мучительная болезнь». Эта деятельность, по мнению докладчика, поддерживалась государством и партией с целью «разрушения» единства литературы. Выступившие в прениях А.Ю.Галушкин и Д.М.Фельдман указали на несоответствие положений доклада реальным фактам.

В непоименованном спонтанном выступлении В.В.Кожин (Москва) объяснил присутствующим, что написать что-нибудь о русской литературе 20-х годов ему всегда мешали цензурные условия, хотя он, Кожин, всегда оценивал ее очень высоко: Шолохова, например, можно поставить только в ряд с Гомером и Шекспиром, Шостаковича — с Бетховеном, а М.Бахтина вообще поставить рядом не с кем. Докладчик поделился и другими личными воспоминаниями о своей молодости, рассуждал о борьбе Бога и дьявола и т.п. Это выступление настолько диссонировало общему тону конференции, что мы можем объяснить его только тем, что в данном случае докладчик выступал не столько как исследователь, сколько как представитель той литературной

эпохи, к осмыслению которой призывали участники конференции.

У В.Е.Ковского (Москва) в докладе «Партийная идеология и литература», в отличие от предыдущих, не только прозвучала мысль о необходимости пересмотра многих работ по истории советской литературы, но и были намечены некоторые задачи и направления будущей деятельности. В частности, докладчик остановился на особенностях литературной политики партии в 20-е гг. и формах ее проведения в жизнь.

Л.П.Егорова (Ставрополь, «К вопросу о периодизации русской литературы XX века») говорила о невозможности сегодня расценивать 1917-й год как историко-литературную веку и призвала ученых исходить прежде всего из «эстетических дефиниций». Это выступление оживленно обсуждалось в прениях В.Е.Ковским, В.В.Мусатовым, Д.М.Фельдманом.

Доклад Е.В.Ивановой (Москва) был несколько конкретнее (его название — «Изменение литературной ситуации после 1917 года»). Остановившись на особенностях восприятия символами Октябрьской революции, она констатировала изменение после революции «духовной ситуации» и «материальных условий существования литературы». Развитие литературы 20-х годов она напрямую связала с «отбытием из России на двух пароходах всей философии».

И.А.Сорокина (Екатеринбург) в непоименованном докладе остановилась на отношениях «напостовства» и власти в 1923-1925 гг. Было проанализировано становление «напостовства» в 1923 г., критическая реакция партийных деятелей на первые выступления «напостовцев» (на материале известного совещания в 1924 г.) и последующая эволюция этого течения.

М.М.Голубков (Москва, «Эстетические системы в русской литературе 20-х гг.») говорил об определенной суверенности литературы в эти годы. Соотношение внешних и внутренних законов развития литературы очень сложно. В советской литературе, по мнению докладчика, продолжали существовать две эстетические системы, сложившиеся еще до революции: «модернистская» и «реалистическая»; «социалистический реализм» возник как «мутация» последней.

Первый день работы конференции завершился докладом И.А.Макаровой (Санкт-Петербург, «Петербургские и западно-европейские традиции в прозе 20-х годов: Д.Хармс»), поделившейся своими наблюдениями над процессом «разрушения литературных моделей» в творчестве Хармса, противопоставлявшего, таким образом, себя русской классике XIX в. и современной ему литературе.

Второй день работы конференции был также насыщен докладами и спорами.

В докладе Л.П.Клеменцова (Москва, «Русская литература как эстетическое целое») был проанализирован процесс утраты русской литературой 1920-х гг. статуса искусства и превращения ее в «винтик тоталитарного государства»; этот процесс, по наблюдению докладчика, произошел в результате перемещения литературы из эстетической сферы в сферу идеологии.

А.М.Крюкова (Москва) выступила с докладом «К спорам о двух потоках русской литературы 20-х

годов», призвав, как и выступавшая в первый день Л.П.Егорова, к борьбе с традиционной периодизацией русской литературы XX в. Докладчик отказалась признать 1917 год рубежом в ее истории. Эта периодизация — один из «мифов» нашей науки. Другой «миф» (причем «важнейший идеологический») — «миф о целостности» русской литературы, возникший, по мнению А.М.Крюковой, после выхода книги Г.П.Струве «Русская литература в изгнании». Это выступление вызвало ряд полемических откликов (А.И.Чагин, С.А.Коваленко, Н.В.Корниенко, С.Г.Семенова).

С.Г.Семенова (Москва, «Русская философская мысль 20-х годов: Традиции и революционная эпоха») говорила, конечно, о Н.Ф.Федорове и влиянии его идей на литературу 20-х гг. В ответ на критические выступления С.С.Лесневского и В.Я.Саватеева, докладчик посоветовала ознакомиться с ее печатными работами, объяснив, что «иначе трудно понять, о чем идет речь».

Выступление Т.М.Вахитовой (Санкт-Петербург, «Фольклоризм в русской прозе 20-х годов») оказалось несколько в стороне от обсуждения общих историко-литературных проблем и было посвящено «сказочным» мотивам у А.Платонова.

Близким по жанру этому докладу было и выступление И.Б.Савельзона (Оренбург, «Категория художественного мира в исследованиях русской прозы 20-х годов»), остановившегося на функциях эпиграфа в произведениях Платонова и малоизвестного воронежского писателя 1920-х гг. А.Н.Новикова. Положения доклада И.Б.Савельзона были скорректированы Т.А.Никоновой.

Б.В.Соколов (Москва) раскрыл в своем докладе «Творчество М.Булгакова в контексте времени» подтексты некоторых произведений Булгакова, возведя их едва ли не к единственному источнику — литературной личности С.С.Заяцкого. Продемонстрированное докладчиком детальное знание булгаковского архива в ОР РГБ не избавило, впрочем, его сообщение от некоторых неточностей, которые прояснил в прениях Д.М.Фельдман.

А.М.Ушаков (Москва) вернулся к обсуждению общих проблем и предложил отказаться от анализа «пролетарской литературы» 20-х гг. как самостоятельного литературного явления. «Пролетарская литература» представляет собой достаточно искусственную конструкцию из абсолютно разнородных элементов.

Т.А.Никонова (Воронеж, «Тема России и ее судьбы в прозе 20-х годов») пыталась проследить генезис категорий «положительного» и «отрицательного» (а позднее — и «идеального») героя в литературе. По ее мнению, эти категории сформировались именно в 20-е годы. С этим утверждением не согласились А.М.Ушаков и К.М.Поливанов, напомнившие о художественном опыте литературы классицизма.

Л.И.Гронская (Ставрополь) говорила об идеологизированности советской детской литературы; на этом фоне, по ее наблюдению, симпатии читателей-детей отдавались преимущественно писателям-обэристам.

Причины самоубийства Есенина и Маяковского, по мнению Н.В.Дзищевой (Иваново), — в той же общей литературной ситуации 20-х гг., в невозможности противостояния лирической поэзии советской массовой культуре. Это заявление также вызвало оживленные прения, в которых приняли участие С.И.Субботин, К.М.Поливанов, А.М.Ушаков.

В дискуссии по итогам двухдневной конференции выступили К.М.Поливанов (говоривший об условно-

сти периодизации в истории литературы и о необходимости учета политических реалий в истории советской литературы), Д.М.Фельдман (внесший ряд ценных наблюдений к вопросу об издательской политике в 20-е гг.), а также А.М.Крюкова и А.М.Ушаков.

Г.К.П.

Редакция «De Visu» просит научные, учебные, литературные организации и общества, музеи и др. информировать о планирующихся и прошедших конференциях, симпозиумах и семинарах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг. Журнал готов разместить ваши объявления и отчеты.

«Шпет в Сибири» сборник

Составители: М.К.Поливанов, Н.В.Серебренников, М.Г.Шторх, под редакцией Н.В.Серебренникова. Томск: Водолей, 1993 (III-IV кв.). 18 печ. л., фотографии. Ориентировочная цена 350 р.

Г.Г.Шпет (1879-1937) - феноменолог, эстетик, логик, историк, литературовед — один из крупнейших философов XX века. В 1935-37 гг. — в сибирской ссылке. Расстрелян. Настоящее издание представляет собой полный свод известных на сей день впервые публикуемых материалов о последних годах жизни Шпета. В книгу вошли Сибирские письма, переводы, документы, фотографии, воспоминания и статьи о философе.

Принимаются предварительные заказы. Книги высылаются наложенным платежом.

Адрес издательства: 634032, Томск, пер.Батенькова, 1, ОНБ им. А.С.Пушкина, издательство «Водолей».

26-28 октября сего года Институт мировой литературы им. М.Горького РАН совместно с Музеем Андрея Белого проводят в Москве Международную конференцию, посвященную жизни и творчеству Андрея Белого.

Заявки на участие в конференции с указанием темы предполагаемого выступления просьба присылать по адресу: 121069, Москва, Г-69, Поварская, 25а, Институт мировой литературы им. М.Горького РАН, Отдел русской литературы конца XIX — начала XX века, тел. 202-94-33.

Срок подачи заявок — до 10 сентября сего года.

Первые Осоргинские чтения

18-21 октября 1993 г. Пермский университет проводит научную конференцию «Осоргинские чтения». Она посвящена изучению жизни и творчества М.А.Осоргина.

По всем вопросам обращаться по адресу: 614600 Пермь, ул. Букирева, 15. Пермский университет, кафедра русской литературы.

Телефоны: (3422) 39-63-74, 39-66-21. Fax: (3422) 33-80-14. E-mail: mvm@pgu.perm.su.

Содержание предыдущих номеров:

№0 за 1992 год:

- И.Г.Эренбург. Статьи 1919 года
- Е.И.Замятин. Письмо А.К.Воронскому
- «Сборник контрреволюционных произведений» Д.Хармса, А.Введенского, И.Бахтерева и др. (из их следственного дела)
- А.Е.Парнис. Вячеслав Иванов и Хлебников
- Н.А.Богомолов. Окультизм в творчестве Гумилева
- К.М.Поливанов. Марина Цветаева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»
- А.Т.Никитаев. Ничего: материалы к истории и библиографии
- Тематическая текущая библиография за июль-август 1992 г.
- Хроника научной жизни

№1 за 1993 год:

- Ранние опыты Г.О.Винокура
- Р.О.Якобсон. Письмо Г.Г.Шпелера
- Б.М.Эйхенбаум. Дневник 1917-1918 гг.
- В.Б.Шкловский. Письма М.Горькому 1917-1923 гг.
- И.Ю.Подгаецкая. Пастернак и Верлен
- А.Ю.Галушкин. Новые материалы к библиографии В.Б.Шкловского
- Тематическая текущая библиография за сентябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№2 за 1993 год:

- Вокруг гибели Надежды Львовой: неизданные материалы
- Н.А.Бердяев. Письма Андрею Белому
- Инна Андреева. К истории отношений В.Ф.Ходасевича и Муни (С.В.Кисина)
- А.Л.Соболев. «Грядущее» Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус
- О.С.Фигурнова. Игорь Северянин в Эстонии: материалы к библиографии
- Тематическая текущая библиография за октябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№3 за 1993 год:

- Александр Ширяевец. Из переписки 1912-1917 гг. с Н.А.Клюевым, С.М.Городецким, В.Ф.Ходасевичем, М.Горьким и др.
- М.Горький и Ф.А.Степун. Переписка
- Ю.М.Каган. О еврейской теме и библейских мотивах у Марины Цветаевой
- В.Г.Сукач. Материалы к библиографии В.В.Розанова
- Тематическая текущая библиография за ноябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№4 за 1993 год:

- В.Я.Брюсов. Стихотворения 1918-1921 гг.
- Борис Садовской. Кровавая звезда
- Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху
- М.П.Арцыбашев. Письма Борису Савинкову
- К.М.Поливанов. Заметки и материалы к «политической» биографии Бориса Пастернака
- А.Ю.Галушкин. В защиту свободы печати
- Тематическая текущая библиография за декабрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№5 за 1993 год:

- М.Ф.Ликиардопуло. Письма М.А.Кузмину
- Переписка В.Ф.Ходасевича и М.О.Гершензона
- М.А.Волошин. Письма С.Ф.Платонову
- М.Л.Гаспаров. Стих и смысл
- В.В.Попов, Б.Я.Фрезинский. Материалы к библиографии И.Г.Эренбурга
- Тематическая текущая библиография за январь 1993 г.
- Хроника научной жизни

**По вопросам подписки за рубежом
просим обращаться к нашему представителю:**

**Galina Zlotnikova,
PO BOX 1641 Madison Square Station
New-York, NY 10159-1641 USA**

В 1993 г. "De Visu"

предполагает опубликовать:

Неизвестные стихотворения Ф.Коган, В.Соловьева, С.Укше; рассказы И.Бабеля, А.Ремизова; переписку В.Соловьева и С.Трубецкого; письма А.Кондратьева Б.Садовскому; письма Б.Божнева, М.Волошина, Г.Газданова, М.Горького, М.Гершензона, Л.Добychина, Е.Замятина, В.Комаровского, Ю.Никольского, И.Сельвинского, Ю.Тынянова, В.Ходасевича, В.Шкловского, И.Шмелева, И.Эренбурга, Б.Эйхенбаума, В.Яновского; воспоминания А.Богданова, О.Дымова, А.Кондратьева, Е.Полонской; дневники Б.Поплавского, М.Пришвина; статьи И.Анненского, В.Брюсова, Вяч.Иванова, А.Куприна, М.Осоргина, Ф.Сологуба, А.Толстого, Р.Якобсона; стенограммы заседаний «Вольфила».

Статьи о творчестве В.Андреева, И.Аксенова, А.Ахматовой, М.Булгакова, К.Вагинова, А.Волынского, Л.Добychина, Г.Иванова, Н.Клюева, Д.Кнута, А.Крученых, О.Мандельштама, В.Маяковского, Д.Мережковского, В.Набокова, Ю.Олеси, Б.Пастернака, А.Платонова, А.Ремизова, В.Розанова, Ф.Сологуба, Д.Хармса, В.Хлебникова, В.Ходасевича, М.Цветаевой, К.Чуковского, Г.Шенгели.

Материалы к биографии Б.Пильняка.

Новые материалы к библиографии О.Мандельштама; материалы к библиографии М.Арцыбашева, О.Брика, Г.Газданова, С.Городецкого, Е.Замятина, Л.Лунца, В.Розанова, А.Тинякова; указатели содержания журналов и однодневных газет 1920-х гг.; «Свободный стих в критике 1900-1930-х гг.»

Материалы к истории и библиографии литературных групп «Серрапионовы братья», «экспрессионисты», «акоисты», «люминисты», «презантисты».

Материалы к истории раннего советского «самиздата».

Летопись литературной жизни Москвы и Петрограда 1918 года.

В каждом номере — тематическая текущая библиография (книги, журналы, газеты), хроника научной жизни (в ближайших номерах отчеты о конференциях в Вытегре, Коктебеле, Коломне, Москве, Перми, Петрозаводске, Таллинне, Тарту и др.)

В декабре 1993 г. предполагается выпустить №13(14), в который войдут: указатель содержания вышедших номеров, именной указатель, библиографические справки об авторах «DV».